

REVISTĂ DE ISTORIE A MOLDOVEI

ISSN 0236—3100

МОЛДАВСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Anul I

1990

3 (3)

Academia de științe a R.S.S.M.

STIMAȚI CITITORI!

Vă amintim, că a sosit timpul să reînnoiți abonamentul la „Revista de istorie a Moldovei“. Abonându-vă la revista noastră, veți fi la curent cu cele mai noi rezultate ale investigațiilor științifice, referitoare la diverse probleme din trecutul plaiului natal, efectuate de istoricieni din Moldova și România, îi veți susține pe tinerii cercetători, ce fac primii pași în cunoașterea adevăratei istorii a neamului. În fiecare număr se vor publica: lecții pe diverse teme din istoria Moldovei, date concrete privind istoria satelor și orașelor republicii noastre, recenzii, referate, comunicări științifice, materiale de la conferințe, „mese rotunde“, discuții științifice, etc. Se vor publica răspunsuri la scrisorile D-stră. Programul și conținutul revistei se va perfecționa sub influența proceselor de restructurare ce se desfășoară în societatea noastră, a intereselor și solicitărilor cititorilor.

Revista apare de partu ori pe an în limbile română și rusă.

Prețul fiecărui număr — 1 rub. 20 cop.

Index poștal — 76965.

COLEGIUL DE REDACȚIE

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A R.S.S. MOLDOVA
Institutul de istorie „I. S. Grosul“

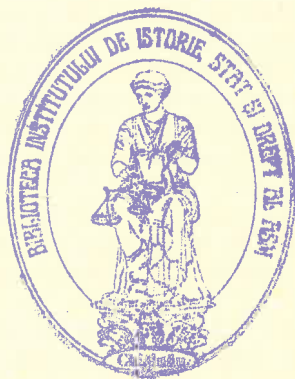
REVISTĂ DE ISTORIE A MOLDOVEI

МОЛДАВСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3(3) 1990

Iulie—septembrie

Revistă științifică
Fondată în 1990
Apare de patru ori pe an
în limbile moldovenească și rusă

CHIȘINAU «ȘTIINȚA» КИШИНЕВ, 1990

REVISTA
DE ISTORIE A
MOLDOVEI

COLEGIUL DE REDACȚIE

*Vladimir I. Țaranov (redactor-șef),
Demir M. Dragnev (redactor-șef adjunct),
Valeriu M. Opincă (secretar responsabil),
Nicolae V. Babilungă, Petru A. Boico, Nicolai N. Cervencov,
Iacob M. Copanschi, Eugeniu E. Certan, Andrei I. Eșanu,
Ion I. Jarcuțchi, Victor I. Jucov, Vasile D. Isac,
Artiom M. Lazarev, Iziaslav E. Levit,
Ion T. Niculiță, Anatolii A. Novoselțev,
Lucheria E. Repida, Pavel V. Sovetov,
Chiril V. Stratievski*

STUDII ИССЛЕДОВАНИЯ

A. I. Galben

ORGANELE JUDICIARE LOCALE DIN MOLDOVA FEUDALĂ (sec. XVIII — începutul sec. XIX)

Una dintre problemele puțin studiate în istoria Moldovei o constituie cea a istoriei statului și dreptului feudal moldovenesc, care a început să fie cercetată mai intens în ultimii ani, în timp ce în istoriografia de peste hotare întâlnim diverse lucrări științifice. Însă astfel de compartimente a organizării judiciare cum ar fi caracterizarea instituțiilor din Moldova, nu a fost studiată îndeajuns.

În ierarhia justiției moldovenești din perioada feudalismului târziu organele locale de stat îndeplineau rolul de instanță primară judiciară. Această funcție o îndeplinea obștea satească. În sec. XVIII — începutul sec. XIX obștea continua să păstreze unele din instituțiile vechi juridice: adunarea obștii și institutul «oamenilor buni și bătrâni»¹.

Ca și în perioada feudalismului timpuriu și dezvoltat în fiecare sat se păstra institutul vătămanului și vornicelului, în menirea cărora se afla reglementarea relațiilor dintre obștea satului cu feudalul ori statul². Adesea acești funcționari erau numiți de proprietar—domnitor, feudal laic ori ecleziastic. De altfel se ținea cont de dorința sătenilor³.

Ar fi o eroare să credem, că în perioada turco-fanariotă obștea satească continua să păstreze statutul de unități teritorial-economice libere. Doar în trei localități — Cîmpulung, Vrancea, și Tigheci obștile satești se bucurau de privilegiile de a trăi după normele obiceiului pământului⁴. Chiar unele procese penale erau judecate de «oamenii buni și bătrâni».

În sec. XVIII—începutul sec. XIX instituția «oamenilor buni și bătrâni» se păstra ca o reminiscență a societății precedente. Conform documentelor scrise «oamenii buni și bătrâni» se întâlnesc în izvoarele scrise încă la finele sec. XIV, în timp ce în Europa, de asemenea după documentele scrise, încă în faza târzie a democrației militare.

În Moldova «oamenii buni și bătrâni» erau aleși împreună cu vătămanul și vornicul conform obiceiului pământului, în ajunul Sf. Gheorghe⁵.

În institutul «oamenilor buni și bătrâni» intrau șase oameni. Împreună cu vătămanul ei îndeplineau aceleași funcții, aidoma rahinburgilor vechilor franci⁶. În competența acestui organ judiciar se afla cercetarea referitor la procesele funciare, de avere, moștenire și terminînd cu unele penale⁷.

Împuternicirile «oamenilor buni și bătrâni» erau foarte vaste. Ei îndeplineau funcțiile de reglamentatori ai obiceiurilor satului, a normelor de folosire și exploatare a pământului în cadrul obștii, dispuneau de o gamă largă de funcții.

«Oamenii buni și bătrâni» îndeplineau funcția de hotarnici în conflictele apărute în legătura cu fixarea hotarului dintre proprietăți, în urma operațiilor de vânzare-cumpărare, moștenire, împărțire a pământului, dăruire, schimb, amanet, protimisis, cît și în cazul neînțelegerilor în teritoriile devălmașe și colective. Ei judecau și cazurile ce se refereau la dreptul real și al obligațiilor.

În cazul infracțiunilor comise pe teritoriul hotarului satului, «oamenii buni și bătrâni» dădeau indicații și coordonau prinderea infractorului și apoi prin judecată oficială pedepsindu-l pentru crimele săvârșite. Exprimând interesele obștii și satului, sfatul «oamenilor buni și bătrâni» nu iertau îndeosebi infracțiunile referitoare la morala și normele juridice stabilite în satul și obștea respectivă.

Totuși, nu toate infracțiunile săvârșite pe teritoriul satului puteau fi judecate de «oamenii buni și bătrâni». Astfel, crimele comise de militari, în dependență de gradul militar, erau examinate de judecățile militare, iar ofițerii, începînd de la gradul de căpitan, de către Divanul domnesc ori domnitor⁸.

Pe parcursul perioadei ce ne interesează «oamenii buni și bătrâni» și-au păstrat intactă instituția lor. În 1720, la rezolvarea conflictului dintre proprietarul orașului Dorohoi și locuitorii satelor vecine Șendriceni și Cobîlnea, în afară de cei 12 pîrgari⁹ și vornicul Dorohoiului au mai participat șase «oameni buni și bătrâni», jurînd «cu brazdă pe cap», că au restabilit hotarul vechi¹⁰.

Unele competențe ale «oamenilor buni și bătrâni» se limitează spre sfîrșitul perioadei, mai ales în cazul moștenirilor. Probabil, limitarea funcțiilor instituției poate fi explicată prin transformările economice din baza societății și necesitatea trecerii la o legislație mai dezvoltată.

În cercetarea proceselor civile participau toți «oamenii buni și bătrâni», cu excepția fazei inițiale, în care erau numiți unul — doi din membrii instituției pentru a face cunoștință în cauză cu documentele ori plîngerile părților implicate în conflict.

Analiza minuțioasă a documentelor ne demonstrează că în prima jumătate a sec. XVIII instituția «oamenilor buni și bătrâni» păstra foarte multe atribute din perioada veche, însă treptat, spre jumătatea a doua a sec. XVIII organul juridic local, prima instanță judiciară din Moldova feudală, este supusă procesului de transformări. Deși obștea sătească îndeplinea multitudinea funcțiilor — economică, administrativă și juridică — ea demult nu mai era o celulă socială feudalizată¹¹. E evident că produsul obștii ce-l constituia «oamenii buni și bătrâni» nu putea să rămînă neschimbat. Noi nu dispunem de argumente ce ar confirma teza noastră referitor la organul judiciar local din Moldova în perioada veche și a feudalismului timpuriu, pentru ca în felul dat să urmărim evoluția instituției. Însă după cum «oamenii buni și bătrâni» au fost cunoscuți sub diferite variante aproape la toate popoarele lumii, putem doar să presupunem că în comparație cu perioadele cele mai vechi instituția respectivă a suferit schimbări cardinale în secolul XVIII.

Feudalii și domnitorul au găsit în instituția «oamenilor buni și bătrâni» o pîrghie eficace în aservirea și exploatarea obștii sătești, acordîndu-le hotărîrilor judiciare a acestora puterea de instanță hotărîtoare. În tot cazul, mai influentă s-a dovedit a fi hotărîrea «oamenilor buni și bătrâni» în perioada regimului turco-fanariot. Așa de exemplu, în toamna anului 1741 domnitorul C. Mavrocordat a semnat anafora conform căreia boierii și oamenii de curte erau obligați să țină cont de hotărîrile «oamenilor buni și bătrâni», dat fiind că ei cunoșteau mult mai bine posibilitățile, capacitățile și năzuințele fiecăruia¹².

Așadar, transformîndu-se într-un institut al societății cu clase, «oamenii buni și bătrâni» contribuiau la reglementarea relațiilor juridice în rîndurile păturii populației de jos. Fiind supuși feudalizării, «oamenii buni și bătrâni» își modifică într-o măsură anumită funcțiile. Una din principalele obligații devenise controlul fiecărui sătean de a plăti la timp și corect contribuțiile.

La această etapă «oamenii buni și bătrâni» urmăreau ca obștea sătească să îndeplinească întocmai indicațiile și directivele domnitorului, divanului, organelor județene, cît și cele ale feudalului. Regulat, în fie-

care an, ei convocau în piața din fața bisericii sau în fața unui alt edificiu religios, adunarea satului, la care se efectua un fel de recensămînt al populației. Obligația fiecărui cap de familie consta în faptul ca să declare corect de cîte pluguri, inventar agricol, vite de tracțiune, boi, vaci, oi stupi de albine și a. a dispus în anul trecut. În dependență de numărul averii mobile «oamenii buni și bătrîni» împărțeau între familii volumul impozitelor și prestațiilor pe care obștea satului era obligată să le îndeplinească.

Ținem să menționăm următoarea particularitate. După instaurarea regimului turco-fanariot, organele de stat contau foarte mult pe activitatea institutului «oamenilor buni și bătrîni». Nu întîmplător crescuse numărul cazurilor în care se controlau de către instanțele judiciare superioare «veridicitatea» hotărîrilor «oamenilor buni și bătrîni» în procesele fiscale. Controlorii urmăreau ca zeciuiala să fie îndeplinită de fiecare fără careva excepții, adică de orice sătean matur. Zeciuiala se lua de la vii, vitele de tracțiune și a., volumul cărora se fixa în catastif ori răboj¹³.

Catastifurile sau răbojurile se îndeplineau în două exemplare. Unul din exemplare era lăsat spre păstrare starostelui satului sau vătavului, de care se foloseau «oamenii buni și bătrîni» pentru a controla îndeplinirea de către a obligațiilor fiscale¹⁴. Cel de-al doilea exemplar se transmitea în centrul județian sau feudalului, căruia îi aparținea obștea.

După cum am menționat, pe lîngă relațiile funciare și de avere «oamenii buni și bătrîni» examenu și crimele penale, comise pe teritoriul obștii. Cele mai grave, cum ar fi furtul și omorul, erau judecate de instanțele judiciare superioare. Celelalte cazuri penale țineau de competența judecății «oamenilor buni și bătrîni».

De obicei, ei se foloseau de normele obiceiului pămîntului. Însă în sec. XVIII, datorită feudalizării de mai departe a obștii satești, se feudalizează și mai mult normele obiceiului pămîntului. De aceea, în pofida faptului, că în limba documentelor din perioada respectivă se vorbește despre folosirea «oamenilor buni și bătrîni», a obiceiurilor juridice, nicidecum nu înseamnă păstrarea caracterului democratic din perioada democrației militare în justiția satului moldovenesc din perioada regimului turco-fanariot. După cum scrie D. Cantemir¹⁵ criminalii nu puteau conta pe mărinimia judecătorilor decît în cazurile cînd ucigașii se împăca cu rudele celui omorît și cînd în mod public, în prezența domnitorului, se declara că îi iartă crima comisă și nu mai cer sînge pentru sînge, moarte pentru moarte. Însă chiar dacă ucigașul putea să se înțeleagă cu rudele celui omorît, conținînd astfel pe bunătatea domnitorului, totuși el nu putea fi garantat, că va rămîne în viață. În cazul dacă domnitorul era informat despre purtarea nedemnă a inculpatului de pînă la omorul săvîrșit, criminalul avea puține șanse de a rămîne în viață. Deși rudele celui ce a suferit îl iertau, ucigașul putea fi omorît printr-o decizie a domnitorului, sau în cel mai bun caz era trimis pe viață la minele de sare.

Drept argumente elocvente în acest sens ne pot servi documentele de pe timpul lui Ioan Calimah (1758—1761) și Gr. Calimah (1761—1764).

Un oarecare boier Ilie a omorît vătavul său, despre care fapt el «...a recunoscut în divan. Toți au acuzat crima săvîrșită — domnitorul, boierii din divan și rudele celui omorît, după ce el a fost aruncat în încisoare. Însă rudele jertfei nu au fost de acord cu hotărîrea luată și s-au adresat iarăși în divan cu plîngere, cerînd „moarte pentru moarte“. Rudele ucigașului, înțelegînd prea bine situația încordată și avînd putere, au izbutit să capete audiență la domnitor rugîndu-l să fie mărinimos și să-i păstreze viața boierului Ilie. În același timp, urmînd sfatul domnitorului, ei au încercat să găsească o variantă de compromis cu ru-

dele celui omorât. Totul decurgea normal. Se părea că boierul Ilie va fi condamnat la închisoare pe viață. Însă noul domnitor Gr. Calimah, revăzând unele procese din perioada precedentă s-a lovit și de cazul acesta. El a hotărât, că pentru a păstra cu sfințenie normele vechi și a lua «hotărâre cu adevărat dreaptă boierul Ilie trebuie să fie osândit la moarte»¹⁶.

Prin urmare, dacă ținem cont de relatările lui D. Cantemir și documentul ce ține de pe timpul celor doi domnitori I. Calimah și Gr. Calimah observăm o păstrare a unor elemente din normele obiceiului pământului și folosirea lor în justiția satului moldovenesc, chiar în perioada când în țară se foloseau pe larg legile bizantine.

Un rol considerabil în viața juridică a satului feudal moldovenesc din sec. XVIII — începutul sec. XIX continua să-l joace structura ierarhică a satului. În fruntea ei stăteau «oamenii buni și bătrâni», după care urma grupul «oamenilor vrednici», apoi «flăcăii satului». Pe ultima treaptă se afla așezată masa principală a locuitorilor satului — «bătrânii, femeile și copiii». Fiecare grup avea împuterniciri juridice, care se respectau cu strictețe. Grupul «oamenilor buni și bătrâni» avea obligația să păstreze obiceiurile și tradițiile satului natal. El reprezenta organul suprem juridic al satului și reglementa viața internă a obștii, concomitent îndeplinind funcția de organ juridic. Nimeni nu se încumeta să se amestece în hotărârile «oamenilor buni și bătrâni» — nici obștile vecine, nici feudalul. Chiar și domnitorul nu se încumeta tot timpul la o anulare a hotărârii «oamenilor buni și bătrâni».

Din grupul acestora se evidențiau cîțiva oameni — cei care cunoșteau obiceiul pământului, aveau o minte ageră și erau fizic bine dezvoltați, pentru a putea duce tratative cu obștile satelor vecine, feudali și puterea de stat.

Grupul «oamenilor vrednici» era alcătuit din oameni puternic dezvoltăți fizic, capabili de a îndeplini și materializa hotărârile judecătii de obște.

Grupul «flăcăilor satului» era format din tinerii necăsătoriți din satul natal. Ei se preocupau de pregătirea opiniei publice din sat înainte de începutul judecătii «oamenii buni și bătrâni», anunțînd locul și timpul la care avea să se petreacă procesul, cît și motivul ce a provocat judecata satului. Tot ei făceau cunoștință sătenilor cu părerile părților implicate în proces, astfel, sătenii veniți la judecata publică a satului erau inițiați în obiectul judecătii. În același timp «flăcăii satului» îndeplineau funcția de judecători satirici, ori moraliști ai satului natal.

Pe măsura procesului de aservire a obștii sătești și creșterii diferențierii sociale, în institutul «oamenilor buni și bătrâni» au survenit unele schimbări calitative. Această instituție este controlată de oamenii înstăriți și cu influență în sat.

Feudalizarea a contribuit și la intensificarea exploatarei oamenilor satului, ceea ce îi pune pe țărani să opună rezistență — adesea rezistența lor se transforma în luptă armată. La rîndul său mașina de stat ca apărător al clasei feudale și-a pus scopul să prevină astfel de acțiuni acordînd procesului de exploatare un caracter natural, tinzînd să legitimeze unele norme ale obiceiului pământului, atît de necesare boierilor. Prima tentativă de acest fel a fost întreprinsă prin reforma judiciară începută la 1588. Deja la finele sec. XVI, conform documentelor, domeniul de activitate al judecătorilor din Moldova era împărțit în «oameni buni» și «oameni răi»¹⁷.

În comparație cu sec. XVI—XVII judecata de obște din secolul XVIII a suferit schimbări esențiale. În competența obștii aflată sub «tutela domnească» rămase judecata cazurilor civile și morale. Toate ele erau examinate de «oamenii bătrâni» sub conducerea vătămănuului și ureadnicului. Vinovații erau amendați sau puși în închisoarea sătească¹⁸. Cercetarea cazurilor mai complicate urmau să depindă de «compe-

tența» judecății feudalului imunist sau judecății domnești (în cazul dacă proprietarul satului nu dispunea de gramotă de imunitate). Cît privește judecata obștii volohe, ea continua să se păstreze sub formă de instituție a conjuratorilor.

În secolul XVIII pîrîtul și reclamantul, ca în timpurile de mai înainte, puteau să prezinte, un anumit număr de martori — așa numiții «martori cu merite», care corespundeau posluhilor din «Pravda Rusă. Pînă în anii 40 ai sec. XVIII în Moldova, ca și în Rusia, conform legilor nescrise, țăranii aserviți erau considerați incapabili de a acționa în judecată. De aceea această pătură a populației a fost lipsită de dreptul de a participa în judecățile feudale. Însă în Moldova, după lichidarea vecinatlui în 1749, toate păturile sociale din societatea moldovenească (cu excepția unui mic grup de oameni — robii — ce includea în cea mai mare parte țăgarii) căpătase statutul de persoane cu drepturi personale.

Sentințele «oamenilor buni și bătrîni» erau proclamate în prezența preotului satului. Anume el întărea sentințele.

Ar fi o eroare să credem, că hotărîrile sau sentințele promulgate de «oamenii buni și bătrîni» au fost doar un rezultat al creației juridice locale. Dimpotrivă. Analiza minuțioasă a documentelor ne permite să ajungem la concluzia, că în sec. XVIII sentințele «oamenilor buni și bătrîni» s-au păstrat ca reminiscențe ale orînduirii gentilice. Insuși termenul este de proveniență traco-persiană de la cuvîntul *hat*¹⁹ — *hotar*. La originea apariției instituției membrii ei, «oamenii buni și bătrîni», se ocupau cu determinarea hotarelor dintre obștile teritoriale ori vecinatl, cît și cu cazurile scindărilor din cadrul obștilor. Mai tîrziu, pe măsură constituirii claselor, instituția se modifică, asumîndu-și rolul de reglementator al infracțiunilor și crimelor comise în cadrul obștii satești. De obicei majoritatea infracțiunilor aveau un caracter civil ori penal și se soldau cu delimitarea în favoarea celui ce cîștiga procesul cu o anumită parte din hotarul obștii. În documentele funciare toate aceste momente se fixau și erau confirmate de către reprezentanții, cultului religios ca hotărnicii, adică ca fenomene hotărîte. Procedeele respective intrase atît de mult în conștiința oamenilor, încît s-au păstrat și în perioada feudală și capitalistă sub denumirea de *hat*, *hotar*, *hotarnice*, *hotărnicii* ș. a. m. d.²⁰

Îndeplinind aceleași funcții judiciare vechi, în sec. XVIII «oamenii buni și bătrîni», cu brazda de pămînt pe cap mergeau pe întreg perimetrul hotarului în conflict și determinau acest hotar sau unitățile teritoriale implicate în judecată. În calitate de hotarnici puteau să activeze nu toți membrii instituției «oamenilor buni și bătrîni», ci doar doi—trei din ei, care se alegeau anual de obștea satească. În cazul conflictului funciar dintre obștea satească și otcina laică ori ecleziastică hotărnicii din numărul «oamenilor buni și bătrîni» se numeau de către domnitor sau mitropolit²¹.

Totuși în obiceiul pămîntului exista o particularitate deosebită «Oamenii buni și bătrîni» nu aveau dreptul de a intenta un proces în cazul cînd cineva era omorît de călușari în timpul jocului lor²², fiindcă «poporul credincios vedea în călușari persoane înzestrate cu capacități de a izgoni suferințele și bolile cronice»²³.

Un rol considerabil în viața juridică a satului moldovenesc îi revenea institutului vătămănuului. Vătămăanii se alegeau în aceleași zile și pe același termen ca și «oamenii buni și bătrîni», împreună cu care mențineau ordinea în obștea satească.

De menționat, că institutul vătămănuului a fost specific pentru realitatea administrativ-juridică a Moldovei doar în timpurile feudalismului dezvoltat și tîrziu. În tot cazul, nu cunoaștem o instituție similară în alte state europene. Vătămăanii în satul moldovenesc îndeplineau funcții executive și administrative.

În sec. XVIII institutul dat n-a fost înzestrat cu careva funcții speciale. Pe parcursul secolelor XVI—XVIII vătămarii îndeplineau de fapt funcțiile de polițiști și aveau împuterniciri mari. Vătămarii dispuneau de dreptul de a aresta infractorii sau inculpații și erau obligați să asigure prezența împrișinaților la judecata „oamenilor buni și bătrâni”. Puterea domnească conta foarte mult pe acțiunile vătămărilor, dat fiind că ei primii urmau să materializeze voința suveranului. Deaceia nu-i împlător faptul, că vătămarii erau întîlniți în toate satele, atît cele domnești, libere, cît și cele supuse feudalilor. Ei îndeplineau rolul de punte de legătură între puterea centrală și cea locală.

Vătămarii erau obligați să prindă hoții și toți infractorii satului și să-i transmită judecății obștii satului. Dacă faptele săvîrșite în cadrul arealului controlat de vătămari aveau un caracter penal, el era obligat să aresteze și să însoțească criminalul în instanța judiciară supremă — judecata domnească.

Vătămarii îndeplinea funcțiile sale fiind însoțit de un grup de oameni înarmați, numiți de sat în calitate de drujinari pe lîngă casa de obște. Iată cum descria procesul de menținere a ordinii publice în satele moldovenești Elvia Celebi: „Fiecare sat are vătămarii său și oamenii săi înarmați. În țară se menținea liniștea și respectul reciproc. Ordinea publică patrunse atît de mult în conștiința oamenilor, încît dacă cineva își permitea să poarte public careva bijuterii din pietre scumpe, nimeni nici nu se încumeta cel puțin să-i acorde o anumită atenție”²⁴.

Veridicitatea scrierilor călătorului turc este confirmată de două obiceiuri foarte răspîndite. În secolele XVI—XVIII în satele moldovenești ușile de la intrare în casă niciodată nu se încuiau cu lăcăși²⁵, ferestrele nu se fereau cu gratii. Toate aceste atribute apăruse mai tîrziu. În virtutea normelor obiceiurilor pămîntului, dacă stăpînul lipsea de acasă, se lăsa lîngă ușa de la intrare mătura ori un băț oarecare. Trecătorul sau oaspetele, văzînd acest semn, nu avea dreptul să pășească pragul casei. Dacă se încălca această normă juridică nescrisă se considera că s-a comis o crimă foarte gravă.

Sau alt obicei. În regiunile de sud și centrale ale Moldovei se ocupau cu cultivarea viței de vie din cele mai vechi timpuri. Mulți țărani aveau beciuri proprii în care păstrau unul sau două butoaie cu vin. În orice timp trecătorul putea să intre pentru ași potoli setea din butoiul cu vin în beciul la care ușile nu se închideau. Însă nu avea dreptul ca să ia cu el cît de puțin. Interesant că în acel timp în satele moldovenești nu se întîlneau oameni în stare de ebrietate, nu exista problema luptei împotriva alcoolismului și beției sau furtului²⁶.

Sîntem departe de gîndul idealizării dreptului și modului de viață a moldovenilor din perioada feudală. Ca în orice societate antagonistă în satele moldovenești funcționa un aparat de oprimare al mașinei de stat. Printre elementele acestui aparat se evidențiază VARTA²⁷ — închisoarea satului, în care se aflau reținuți arestanții pînă la ședința judecății de obște. Varta se afla sub controlul vătămării satului, iar cînd era pustie, se folosea după indicația „oamenilor buni și bătrâni” în interesele gospodărești ale întregii obști.

În satele ce aparțineau feudalilor vătămarii, pe lîngă funcțiile de menținere a ordinii publice, trebuiau să se ocupe și de adunarea impozitelor în favoarea stăpînului. Tot el controla activitatea vornicului satului, vornicului sau ureadnicului²⁸.

Satele ecleziastice se conduceau și se foloseau în temei de aceleași drepturi ca și satele laice. În fruntea lor stătea iegumenul, fiind ajutat de vătămari²⁹.

Instituția juridică a vătămării constituia unul din puținele organe juridice, care păstrase intact în activitatea sa pe tot teritoriul Moldovei atributele sale inițiale, indiferent de statutul satului — de stat, laic,

ecleziastic, sau de obște. În toate satele din sec. XVIII vornicii mai îndeplineau și funcții administrative. Iată ce ne confirmă documentul din februarie 1736. „Toți locuitorii satului trebuiau să transmită în ordinea stabilită vornicului după abicea toate prestațiile, iar acesta vătămanului. Ultimul transmitea cele adunate după instanțele existente”³⁰.

În secolele XVII—XVIII, în legătură cu reducerea numărului populației Moldovei, vătămanii în calitate de administratori erau obligați să se ocupe de angajarea la serviciu a străinilor veniți în țară cu traiul permanent, „oricine n-ar fi fost valah, rus ori ungur”, urmărind ca noii veniți să fie eliberați de impozite pe parcursul a trei ani de zile³¹.

Cel de al treilea institut juridic al satului moldovenesc din secolul XVIII era vornicul. Cei drept vornicii se ocupau mai puțin cu problemele juridice, dar mai mult cu cele fiscale. Vornicii, sau vornicelul ocupau o situație intermediară în ierarhia administrativ-legislativă a localităților rurale.

Statutul juridic al vornicului crește odată cu instituirea regimului turco-fanariot, care a intensificat exploatarea. Deaceia nu întâmplător la 5 aprilie 1733 domnitorul Grigorie II Ghica a obligat serdariile din Orhei și Lăpușna să numească vornici în fiecare sat din districtul controlat de ei³².

Domnitorii ce au urmat după Grigorie II Ghica au respectat această anafora domnească. Astfel, C. Mavrocordat a dezvoltat chiar mai departe ideea predecesorului său, intensificând controlul asupra activității vornicilor ce se ocupau cu adunarea impozitelor după vechiul obicei³³. Analizând cronicăa lui Ion Neculce³⁴, cit și directivele domnitorilor Gr. Ghica din 16 iunie 1740, a lui C. Mavrocordat din 8 și 24 octombrie, 17 și 19 noiembrie, 11 decembrie 1741 și 1 ianuarie 1742³⁵, putem constata că vornicii aveau menirea de a se ocupa doar cu problemele fiscale. Concomitent, ei trebuiau să acorde ajutor preotului satului, vătămanului și „oamenilor buni și bătrâni” în menținerea ordinii publice în satul natal.

Numirea vornicilor de către feudali sau ispravnici a dus ulterior la creșterea abuzului de putere a acestor funcționari rurali. Adesea sătenii nevoiți să opună rezistență deschisă vornicilor ca în cazul locuitorilor satului Vertujeni din județul Sorocea³⁶. Confruntarea dintre vornici și locuitorii satului nu putea să rămână neobservată de puterea supremă. Tocmai acest fapt l-a impus pe C. Mavrocordat să ceară prin reforma judiciară alegerea vornicilor satului, dar nu numirea lor ca pînă la 1741³⁷.

Ulterior vornicii nu numai că se alegeau, dar se transformau în reprezentanți ai judecăților de obște, mai corect într-un cerc de activitate a „oamenilor buni și bătrâni”. Despre aceasta ne confirmă documentele din a doua jumătate a sec. XVIII—început. secolului XIX³⁸.

O structură deosebită o aveau organele judiciare orășenești. Ele se deosebeau prin prezența instituțiilor juridice de două tipuri: alese de societatea orașului și numiți de domnitor sau feudal, cărui îi aparținea centrul urban. În prima categorie intrau așa numiții șoltuzi, voiții și pîrgarii, în categoria a doua vornicii sau pîrcălabii. Primii se alegeau pe un termen de un an de zile de către adunarea orășenilor — meseriași, tîrgoveți, proprietari funciari, care pe acele timpuri jucau rolul de instanță juridică locală. Categoria a doua se numea.

Șoltuzii, voiții și pîrgarii, în dependență de puterea materială a fiecărui orășean, împărțeau între ei obligațiile fiscale și locurile de lucru în cadrul toharului din oraș. Tot ei, din sec. XIX și pînă la reforma judiciară a lui C. Mavrocordat, se ocupau cu menținerea ordinii publice în oraș, îndeplinind funcțiile de poliție orășenească, acordîndu-se dreptul de a aresta pe orice infractor sau delapidator din oraș³⁹. De acum în perioada inițială de apariție a localităților urbane moldovenești șoltuzii, voiții și pîrgarii erau obligați să cerceteze și să ia decizii hotărî-

toare referitor la unele infracțiuni cu caracter civil sau penal, ce se refereau la conflictele dintre orășeni și „străini”. Însă puterea lor legislativă se răspîndea doar asupra teritoriului hotarului orașului în care locuiau. Ei erau și păstrătorii sigiliului orașului. Spre sfîrșitul sec. XVII—începutul sec. XVIII prerogativele judiciare ale acestora se limitează substanțial⁴⁰.

Un alt organ juridic important din orașul medieval moldovenesc constituia adunarea generală a orașului, la care puteau participa toți locuitorii urbei cu drept de vot. Adunarea se convoca odată în an, cînd se alegea șoltuzul sau pîrgarul. Orășenii erau în drept de a convoca adunarea extraordinară a orașului în cazul creșterii impozitelor, vînzarea unei părți a orașului sau înstrăinarea lui. Despre astfel de situații ne mărturisesc documentele, în care se conține expresia „adunarea tuturor orășenilor bătrîni și tineri”, sau „adunarea tîrgoveților”⁴¹.

Cel de al treilea organ juridic din orașul moldovenesc îl alcătuia ca și în sate — vornicii ce se ocupau numai cu îndeplinirea unor obligații fiscale. Ei se numeau de către administrația de stat sau de proprietarul orașului. În obligațiile vornicului orașului intra dreptul de a controla respectarea de către orășeni a datoriilor lor de producere și îndeplinirea la timp a lucrărilor începute. În unele cazuri vornicii se ocupau și cu cercetarea unor procese judiciare ce erau legate de activitatea de muncă. În ajutorul vornicului, îndeosebi în suburbiile mari, erau numiți posadnici. Instituția vornicului de oraș a activat pîna la reforma judiciară a lui C. Mavrocordat, după ce a fost suspendată, fiind înlocuită cu institutul ispravnicului.

După adoptarea reformei judiciare a lui C. Mavrocordat instituțiile șoltuzului și pîrgarului au continuat să se păstreze, însă arealul lor de activitate s-a redus simțitor. La început ei au fost lipsiți de dreptul de a rezolva problemele administrative și publice, iar spre sfîrșitul perioadei funcțiile șoltuzilor și pîrgarilor dispar din viața urbană a Moldovei, dat fiind că dispar și localitățile moldovenești libere. Încă a continuat să se păstreze instituția „orășenilor buni și bătrîni”. Un rol mare a continuat să-l joace și adunarea generală a orășenilor, convocată pentru rezolvarea problemelor fiscale, economice și altor probleme extraordinare ale orașului, cît și în legătură cu alegerea altor instituții orășenești.

În fruntea ierarhiei administrativ-judiciare a orașului stătea ispravnicul. El dispunea de dreptul de a se amesteca în activitatea administrației, judecătoriei orașului, intenta procese penale împotriva criminalilor și infractorilor, organiza prinderea hoților și ucigașilor, participa la instituirea ori restabilirea hotarelor orașului ș. a. El trebuia să organizeze condiții normale pentru activitatea percepților.

În afară de ispravnic în orașele moldovenești din sec. XVIII activau mulți ajutori ai funcționarilor superiori, în temei, ai marelui vistier, care în diverse localități aveau misiuni diferite.

Ca reprezentanți ai puterii centrale ispravnicii erau obligați să facă cunoștință publică cu directivele și anaforele domnești. De obicei acest lucru se întîmpla în una din piețele centrale ale orașului în zilele de sărbătoare sau cu ajutorul preotului în timpul slujbei în biserică sau mănăstire. Conform reformei lui C. Mavrocordat ispravnicii erau obligați să depună toate eforturile pentru ca „procesele judiciare petrecute în oras să saticfacă ambele părți”, „să apere pe cei oropsiți” și să nu admită fărădelegi din partea instituțiilor feudale sau de stat, pentru încălcarea normelor respective „ei urmau să poarte răspundere”⁴².

Împreună cu șoltuzul, pîrgarul și vornicul ispravnicul alcătuia instanța judiciară locală a orașului⁴³. În temei ispravnicii izbuteau să îndeplinească funcțiile lor de judecătorești⁴⁴. Însă erau cazuri, cînd una din părți nu era mulțumită de hotărîrea instanței locale orășenești, adresîndu-se instanțelor judiciare superioare — domnitorului sau departa-

mentelor⁴⁵. De menționat, că în afară de funcțiile și obligațiile arătate, ei purtau răspundere pentru starea sanitară a orașului. Ispravnicii puteau să ceară de la locuitorii din satele apropiate să ajute la transportarea materialelor de construcție, lemnului, să-i impună la construcția podurilor și străzilor. În cazul izbucnirii epidemiilor și bolilor infecțioase ei declarau starea de carantină⁴⁶. Prin urmare, ispravnicii dispuneau de o putere juridică mare, însă această situație nu-i împiedica pe orășeni să se adreseze cu plângeri domnitorului, atunci când ispravnicul încălca obiceiurile vechi.

La sfârșitul sec. XVIII în orașele moldovenești se instituie o nouă unitate administrativă — epitropia obștii orașului. Termenul a fost împrumutat din lexiconul ecleziastic nu întâmplător. În a doua jumătate a sec. XVIII centrele urbane din Moldova practic nu au încetat de a mai avea statutul de unități teritoriale domnești, fiind transmise în cea mai mare parte mănăstirilor și feudalilor⁴⁷. Epitropia obștii orașului avea o funcție triplă. În condițiile regimului turco-fanariot acest organ nominal se supunea puterii domnești și, ca atare, era controlat de stăpînul orașului. În același timp epitropia obștii orașului constituia un organ reprezentativ al orașului. El se ocupa în temei cu rezolvarea problemelor sociale și economice și doar parțial cu unele probleme juridice. În anii 90 ai secolului XVIII astfel de institute fuseseră formate în orașele Bîrlad, Botoșani, Iași, Bacău, Tîrgu-Frumos, Galați, Chișinău și în alte localități urbane⁴⁸.

Epitropiile obștii orașului se formaseră din inițiativa obștilor orășenești și aveau ca scop sarcini concrete — de a răscumpăra vatra orașului sau hotarul orașului.

Așa dar, localitățile urbane moldovenești trăiau și se dezvoltau după normele juridice ale obiceiului pămîntului. Însă obiceiurile juridice orășenești întruneau multe elemente recepționate din legislația orășenească bizantină și Nomocanon, după care se dezvoltau centrele urbane în Bizanț. Cît privește dreptul orășenesc de Magdeburg, atît de răspîndit în Germania, Scandinavia, Țările Baltice, Transilvania, orașele din statele Europei Centrale, era slab cunoscut în viața juridică a orașului moldovenesc.

În anii 80 ai sec. XVIII în orașele moldovenești se formează institutul de menținere a ordinii publice. În fruntea corpului militar de menținere a ordinii publice din oraș se afla căpitanul, ce se supunea marelui hatman.

Începînd cu sec. XVIII, fiecare oraș avea cancelarea sa și arhiva proprie, unde se concentraseră toate documentele referitoare la viața juridică, economică și culturală.

Prin urmare, structura judecătii și justiției localităților rurale și urbane moldovenești, ca prima instanță judiciară în stat, a fost diferită pe parcursul perioadei regimului turco-fanariot, ca urmare a evoluției multitudinii factorilor economici, sociali, politici și ideologici. Deși reforma judiciară a lui C. Mavrocordat n-a fost susținută în întregime de domnitorii de după el, totuși ea a schimbat considerabil viața organelor judiciare din Moldova secolului XVIII.

Note

¹ Vezi: *Stahl H. H.* Contribuții la studiul satelor devalmase românești. Buc., 1959—1965. V. 1—3; *Panaitescu P. P.* Obștea Țărănească în Țara Românească și Moldova. Orînduirea Feudală. Buc., 1964; și altele.

² *Jorga N.* Studii și documente cu privire la istoria românilor. V. VI. P. 230 (doc. de la 1742); *Uricarul*. V. I. P. 369 (doc. de la 26 sept. 1788).

³ *Istoria dreptului românesc*. Buc., 1984. V. 11. P. 157.

⁴ *Cantemir D.* Descrierea Moldovei. Buc., 1978. P. 176—177.

⁵ *Veress A.* Op. cit. V. IX. P. 74—75.

⁶ Vezi: *Древние германцы*. Сб. док. М., 1937; *Салическая правда*. М., 1950.

⁷ *Veress A.* Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Țării Românești. Acte și scrisori. Buc., 1939. V. XI. P. 69.

⁸ *Ibidem*. Op. cit. V. XI. P. 76.

- ⁹ Pîrgar — membru al conducerii oraşului.
- ¹⁰ *Ghibănescu Gh.* Surete şi izvoade. V. XII. P. 60—61.
- ¹¹ *Галбен А. И.* Дин «обичеюл пэмынтулуй» а Молдовой феудале (секолул XVIII — мижлокул секолулуй XIX). Кишинэу. 1986. П. 14.
- ¹² *Iorga N.* Studii ... V. VI. P. 216.
- ¹³ *Panaïtescu P. P.* Răbojul. Buc., 1946. P. 62—74.
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ *Cantemir D.* Descrierea... P. 149.
- ¹⁶ *Xenopol A. D.* Istoria românilor. IV. Iaşi. 1891. P. 116.
- ¹⁷ История МССР. Кишинев, 1965. Т. I. С. 221.
- ¹⁸ *Ghibănescu Gh.* Surete şi izvoade. V. XXI. P. 189.
- ¹⁹ The Encyclopaedia of Istat. V. II. E.-K. Leuden. London. P. 187—188.
- ²⁰ *Bărbulescu-Dacu M.* 290 mots de apigine sanscrito-dace gete dans l'actuelle langue romaine. Buc., 1935. P. 15.
- ²¹ Multe documente de felul acesta se întîlnesc în colecţiile lui T. Codrescu şi Gh. Ghibănescu, cît şi la T. Boga.
- ²² Ei se adună odată pe an şi se îmbracă în straie femeieşti. În cap îşi pun cunună împletită din pelin şi împodobită cu flori, vorbesc ca femeile şi, ca să nu se cunoască, îşi acoperă obrazul cu pînză albă. Toţi au în mînă cîte o sabie fără teacă, cu care ar tăia imediat pe oricine ar cuteza să le dezvelească obrazul. Petrec în jocuri necontenite cele zece zile între înălţarea la cer a lui Hristos şi sărbătoarea Rusaliilor şi străbat toate tîrgurile şi satele jucînd şi sîrînd. În tot timpul acesta ei nu dorm altundeva decît sub acoperişul bisericii şi zic că dacă ar dormi în alt loc i-ar căzni imediat strigoaicele (*Cantemir D.* Descrierea... P. 185).
- ²³ Tot acolo. P. 186.
- ²⁴ *Челеби Эльви.* Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины. М., 1961. С. 50—52.
- ²⁵ Lăcăţile la uşi au apărut în Moldova încă în perioada feudalismului timpuriu, însă cele din metal doar la sfîrşitul sec. XVII — începutul sec. XVIII. Costul unor astfel de obiecte era foarte mare, adesea ajungea pînă la nivelul preţului unor oticine mijlocii. De aceea doar cei mai înstăriţi puteau să-şi permită a cumpăra lăcăţi de metal. În general lăcăţile din metal au apărut pentru prima oară în Anglia pe la mijlocul sec. XVI.
- ²⁶ *Smochină N. R.* La obligation des droits roumain-bizantin // Balkan Studies, V. 12. 1971. N. 1. P. 187—252; vezi de asemenea: Maxim C. C. Obiecturile juridice ale poporului român. Iaşi. 1921.
- ²⁷ Vezi: ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д. 6664. Л. 96—97; *Miklosieh Fr.* Isxicon Palacoslavanico drecco — latinum. Vien. 1862—1865. P. 1020—1023; *Miklosieh Fr.* Etimologisches Worterbuch der slavischen Sprachen. Vien. 1886. P. 70—72.
- ²⁸ Supraveghetorul feudalului. Vezi: Istoria dreptului românesc. V. I. Buc., 1980. P. 317; Vornicii, vorniceii, ureadnicii se numeau de către feudali sau serdari.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ *Steranelli T. V.* Documente din vechiul aţel al Cîmpulungului moldovenesc. Buc., 1960. P. 293—294.
- ³¹ Documente privind istoria României. V. I. P. 37, 248; V. II. P. 8—9, 44, 60; V. IV. P. 227; V. V. P. 87, 198—199, 249; V. XI. P. 57, 73—74, 77; *Iorga N.* Studii şi documente. V. VI. P. 216, 320—321.
- ³² *Grigoraş N.* Instituţii feudale din Moldova. Buc., 1971. P. 4.
- ³³ *Antonovici I.* Documente Bîrlădene. V. IV. Bîrlad. 1929. P. 172—173.
- ³⁴ *Neculce I.* Letopiseţul Ţării Moldovei. P. 38.
- ³⁵ *Iorga N.* Studii şi doc... V. VI. P. 215—218, 314—315, 321, 323, doc. N. 724, 725, 781.
- ³⁶ Ibidem. P. 365.
- ³⁷ *Uricarul V.* XVIII. P. 11—12.
- ³⁸ Ibidem. V. XVIII. P. 365—364; XX. P. 201—203, 221—222; XXI. P. 206—231; *Iorga N.* Studii şi doc... V. VI. P. 320—321.
- ³⁹ *Grigoraş N.* Instituţii... P. 348—359.
- ⁴⁰ Ibidem.
- ⁴¹ Despre aceasta ne mărturisesc documentele publicate în colecţiile lui T. Codrescu, C. Ghibănescu ş. a.
- ⁴² *Uricarul V.* IV. P. 387—398.
- ⁴³ Ibidem. P. 55.
- ⁴⁴ Ibidem. V. II. P. 202—203.
- ⁴⁵ Ibidem. Antonovici. Documente Bîrlădene... V. II. P. 273—276.
- ⁴⁶ *Antonovici.* Documente Bîrlădene. V. II. P. 45—46.
- ⁴⁷ Ibidem. V. III. P. 223.
- ⁴⁸ Ibidem. V. IV. P. 302—303. Vezi: *Галбен А. И.* Дин «обичеюл пэмынтулуй»... П. 29—30; История народного хозяйства Молдавской ССР. Кишинев, 1976. С. 54—64, 67, 86, 358; *Urechia V. A.* Istoria românilor. V. VII. 1891. P. 59—63; *Ciurea D.* Organizarea administrativă a statului feudal Moldova (sec. XIV—XVIII) // Anuarul Institutului de istorie şi arheologie. Iaşi. 1965. P. 194—195; *Grigoraş N.* Dregătorii tîrgurilor moldoveneşti şi atribuţiile lor pînă la Regulamentul organic. Iaşi. 1942. P. 74—75.

Резюме

В молдавской судебной иерархии в качестве первой судебной инстанции выступали местные судебные органы. В селе — суд сельской общины, в городе — городской. Первый состоял из отдельных институтов: «старые и добрые люди», вэтаманы и ворничей. Полномочия этих судов были разнообразны. Они выполняли функции регуляторов обычаев, связанных с землепользованием и землевладением внутри сельской общины и хотара села, располагали весьма широким спектром судебных функций. В XVIII в. суд молдавского села был подвергнут процессу феодализации.

Городские судебные органы характеризовались наличием правовых институтов двух типов: избранных городским обществом и назначенных господарем или феодалом (которому принадлежал урбанизированный центр). В первую категорию входили шолтузы, войты и пыргары, во вторую — городские ворники или пыркэлабы. Существенную роль в судебной иерархии молдавского урбанизированного центра играл институт «старых и добрых горожан». В отличие от сельских судебных органов городские оказались менее устойчивые.

М. И. Грибинча

ПОЛИТИКА ФИСКАЛЭ СТАЛИНИСТЭ ЫН РСС МОЛДОВА ШИ ФОАМЕТА ДИН АНИЙ 1946—1947

Ын ултимул тимп, реструктураля революционарэ ши транспаренца ау скок маска неадеверулуй де пе мулте евенименте историче, пе каре ле-а авут де ындурат мултпэтимитул ностру пэмынт ал Молдовей. Ачаста се реферэ ши ла фоамета дин аний 1946—1947, каре пынэ ну демулт ера консидератэ о темэ интерзисэ. Ань ла рынд историчий с'ау стрэдуит сэ неже екзистенца ка феномен ши сэ аскундэ адеверул деспре фоамете¹. Астэзь ынсэ, ын материалеле апэруте ын пресэ, проблема ышь гэсеште апречиеря кувенитэ. Ын линий марь с'ау констатат каузеле ей обьективе ши субъективе, мэсуриле ынтрепринс де Гувернул Советик пентру салваря популацией републичий де ла фоамете ши волумул ажуторулуй акордат ачестея, апортул системулуй административ де командэ сталинист ла дезлэнцуиря ши лупта ымпотрива фоаметей, пропорцииле пердерилор умане ши алте аспекте але каламитэций². Астэзь ын фаца историчилор е пусэ сарчина де а интенсифика инвествигацииле лор, пентру а да о аргументаре май профундэ а тезелор еунцате де ей. Ын ачест скоп, ын презентул артикол, ауторул ва елучида дин нумероаселе каузе обьективе ши субъективе але фоаметей принципала кауэз ши ануме — политика фискалэ сталинистэ ын аний постбелич. Студияеря ей веридикэ не ва пермите сэ ынцележем май профунд контрибуция политичий фискале ла креаря кризей алиментаре ын републикэ ын тоамна анулуй 1946, климатул социал-политик ши морал-психоложик ла сат ын аний постбелич.

Ын литература историкэ политика фискалэ сталинистэ ын РССМ ын аний постбелич шы-а гэсит о anumité рефлектаре. Дар, ка ши алте аспекте але вещей сатулуй де душэ рэзбой, еа а фост трататэ унилатерал, инвествигацииле историче фиинд ориентате ку препондеренцэ спре илустраля проприетэцилор системулуй фискал советик фацэ де челе пречеденте ши а скутирилор ши ынлеснирилор акордате де кэтре стат цэранилор сэрач шы невоашь³. Дар, пентру а ынцележе ролул адеверат пе каре л-а жукат политика фискалэ ын вяца цэранилор ын аний 1944—1946 ши ла дезлэнцуиря фоаметей дин аний 1946—1947, ачест фапт требуе илустрат суб тоате аспектеле, кяр дакэ адеверул е фоарте круд.

Ын сапул молдовенеск дин спациул интерфлувиал Прут ши Нистру системул фискал советик а фост ынтродус ла 15 август 1940 прин хотэрыя ККП ал УРСС «Ку привире ла импозителе де пе господэрии-

ле цэрэнешть дин Басарабия ши Буковина де Норд»⁴. Ын конформитате ку хотэрыя менционатэ, ын локул импозителор бургезе господэрииле индивидуале цэрэнешть, але мунчиторилор ши службашилор, каре авяу венит де ла сурселе агриколе ау ынчепут сэ плэтыскэ ун сингур импозит — импозитул агрикол уник. Ку организаря колхозурилор ла ачест импозит ау ынчепут сэ фие импуге ши господэрииле колхозниче.

Импозитул агрикол се перчепя де ла контрибуабиль ын бань ын депенденцэ де мэримя венитулуй де ла принчипалеле сурсе де венит але агрикултурий — царинэ, вие, ливадэ, вите де мункэ ши продуктивэ, албинэрит ши венитуриле неагриколе. Калкуларя импозитулуй ын господэрииле супуге фискулуй ын апаренцэ авя лок ын доуэ етапе: ла ынчепут се констата сума венитулуй господэрией, апой дин ачаста се калкула импозитул. Дар, деоарече а констата венитул реал де ла фиекарэ сурсэ де венит ын суте де мий де господэрий цэрэнешть эра компликат, венитул импозабил де ла сурселе агриколе се калкула дупэ нормэ де венит стабилите ануал де гуверн. Ын аний 1944—1946, де екземплу, Гувернул РССМ а стабилит пентру сурселе агриколе урмэтоареле нормэ де венит: пентру ун гектар де арэтурэ — 300 рубле, 1 ха де ливадэ орь арбушть фруктиферь — 1500 рубле. 1 ха де вие де сортурь еуропене — 2000 руб., де соютурь хибриде — 600, пентру фиекарэ вакэ дин господэрие — 300 руб., кал — 250, боу орь таур — 180 рубле⁵.

Стабилиря нормелор де венит де кэтре гуверн екземплифика есенциал констатаря венитулуй импозабил: рэмыня де евиденциат доар сурселе де венит ын господэрие. Дупэ ачаста нормеле де венит ла бунуриле агриколе орь ла теренурь се ынмулцяу ку супрафецеле окупате де еле, яр ын че привеште вителе нормеле де венит се ынмулцяу жу нумэрул лор ши сума тоталэ обцинутэ се консидера дрепт венит импозабил. Импозитул агрикол дин сума тоталэ де венит а господэрией се калкула пе скарэ прогресивэ — адикэ ку кыт венитул господэрией эра май маре, ку атыт крештя ши сума импозитулуй.

Ын конформитате ку лежя деспре импозитул агрикол эрау скутиць орь примяу ынлеснирь ла импозит фамилииле ын каре эрау инвализь ай Марелуй Рэзбой пентру Алэаря Патрией, инвализь ай мунчий ынэймите, фамилииле милитарилор ын каре липсяу мембри апцэ де мункэ сау кынд соция аптэ де мункэ а милитарулуй авя копий пынэ ла вырста де опт ань, специалиштий де ла сате, господэрииле мембре але ынтовэрэширилор кооператисте ши артелурилор агриколе⁶. Чя май маре парте а цэранилор сэрачь эра скутитэ де импозитул агрикол даторитэ фаптулуй кэ Гувернул РССМ стабиля ануал ун минимум де венит неимпозабил. Ын аний 1940—1941 минимум де венит неимпозабил а конституит 1000 рубле. Мэримя луй с'а пэстрат нескимбатэ ши ын аний 1944—1945, яр ын аний 1946 ши 1947—1948 ел а конституит респектив 600 ши 1200 рубле. Ын анул 1940 ау фост елиберате комплект де импозите 30,9% господэрий цэрэнешть дин спащиул интерфлувиал Прут ши Нистру, ын 1947—27,5 ши ын 1948—14,8%. Ын анул 1945 се букурау де диферите ынлеснирь ла импозитул агрикол 61,5% дин нумэрул тотал ал господэриилор цэрэнешть, ын анул 1946—40,1 ши ын 1947—45,7%⁷.

Конкомитент ку импозитул агрикол уник ын райоанеле дин дряпта Ниструлуй а фост ынтродус ши системул предэрилор облигаторий ла стат а продуселор агриколе. Нормеле ануале але предэрилор се стабиляу пе скарэ прогресивэ ын депенденцэ де мэримя цариней сау а лотулуй де пэмынт авут ын посесие. Ын анул 1944 системул де предэрь ын райоанеле де норд але републичий, елиберате де суб окупанць примэвара, а фост реинстаурат ын юние⁸, яр ын рестул републичий — ын септембрие⁹.

Ын анул 1944 господэрииле цэрэнешть дин жудецеле Сорока, Бэлць ши Орхей ау фост ымпэриците дупэ мэрия лотулуй де пэмынт, пентру а фи импуге ла предэрь, ын трей групе (I — господэрииле жу лот де пэмынт пынэ ла 5 ха инклузив, II — май мулт де 5 ха пынэ ла 10 инклузив, III — челе ку лотурь май марь де 10 ха), яр челе дин жудецеле Кишинэу, Кахул ши Бендер — ын патру групе (група а патра о конституяу господэрииле ку лот де пэмынт май маре де 15 ха)¹⁰. Ын аний 1945—1946 ын тоате жудецеле републичий господэрииле цэрэнешть, реешинд дин супрафаца лотурило лор де пэмынт, пентру а фи импуге ла предэрь, ау фост ымпэриците ын 5 групе. Ын прима групе ынтрау господэрииле ку лотурь де пэмынт пынэ ла 2 ха инклузив, ын пруда а доуа — челе ку лотурь май марь де 2 ха пынэ ла 5 ха инклузив, а трея — песте 5 ха пынэ ла 10 инклузив ши ын групеле патру ши чинч — респектив господэрииле ку лотурь де песте 10 ха пынэ ла 15 инклузив ши челе ку песте 15 ха¹¹.

Реешинд дин даунеле адусе де рэзбой ши де ануите каламитэць натурале, господэриилор цэрэнешть, ын районе ши жудеце мэрия нормелор де предэрь се стабилиа де гуверн диференцият. Де екземплу, ын анул 1945 господэрииле дин група а доуа дин жудецул Бэлць ау предат статулуй де пе фиекаре гектар кыте 170 кг череале ши 40 кг рэсэритэ, яр челе дин жудецул Бендер — респектив кыте 160 ши 20 кг.

Мэрия нормелор де предэрь вария ши ын кадрул групелор де господэрий. Аспфел, ын анул 1944 господэрииле цэрэнешть дин група ынтыа дин жудецул Сорока требую сэ предее де пе фиекаре гектар де арэтурэ кыте 110 кг череале, 30 кг рэсэритэ, 10 кг де картофь ши кыте 30 кг карне, 120 оуэ де пе господэрие, 100 литри де лапте де ла фиекаре вакэ, яр челе дин група а трея — респектив 210 кг череале, 60 кг рэсэритэ, 20 кг картофь, 100 кг карне, 250 оуэ ши 180 литри де лапте¹². Ын анул 1945 господэрииле цэрэнешть дин група а доуа ын тоате жудецеле, конформ лежий требую сэ предее статулуй кыте 40 кг карне ши 120 оуэ де пе господэрие ши 100 литри де лапте де ла фиекаре вакэ, яр челе дин група а чинчя — кыте 100 кг карне ши 250 оуэ де пе господэрие ши 200 литри де лапте де ла фиекаре вакэ¹⁴.

Пе лынгэ продуселе агриколе менционате май сус цэраний ерау облигаць сэ май предее статулуй фын, брынэ, лынэ ш. а.

Спре деосебуре де цэраний дин групеле трей, патру ши чинч чей дин примеле доуэ групе се букурау де скутирь ши ынлеснирь. Ынлеснириле акордате лор, прекум ши алтор категорий де фамилий енумерате май сус ворбеск евидент деспре карактерул диференциат ал системулуй фискал советик. Дар н'аре рост сэ не лимитэм доар ла енумераря пе хыртие а прочентелор де цэрань скутиць де импозите, сау че се букурау де привилежий, фэрэ а ворби пе кыт де ефициент се акордау ынлеснириле ши скутириле, каре ерау консечинцеле лор.

Системул административ де командэ проклама, ка ши алте мулте дрептурь, дрептул ла ынлеснирь пентру ануите категорий де цэрань, дар нич де департе ну асигура традучеря луй ын практикэ. Формализмул ши бирократизмул системулуй, сервилитатя кадрелор каузау фаптул, кэ мултор господэрий цэрэнешть ну ли се акордау привилежииле, че ли се кувеняу конформ лежий. Ын хотэрыя са дин 16 юлие 1945 «Ку привире ла активитатя органелор финанчиаре дин РСС Молдовеняскэ» ККП ал РССМ менциона: «...Ла стрынжеря импозителор де стат ши локале пентру аний 1944—1945 ау фост комисе нумероасе ынклэкэрь граве але лежислацией фискале, констынд ын несокотирия господэриилор ши объектелор фискале, комитеря грешелилор ла калкуларя венитурило ши а импозителор, прекум ши акордаря инкоректэ а ынлеснирилор... Контролул ефектуат де Прокуратура републичий а констатат ындеплиниря несатисфэкэтоаре а Декретулуй

Президиулуй Советулуй Супрем ал УРСС дин 26 юлие 1941 «Ку привире ла акордаря ындеплинирилор фискале фамилиилор милитарилор ши инвализилор Марелуй Рэзбой пентру Апэраря Патрией»¹⁵. Ын анул 1944, се сублиния ын континуаре ын хотэрыре, нумай ын районул Дубэсарь ау фост импосе нележитим ла импозитул агрикол 216 фамилий але милитарилор ши 130 але инвализилор де рэзбой, яр ла импозитул милитар 785 персоане¹⁶. Ын анул 1945, ын районул Бэлць, дупэ ынмынаря облигациилор де предаре а продуселор агриколе ау фост дескоперите 753 господэрий цэрэнешть импосе нележитим ла предэрь¹⁷. В. Диордиак, унул дин мембрий уней бригазы а КЧ ал ПК(б)М, институите ын анул 1945 пентру черчетаря респектэрий легалитэций социалисте ын жудецул Кишинэу, дупэ инспектаря районулуй Кэлэраць рапорта: «...аженций ла фаца локулуй фак пержезиций ши конфискэ череале контрар лежий. Ла конфискаря череалелор ну ынтокмек документеле нечесаре. Адмит секестраря аверий ши конфискаря пыний де ла господэрииле цэрэнешть сэраче ши а демобилизацилор дин Армата Советикэ. Ын сатул Садова Грушкин, локцииторул ымпутерничитулуй Комисариатулуй популар ал колектэрилор ла 29 октомбрие 1945 й-а ынмынат демобилизатулуй Ионел Ф. К. о облигацие пентру 495 кг череале, 40 кг карне, 130 оуэ, деши ачестэ господэрие урма сэ фие скутитэ де импозителе де стат»¹⁸.

Сублинием ши фаптул кэ акордаря де ынлеснирь унор господэрий цэрэнешть ла предаря де продусе агриколе дуча конкомитент ла споририя нормелор де предэрь пентру алтеле, деоарече скутириле ши ынлеснириле се фэчяу ын кадрул райоанелор, фэрэ редучеря индичилор женераль де план пе район. Ын консечинцэ, о парте дин господэрииле кэрора ли се споряу нормеле де предэрь ну ерау ын старе сэ се аките ку статул ши стэпыний лор нимеряу ын рындул саботорилор де импозите. Нимеряу ын рындул ачестора ши цэрань динтре ачей, каре ну примяу ынлеснириле ши скутириле, че ли се кувеняу.

Ын литература историкэ сынт енумерате ун шир де казурь де саботаре а импозителор, де ачя н'о сэ ле май енумерэм ши ной¹⁹. Кэ ерау цэрань капабиль сэ се аките ку статул, дар се ескивау де ла ачаста, е клар. Ей ынсэ ну конституяу мажоритатя дин рындуриле челор че ерау жудекаць. Ар фи наив сэ кредем кэ цэраний преферау ынкисоаря ын лок сэ се липсяскэ де бунуриле лор. Пур ши симплу цэраний ну ерау ын старе сэ се аките ку статул. Ачест лукру ерау невоите сэ-л рекуноаскэ ши унеле персоане ку функций де рэспундере де атунч. Министрул де финанце ал РСС Молдова ын «Даря де самэ а Министерулуй де финанце ку привире ла активитатя фискалэ ын триместрул трей ал анулуй 1946», ворбинд деспре рестанцеле импозитаре але цэранилор дин аний трекуць, сублиния, кэ ачестя «ын мажоритате сынт нерееале: мулць контрибуабиль рестанциерь ау пэрэсит република, алций (ын спечиал дин рындул цэранилор сэрачь) ын урма сечетей дин аний 1945—1946 ну сынт ын старе сэ се аките ку статул ши рестанца импозитарэ ва требуй сэ фие анулатэ»²⁰. Шефул секцией финанчиаре дин районул Рыбница, ла 25 аугуст 1946, скрия Министрулуй де финанце ал РССМ: «Рестанцеле цэранилор дин район, ла дата де 1—08—1946 ау конституит 393 мий рубле. Ын пофида мэсурилор де констрынжере ынтрепринсе, ынкасэриле сынт слабе (ын тотал с'ау ынкасат 92 мий де рубле); чирка 40% дин рестанца менционатэ есте нерееалэ, деоарече рестанциерий ну поседэ авере, че ар путя фи конфискатэ ын контул даториилор. Де ла 1 януарие 1946 ау фост ынтрепринсе 425 секестрэрь де авере. Дин еле ау фост трансмисе жудекэций 226, яр чейлалць рестанциерь с'ау акитат ку статул пынэ ла трансмитеря досарелор ын жудекатэ»²¹. Ла 1 дечембрие 1946 рестанца пе импозите ши ынкасэрь а популацией републичий конституя

20.170 000 рубле²². Партя леулуй дин ачастэ рестанцэ ревения цэранилор.

Пентру ынкасаря импозителор де ла цэрань, статул аплика мэсурь драстиче. Прин интервенция инстанцелор жудекэторешть рестанциерилор ли се конфискау вите, инвентарул агрикол, конструкцииле ш. а. Пропорцииле ши кондицииле ынфэптурий ачестор моменте ерау реглементате де хотэрыя ККЧ ал РССМ дин 24 ноембрие 1945 «Ку привире ла апробаря типурилор де проприетате а четэценилор, каре ну пот фи супусе конфискэрий пентру амортизаря рестанцелор де платэ фискалэ»²³.

Десеорь ерау трашь ла рэспундере пеналэ пентру неакитаря ку статул ыншишь стэпный бунурилор конфискате. Астфел, ын ултимиле 3 лунь але анулуй 1944 ын републикэ ау фост трасе ла рэспундере пеналэ пентру неакитаря импозителор 65 персоане, ын луниле януарие—юлие 1945—211 персоане²⁴, яр ын тимшул кампаниилор де реколтаре ши предаре а пыный ла стат ын анул 1946, ын жудецул Сорока «пентру неындеплиниря ку ря-крединцэ а колектэрилор» — 314 оамень ши ын жудецул Орхей — 74²⁵. Ын рындул челор 314 «саботорь» ай колектэрилор дин жудецул Сорока ерау 10 аженць фискаль, 7 прешединць, 2 секретарь ши 2 мембри ай Советелор сэтешть. О парте дин ачештя ау нимерит ын рындул «саботорилор» пентру ескиваря проприе де ла плата импозителор (котеле де продусе че се кувеняу сэ ле предее статулуй дин господэрииле лор се стрынжяу дин алте господэрий), алтэ парте — пентру зэдэрничиря колектэрилор.

Пе кыт де аспрэ ера лежя фацэ де «саботорь» не путем да сама луынд куноштинцэ де терминий де привациуне де либертате а челор кондамнаць. Дин челе 314 персоане кондамнате дин жудецул Сорока, менционате май сус, ау фост кондамнаць ла 2 ань привациуне де либертате 73 оамень, ла 5 ань — 165, 8 ань — 68 оамень, яр рестул ла мункэ корекционалэ²⁶. Дин чей 74 «саботарь» дин жудецул Орхей трашь ла рэспундере пеналэ ын вара анулуй 1946, 49 дин ей ау фост кондамнаць де ла 6 ла 10 ань привациуне де либертате²⁷.

Повара импозителор ши колектэрилор пуртате де цэрань ну ера консимцитэ де репрезентанций системулуй административ де командэ. Бюрократия девенисе о класэ привилежиятэ, букурынду-се де марь дрептурь ши ынлеснирь, инклюдив ын че привеште плата импозителор, Ануал Консилиул де Миништри ал РССМ, ын ажунул кампаниилор де реколтаре ши а предэрий продуселор агриколе ла стат адопта хотэрырь конформ кэрора 25—30 дин кондукэторий органелор де партид, советиче, финанчиаре, де дрепт ш. а. ерау скутиць сау примяу ынлеснирь ла плата импозителор. Астфел ын мартие 1945 ККП ал РССМ а адоптар хотэрыря «Об освобождении от обязательных поставок мяса государству районных руководящих работников на 1945 год», яр ын луна юние а ачелуяшь ан — хотэрыря «Об освобождении районных руководящих работников от уплаты сельхозналога в 1945 г. на территории Молдавской ССР»²⁸. Хотэрырь симиларе ау фост адоптате де гувернул републичий ши ын анул 1946²⁹. Конформ ачестор хотэрырь ли се акордау привилежий сау ерау скутиць де ла импозите ши предэрь прешединций комитетелор екзекутиве райоанале але Советелор де депутаць ай попурулуй, секретарий комитетелор райоанале де партид ши але комсомолулуй, шефий секциилор райоанале але НКВД-улуй ши Комисариатулуй Попурулуй пентру секуритате де стат, прокурорий ши жудекэторий райоаналь, шефий секциилор райоанале пентру агрикултурэ, планификаре, финанце, комерц, окротиря сэнэтэций ш. а.

Репрезентанций кастей бюрократиче де ла нивелул органелор локале лежитим ну ерау скутиць де плата импозителор, дар де ачаста нич ну ера невое. Ын кондицииле сталинизмулуй, децинеря челуй май мик пост пермитя репрезентантулуй системулуй сэ профите де ситтуа-

ция са, сә трагә фолоасе. Пентру мембрий Советелор сәтешть, ымпу-терниций агриколь ачаства се манифеста ын ачея, кә импозителе ши котеле де продусе агриколе, че требую сә ле предее ей статулуй дин господэрийе лор, ле стрынжяу дин алте господэрий. Ятэ прин че се експликэ фаптул кә прешединций Советелор сәтешть, ымпутерниций агриколь ерау атыт де сервиль системулуй административ де командэ. Дакэ н'ар фи мәтурат подуриле консэтенилор, ар фи пердут постул окупат ши, деч, одатэ ку ел ши старя че ле асигура екзистенца.

Аженций де колектэрь, ымпутерниций агриколь, лукрэторий ку функций ай органелор локале че манифестау компасиуне ши бунэвоин-цэ фацэ де цэрань ерау ынлокуиць имедиат де систем, яр де мулте орь кяр ши жудекаць пентру «зэдэрничиря колектэрилор». Де екзем-плу, ын примеле опт лунь але анулуй 1945 ын републикэ пентру зэ-дэрничиря кампанией де реколтаре ши а колектэрилор ау фост трашь ла рэспундере пеналэ 7 прешединць ай Советелор сәтешть, 8 преше-динць де колхозурь ши 8 кондукэторь де бригадэ дин колхозурь³⁰. Дар, пентру а евита астфел де осложнений, аженций де колектэрь, прешединций ши активиший Советелор сәтешть ерау селектаць де ла бун ынчепут. Се рекоманда ка ей сә фие «верификаць», «статорничь», «дин рындул сэрачилор ши мижлокашилор», «предиспушь де а парти-чипа персонал актив ла колектэрь, ын спечиап ла дэфэймаря сабота-жулуй кябуреск ши персоанелор, че контрибуяу ла аскундеря пы-ний»³¹.

Апропо де аскундеря пыний. Ын анул 1946 ау фост ынрежистрате ун шир де астфел де казурь. Ын районул Комрат ын «аскунзишуриле кябурешть» ау фост гэсите 91 тоне де пыне, ын районул Конгаз а фост гэситэ пыне аскунсэ ын гропь ла 120 цэрань, ын районул Кахул ла 117 ш. а. м. д.³² А аскунде пыне ын гропь ын тимпул фоаметей е ун лукру криминал. В. И. Ленин, ын анул 1918 скрия, кә чей «каре ын тимп де фоамете пот сә аскундэ ши сә акумулесе череале, сынт чей май марь криминаль» ши кә ымпотрива лор требуе де луптат «ка ымпотрива челор май кумплиць душмань ай народулуй»³³. Ну-й инклу-дем ын рындул криминалилор пе тоць ачей че рекуржяу ла ачаства ын анул 1946. Сә ынчеркэм сә не кларификэм реферитор ла мотивеле че-й ындемнау пе цэрань сә аскундэ пыня, луынд дрепт екземплу районул Кахул.

Ын анул 1946 районул Кахул а ындеплинит планул де предаре а череалелор ла стат пе дата де 5 ноембрие. Тотодатэ, деши планул а фост ындеплинит, 210 господэрий дин категория ынстэрите-кябуре ну-шь ындеплинисе облигацииле фацэ де стат, рэмынынд рестанциере пентру анул урмэтор³⁴. Апаре ынтребаря: де унде с'а луат пыне пентру а се ындеплини планул пе район, дакэ 210 господэрий дин категория челора асуфра кэрора кэдя тоатэ повара колектэрилор, ну с'ау аки-тат ку статул? Рэспунсул е клар: пыня а фост фурнизатэ де алте гос-подэрий. Де кэтре каре? Челе сэраче ши мижлокаше пыне ну авяу, еле димпотривэ, дупэ кум вом ведя ын континуаре примяу ымпрумут алиментар де ла стат. Ынсямнэ кә рэмын челе ынстэрите — кябуре, каре ла ажатор алиментар дин партя статулуй ну путяу спера. Дар дакэ яу пыне песте норма де предаре, унде-й гаранция, кә ну о вор луа тоатэ? Посибил, кә асеменя господарь ведяу салваря лор ануме ын аскундеря резервелор. Е клар, кә екзистау господэрий ынстэрите, каре реушиесе сә акумулесе, инккусив ын урма спекулей, анумите ре-зерве де пыне. Дар асеменя господэрий ерау пуцине ши пыня аскунсэ де еле н'ар фи путут жука ун рол кыт де кыт хотэрытор ын лупта ку фоаметя. Май деграбэ екзистенца унор асеменя господэрий дэдя поси-билитате кондучерий републичий де а арунка асуфра «файмосулуй саботаж кябуреск» проприиле грешель ши ерорь. Документеле де

атунч абундэ ын аменинцэрь дин партя кондучерий ла адреса кябурилор, кямэ а ле луа пыня.

Дин челе експусе пынэ ын презент, конкидем, кэ политика фискалэ сталинистэ фацэ де цэрэниме ера фоарте драстикэ, импозителе ши предэриле пентру мулте господэрий (инклюдив сэрэче) фиинд песте путериле де платэ. Се пуне ынтребаря, кум се рэсфрынжя ачест лукру асупра планулуй републичий де предаре а пыний ла стат, сау, ку алте кувинте, кыт де реале ау фост плануриле републичий де ливраре а пыний ла стат ын аний постбелич ши ын специаал ын анул 1946? Доар чя май маре парте дин план пентру а фи реализат ревения господэрийлор индивидуале цэрэнешть.

Ын анул 1946 пынэ ын луна аугуст планул де ливраре а пыний ла стат а конституит 265 мий тоне, апой а фост редус пынэ ла 72 727 тоне³⁵. Планул стабилит републичий инициал, фацэ де челе дин аний пречеденць ера май маре: ын анул 1944 планул републичий де ливраре а пыний ла стат а конституит 201 214 тоне³⁶, яр ын анул 1946—252 мий тоне³⁷. Ын литература историкэ редучеря планулуй ын анул 1946 се тратязэ ка о грижэ а статулуй фацэ де цэрэниме ши ка чева ушор де реализат пентру републикэ. Дупэ пэреця ноастрэ ши дупэ редучеря планулуй колектэриле се реализау дин череалеле абсолют нечесаре републичий. Деспре ачаста не ворбеште елоквент фоаметя че с'а декланшат ын републикэ де акум ын луниле аугуст—септембрие ши нумэрул болनावилор де дистрофие, каре ын луна ноембрие а атинс цифра де 30 де мий³⁸.

Ун алт момент импортант че требуе сублиният есте фаштул кэ пынэ ла 19 аугуст, кынд а фост редус планул, ачеста с'а ындеплинит дин волумул де 265 мий тоне. Хотэрыя Консилиулуй де Миништри ал РССМ ши Бироулуй КЧ ал ПК(б)М дин 26 юние 1946 «Ку привире ла реколтаря роадей културилор череалиере ши колектэриле де пыне ын анул 1946» облига прешединций комитетелор ексекутиве жудецене, районале ши орэшэнешть ай Советелор де депутаць ай попорулуй, секретарий комитетелор де партид а ачелорашь унитэць территорияле, прекум ши пе ымпутерниций райональ ай Министерулуй колектэрилор сэ организезе акитаря колхозурилор, совхозурилор ши цэранилор индивидуаль ку статул дин примеле зиле але стрынсулуй роадей «непермицынд ынтрерупере ынтре реколтаре, треерат ши предаря пыний ла стат»³⁹. Ка урмаре ла 19 аугуст аженций де колектэрь, фиинд ынтрижораць де неындеплиниря планулуй де 265 мий тоне, «мэтурасерэ подуриле» мултор цэрань ши ын примул рынд але челор сэрэчь ши мижлокашь. Ачештя авынд лотурь мичь, реколтаря ын господэрииле лор н'а дурат мулт. Ши, ынтрукыт аженций де колектэрь курэцяу лаоралатэ тоате резервеле де пыне прин сате, чей че примий ау реколтат пыня, примий с'ау липсит де еа. Де ачеш редучеря дин аугуст а планулуй с'а рэсфрынт фоарте пущин асупра сэрэчилор ши мижлокашилор. Резервеле лор де пыне се афлау ын депозителе «Заготзерно»-улуй, унде о маре парте дин еле се алтерау.

Алта ар фи фост ситуация, дакэ планул ера редус пынэ ла ынчепутул реколтэрий роадей. Дар сэ ну не грэбим сэ акузэм пря аспру кондучеря републичий, кэ н'а интервенит ла Москова май девреме ку о асфел де ругэминте. Сэ ну уйтэм, кэ ын републикэ, одатэ ку инстаураря системулуй административ де командэ, с'а инстаурат ши чел «ал директивелор». Аша кум цэранулуй, депринс де секоле ку мунка кымпулуй, ымпутерничыць де ла ораше, каре ну путяу ынхэма ун кал сау деосеби грыул де секарэ, ый диктау кынд ши кум сэ аре, ку че ши ын че термене сэ самене, тот аша ши кондучерий републичий ау ынчепут сэ-й фие диктате планурь де ливрэрь де сус, каре ну циняу конт де посибилитэциле реале де акитаре але републичий. Системул стабильнэ базат пе централизмул ексклусив де кондучере ну адмита инициативы.

тива де жос. Довадэ поате серви стабилиря планулуй де ливраре а пыный республичий ын анул 1944.

Ла ынчепутул луний август 1944 Ымпутерничитул Комисариатулуй Попорулуй пентру колектэрь дин УРСС а рекомандат Гувернулуй республичий пентру райоанеле елиберате дин стынга Ниструлуй ши че-ле де норд ка план де ливраре а продуселор череалиере 113935 тоне⁴⁰. Ынсэ Ымпутерничитул Комисариатулуй Попорулуй пентру колектэрь ал УРСС пентру РССМ, консидерынд ачест план нереал, ла 22 август а презентат ун рапорт органелор унионале, ын каре менционэ кэ планул пропус е мажорат, чел реал фиинд доар де 80 мий тоне. Ка аргумент Ымпутерничитул Комисариатулуй Попорулуй пентру колектэрь дин РССМ адучя фаптул, кэ ын урма операциилор милитаре ши а не-прелукрэрий пэмынтулуй ын аний рэзбоюлуй, супрафаца арабилэ ын анул 1944 компаратив ку чя дин анул 1941 с'а редус ку мулт. Нумай ын жудецеле Бэлць ши Сорока еа се микшорасе ку 244385 ха.

Пентру а верифика веридичитатя фаптелор менционате ын рапор-тул де ла 22 август, ын луна септембрие а ачелуяшь ан, ын республикэ сосеште ун груп де лукрэторь ай Комисариатулуй Попорулуй пентру колектэрь дин УРСС, каре а калификат дателе експусе ын реферат ка «редусе вэдит», яр интенция ауторулуй ка «тендинцэ антистаталэ». Ла рындул сэу, группул московит алкэтуеште ун проеокт де план а лив-рэрилор де продусе череалиере, реешинд дин супрафаца арабилэ импу-сэ ла импозит ын анул 1941, адикэ нецинынду-се конт де урмэриле рэзбоюлуй⁴¹. Ачастэ реакцие а Московей ла ынчеркаря Ымпутерничи-тулуй Комисариатулуй Попорулуй пентру колектэрь дин РССМ де а коректа планул де сус ын анул 1944, експликэ, дупэ пэреря нострэ, ши фаптул де че кондучеря республичий н'а интервенит фацэ де Москова май девреме ши май инсистент ын анул 1946 де а се редуче пентру РССМ планул де ливраре а пыный.

Май сус ам менционат, кэ о парте дин пыня колектатэ де ла цэ-рань се алтера ла депозителе «Заготзерно». Десигур, ачаста авя лок, деоарече депозителе ерау фоарте рэу ынэстрате, яр о парте дин пыне се афла кяр суб черул либер. Ла 20 дечембрие 1946 нумай ла пунктеле «Заготзерно» дин Бендер се афлау суб черул либер 200 тоне череа-ле⁴². Ын хотэрыя са дин 17 август 1946 «Ку привире ла мэсуриле де асигураре а пэстрэрий пыный, неадмитеря иросирий, делапидэрий ши алтерэрий ей «Консилиул де Миништри ал республичий констата, кэ «пэстраря пыный ла пунктеле „Заготзерно“ е несатисфэкэтоаре. О ма-ре кантитате де продусе агриколе се иросеште, се фурэ ши се алтеря-зэ ын урма кэруй фапт статул перде о кантитате консидерабилэ де пыне»⁴³. «Пунктеле де колектаре а пыный пентру примиря ачестея ну сынт гата, — читим ын хотэрыя Комитетулуй екзекутив районал Ка-хул, дин 25 юлие 1946, — пыня адусэ ла ачесте пункте ну доведеск сэ о примяскэ ши цэраний сынт невоиць жумэтате дин еа сэ о каре ына-пой. Паза пунктелор ну есте асигуратэ, пыня есте фуратэ. Чей че пре-дау пыня сынт ыншелаць ла кынтар де чей че о примеск»⁴⁴. Ын луни-ле ноембрие—дечембрие 1946 лукрэторий Прокуратурий РСС Молдова ау ынфэптуит, ын скопул верификэрий кондициилор пэстрэрий ши па-зей пыный, ла депозителе «Заготзерно», колхозурь, алте ынтрешрин-дэрь ши институций 167 контролурь. Ын урма лор с'а констат, кэ «ынтр'ун шир де райоане старя депозителор е несатисфэкэтоаре ши ын-кэпериле ну сынт буне пентру пэстраря череалелор еле ерау фэрэ акоперишурь, ну авяю поделе, ферестреле фэрэ стиклэ, ну ера асигура-тэ паза нечесарэ, персоанеле дин пазэ ну инспирав ынкредере)»⁴⁵. Ын анул 1946, дин системул «Заготзерно» ши Дирекцией морилор, пентру делапидаре, алтераря ши иросиря пыный статулуй ау фост трасе ла рэспундере пеналэ ши жудекате ла диферите термене де привациуне де либертате 305 персоане, динтре каре 31 ку постурь де рэспундере.

Кантитатя де пыне фурагэ де ей сау дин кауза лор а конституит песте 126 тоне⁴⁶.

Ынсэ ын кондицииле системулуй де господэрире де атунч, базат пе колектэрь, алте посибилитэць де пэстраре а пыный ну екзистау. Деоарече колектэриле се реализау нецинынду-се конт де лежиле экономиче объективе, кынд реглор ал релациилор де продукция есте факторул чел май эффектив — коинтересаря экономикэ, дар еле се базау пе импунеря экстраэкономикэ а цэрэнимий ши деачея ерау примите де еа ка импурсе дин афарэ, о мэсурэ остилэ. Ын астфел де кондиций пэстраря продуселор колектате де ла цэрэнь путя фи асигуратэ доар ла депозите ле де стат. Дар, ын ачест каз, се пердя оперативитатя маневрэрий ку фондул череалиер, нечесар фиинд де а перде форце ши тимп пентру транспортэриле де череале. Проблема ку адевэрат нерезолвабиле, ерау контролул ши асигуаря транспортэрий череалелор дин сате ла депозите ши де ла депозите ын сате суб формэ де ымпрумут, дистрибуирия лор жустэ ла фаца локулуй. Ачешть факторь, ын кумплиа ярнэ а анилор 1946—1947, пентру о серие де райоане ау фост дечисивь ын лупта ымпотрива фоаметей, чея че а ши детерминат соарта а зечь де мий де оамень.

Системул административ де командэ н'а фост ын старе сэ ынсущяскэ мэкар практика пречедентэ де пэстраре а пыный ши де а о адапта ланоиле кондиций. Ын сателе Молдовей май ерау оамень че куноштяу модулул эффектив ши симплу де пэстраре а череалелор, ла каре а рекурс земства дин Басарабия ын тимпул фоаметей дин аний 1891—1892. Атунч, земства а кумпэрат де ла марий проприетарь де пэмынт череале, каре с'ау пэстрат ла вынзэторь пынэ ла фолосире. Мэчинатул череалелор се фэця доар ку пермисиуня комитетелор алиментаре креате, яр ку вынзэторий земства се акита нумай дупэ примиря де ла ей а продуселор кумпэрате дин тимп⁴⁷. Ун асеменя мод симплу де пэстраре а череалелор пермитя а диспуне оператив де еле, ну нечесита келтуель пентру пазэ, транспорт, чея че а детерминат атунч ын маре мэсурэ резултателе финале але луптей ымпотрива фоаметей, каре, н'а дус ла морталитатя популяцией ын масэ.

Апропо, астэзь ын СУА гувернул плэтеште суме енорме де бань пентру пэстраря продуселор агриколе ын господэрииле фермиерилор. Статул, пе бунэ дрептате, консидерэ, кэ чел май сигур лок де пэстраре а пыный есте хамбарул челуй че о крештэ. Дар, кум ам сублиният май сус, практика колектэрилор ын Молдова ын анул 1946 ексклудя о асеменя посибилитате де пэстраре а пыный.

Повара колектэрилор пентру цэрэнь ын анул 1946 а фост ши май гря, пентру кэ пе лынгэ продуселе че урмау сэ ле предее дин роада ноуэ ав требуйт сэ-шь аките даторииле фацэ де стат пе аний трекуць. Хотэрыя дин 26 юние 1946 менционатэ май сус индика органелор де ресорт, ка «дин примеле лотурь де череале ливрате статулуй, ын примул ынд, сэ аките ымпрумутириле примите де ла стат»⁴⁸.

Требуе де цинут конт ши де фаптул кэ ын афарэ де предаря пыный ла стат цэрэний май требвяу сэ ливрезе статулуй карне, лапте, овэ, сэ плэтыскэ ын бань импозитул агрикол уник, пентру каре, де обичей, се акитау тот ку пыне.

Май сус, ворбинд деспре импозитул агрикол уник, ам арэат, кэ статул, пентру а елибера о парте а цэрэнимий сэраче де ла импозит, стабиля ун минимум неимпозабил, каре ын аний 1944—1945 а конституит 1000 рубле, яр ын анул 1946—600 рубле. Редучеря луй ын кондицииле нефаворабиле пентру агрикултурэ але анулуй 1946, дупэ пэреря ноастрэ а фост неынтемейатэ. Редучеря венитулуй неимпозибил а липсит господэрииле цэрэнешть, а кэрор венит ера ын лимителе а 600—1000 рубле, де дрептул де каре с'ау букурат ын анул 1945, сав, ку алте жувинте, а контрибуит ла ынрэутэциря ситуацией лор. Май требуе

адэугат, кэ, ын урма политичий фискале драстиче а статулуй Советик дин аний пречеденць, ын анул 1946, цэраний рэмэсесерэ ши фэрэ резерве де пыне.

Деспре ексажераря планурило де ливраре а пыний ла стат пентру републикэ ын аний 1944—1946 не ворбеште ши фаптул кэ пентру ындеплиниря лор, фацэ де цэрань се аплика пе ларг констрынжеря.

Ын литература историкэ, апэрутэ ын ултимул тимп, се скрие тот май мулт, кэ ла ындеплиниря планулуй де ливраре а пыний ла стат ын анул 1946 с'а аплика констрынжеря. Дар ачаста се презинта асфел, кигуриле еа ар фи авут лож доар ын вара ши тоамна анулуй 1946 ши нумай кыт привеште перчеперя продуселор агриколе⁴⁹. Ку о асемениа тратаре а фаптелор ну путем фи де акорд. Документеле мэртури-сеск, кэ констрынжеря ын сателе Молдовей, спре вара анулуй 1946, девенисе де акум ун систем, о традицие ши кэ еа ера аплика атыт ла колектаря продуселор агриколе де ла цэрань, кыт ши ла перчеперя импозитулуй агрикол уник, импозитулуй милитар, дистрибуирия облигациилор ла ымпрумутириле де стат ш. а. Де акум ла 28 август 1944 ын жудецул Бэлць, се ынрежистрасе 22 ынкэлкэрэ а легалитэций сочиалисте, мажоритатя абсолутэ а кэроара ерау легате де колектэрэ ши импозите. Де екземплу, ла 17 август 1944 Швец, локцииторул прешединтелуй Советулуй орэшенеск Единец, фиинд ымпутерничит ал КР де партид пентру колектэрэ ын сатул Вишоара, а интрат ын магазинул дин сат ши а арестат 8 фемей. «Ле-а кондус ла Советул сэтеск. Аколо Швеца а ынкис фемеиле арестате ын бечь, дынд ордин омулуй де сервичиу сэ адукэ ын бечь спинь, пентру ка еле сэ стее дескулце пе дынший. Песте кытева оре Швеца ле кема, кыте пе уна, ын кабинетул прешединтелуй Советулуй сэтеск, унде, луа де ла еле облигаций ын скрис: кэ вор преда пыня ла стат ын тимп де 24 де оре»⁵⁰. Ын сатул Ворничень районул Стрэшень рэспындя облигацииле ымпрумутулуй ал патруля де рэзбой Генрих Р. С., локциитор ал прешединтелуй Комитетулуй ексекутив районул. Ел фэрэ а дуче дестулэ мункэ де лэмурире ын рындул цэранилор а десфэшурат субскриеря ла ымпрумут ын мод административ — фикса персонал фиекэруй цэран сума де субскриере, каре пентру уний ажунжэ ла 5000 рубле, черя де ла ачештя ка ей сэ субскрие ла ачастэ сумэ ши сэ предее баний ын нумерар, Чей каре се ымпотривяу ла ачаста, ерау кемаць де Генрих, кыте унул ынтр'о одае апарте а Советулуй сэтеск ши аменинцаць, кэ дакэ нул вор аскулта вор фи тримишь ла лукру ла Одеса ши ын алте ораше, прекум ши ын арматэ. Пе уний цэрань, луынду-ле ливретеле милитаре й-а цинут ла Советул сэтеск кытева оре, кэутынды аша мод сэ-й субскрие ла ымпрумутул де стат. «Пе лынгэ ачаста Генрих ера ынармат ку доуэ револвере, унул дин каре се афла ын жянтэ, де унде ыл скотя суб окий цэранилор, провокынду-ле импресия, кэ ымпотрива челор че ну вор субскрие ла ымпрумут вор фи луат мэсуре драстиче»⁵¹. «Ын Советул сэтеск Садова районул Кэлэрашь, — читим ын унул дин документеле де атунч, — дин липса бечулуй, прешединтеле Советулуй сэтеск практикэ арестаря ши цинеря суб пазэ а четэценилор пе кытева оре ынтр'о одае спечиалэ дин локалул Советулуй сэтеск, пентру кэ ну се презинтэ ла совет ла кемаре сэ дя експликаций привинд колектэриле. Песте кытева оре ачештя сынт елибераць де субарест ку кондиция, кэ вор преда пыня ла стат. Ын аша мод ын октомврие 1945 ау фост арестаць ши цинуць суб пазэ... чирка 25 де оамень, инклузив фамилий але милитарилор ши фемей ку копия сугачь»⁵². Инспекторул секцией финанчиаре дин районул Дрокия стрынжэ де ла цэраний дин район баний пе импозите ку арма датэ луй де секция районулэ а НКВД, яр шефул ачестей секций Ушнурцев, й-а ынкис

персонал пентру неакитаря ку статул пе кыцьва цэрань дин сателе Кетросу ши Шурь але ачелуяш район⁵³.

Ын вара анулуй 1946 констрынжеря цэраниялор пентру а се акита ку статул девенисе систем, деспре ачаства не ворбеште ши фаптул, кэ еа а континуат сэ се апличе ши ын аний де дупэ фоамете. Колесников, прокурорул републичий ла 11 дечембрие 1947 ынтр'ун рапорт адресат КЧ ал ПК(б)М деспре фэрэдележиле че ау авут лок ын тимпул колектэрилор дин анул 1947 скрия: «Ынтр'ун шир де райоане, ын тимпул колектэрилор, ау авут лок казурь кынд уний репрезентанць ай Советелор сэтешть, ай КР а ПК(б)М ши комитетелор ексекутиве райоанале ымпутерничиць пентру колектэрь, уний лукрэторь де рэспундере ай комитетелор ексекутиве райоанале ау комис ынкэлкэрь граве а лежилор советиче, перкезиционьнд ши секестрынд нележитим аверя цэраниялор, ау луат пыня де ла персоанеле скутите де колектэрь, ау арес-тат ши бэтут цэраний»⁵⁴.

Ам путя енумера суте де казурь де ынкэлкаре а легалитэций социалисте ла стрынжеря импозителор ши продуселор агриколе де ла цэрань ын аний 1944—1946 ши дупэ фоамете, дар кредем кэ ши челе енумерате май сус сынт конвингэтоаре, кэ ын аний менционаць арестэриле, малтрэтириле, секестрэриле де авере, интимидэриле вербале девенисе елементе але модулуй де вяцэ цэрэнеск. Аич е казул сэ май менционэм, кэ ын документе ау рэмас ынрежистрате доар казуриле де абуз де путере каре девеняу куноскуте органелор де ресорт ын урма плынжерилор цэраниялор ши асупра кэрора се интентау прочесе. Дар кыць цэрань ну се ынкуметау сэ се плынгэ ауторитэцилор дин тямэ сау пентру кэ ын репетате рындурь се конвинсесе кэ ыншишь апэртэрий лежий рекуржяу ла виоленць? Ын анул 1946 констрынжеря фацэ де цэрань с'а апликат ши май пе ларг. Довадэ поате серви фаптул, кэ дакэ ын прима жумэтате а анулуй 1945 ын републикэ пентру абуз де путере (малтратаря популяцией ши перкезицииле нележитиме) ау фост трасе ла рэспундере 66 персоане ку функций де рэспундере⁵⁵, яр ын анул 1946 «пентру абуз де функция окупатэ ши путере» — 639, динтре каре 43 лукрэторь ай комитетелор ексекутиве райоанале ши де партид, 68 прешединць ай Советелор сэтешть ши локцииторь ай лор. 156 активишь сэтешть, 62 лукрэторь финанчиарь⁵⁶. Ын анул 1946 а крескут ши нумэрүл персоанелор жулекате ка «саботорь» ай колектэрилор де пыне — 1097, динтре каре 816 калификаць дрепт кя-бурь⁵⁷.

Деспре фаптул кэ ын анул 1946 с'а апликат констрынжеря фацэ де цэрань пентру а се акита ку статул ла колектэрь, ултериор с'а суб-линият ши ын хотэрыриле форурилор супериоаре але републичий. Астфел, ын хотэрыря Консилиулуй пе Миништри ал РССМ ши Бироу-луй КЧ ал ПК(б)М дин 21 юние 1947 «Ку привире ла реколтаря роа-лей ши колектаря продуселор агриколе ын анул 1947 ын РСС Молдо-ва се менциона: «...Ла реализаря колектэрилор де пыне, анул трекут, органеле советиче, де партид ши колектэрь динтр'ун шир де райоане ау комис ун шир де неажунсурь ын луку, манифестынду-се ын игно-раря лукрулуй организаторик ши политик де масэ ын рындул цэрэни-мий, десеорь субституинд лукрул политик де масэ ку администраря ши комитяу ынкэлкэрь а легалитэций революционаре»⁵⁸.

Кэ ын анул 1946 констрынжеря фацэ де цэрань с'а аскуцит а фост ун луку фиреск: планул де ливрэрь ал републичий, фиинд май мэрит декыт ын аний пречеденць нечесита ши ефортурь май марь пентру а фи реализат.

Елучидынд констрынжеря апликатэ де ымпутерничиций райоаналь ши активиштий Советелор сэтешть ла перчеперя импозителор ши ко-лектаря пыний де ла цэрань ын аний постбеличь, требве менционат, кэ вина пентру фэрэдележиле сэвыршите о поартэ нумай ей. Ачештя

ерау невоиць сэ рекуртэ ла констрынжэре даторитэ пресиуний перманенте, че о супортау дин партя органелор супериоре ши каре ын кондичииле системулуй сталинист де атунц, ын фонд, се реализа пе трепте де сус ын жос (органеле унионале апасау асупра челор републикане, ачестя дин урмэ асупра челор жудецене ши райоанале, яр ултимиле — асупра челор локале) ши ку кыт те афлай пе о тряптэ май жоасэ а системулуй, ку атыт май мулт о симцияй.

Практик ачаста се ефектуа ын фелул урмэтор. Консилиул де Миништри ал УРСС адопта хотэрырь ку привире ла десфэшураря несатисфэкэтоаре а ындеплинирий планурило де ливрэрэ де кэтре републикэ, Гувернул републичий — деспре акитаря несатисфэкэтоаре ку статул а жудецелор ши райоанелор, яр комитетеле екзекутиве жудецене ши райоанале а Советелор де депутаць ай попорулуй пресау асупра Советелор сэтешть. Де екземплу, ла 13 ноембрие 1946 Консилиул де Миништри ал РССМ, экзаминынд десфэшураря акитэрий районулуй Булбоака ку статул ла предаря пыний ла стат, Кузенко, прешединтеле комитетулуй екзекутив районал пентру «зэдэрничиря колектэрило, нелуаря де мэсурь де а ликида рэмынеря ын урмэ а районулуй ла предаря пыний ла стат» а фост адмонестат ку о мустраре аспрэ ши превенит, кэ дакэ «ну ва пуне капэт атитудиний сале индиференте фацэ де интереселе цэрий, ну ва ликида грешелиле ын активитатя де колектаре ши ну ва асигура ындеплиниря планулуй де предэрэ пе район пынэ ла 20 ноембрие ва фи деституит дин пост ши трас ла рэспундере пе линии де стат». Че-й май рэмыня унуь асеменя прешединте де фэкут, декыт сэ чарэ де ла субалтернь интенсификаря колектэрило, май алес, дакэ и се инкримина, кэ «ну чере рэспундере де стат ла колектэрэ дин партя Советелор сэтешть»⁵⁹.

Пресиуня се ынфэптуя трептат ши пе линия органелор де партид. Адевэрат, кэ ын казурь ексчепционале «ординя» де пресиуне ера ынкэлкатэ. Ын аний 1944—1945 ши дупэ фоамете ачаста се манифеста ын ачэя, кэ дин министереле ши департаментеле републикане ерау тримишь ын райоане ши сате лукрэторь де рэспундере пентру «а ажу-та» челор де ла фаца локулуй ла реализаря планулуй. Ын анул 1946 ынсэ, кынд планул ера суб периколул неындеплинирий май мулт ка орькынд, формеле де пресиуне девенисе ши май вариате. Фоарте фреквенте ерау телеграмеле адресате де Рудь ши Ковал прешединцило комитетелор екзекутиве райоанале ши секретарилор комитетелор райоанале де партид ку черинца де а интенсифика колектэриле. Де екземплу, ла 6 ноембрие Рудь, прешединтеле Консилиулуй де Миништри ал РССМ адресязэ о телефонограмэ тутурор прешединцило Комитетелор екзекутиве райоанале ку урмэторул концинут: «Консилиул де Миништри ал РССМ Вэ облигэ ка ын зилеле де сэрбэтоаре сэ организаць лукрул практик де масэ ын рындул цэранило пентру ындеплиниря ын зилеле апропийате а планулуй де ливраре а пыний. Ын урмэтоареле чинч zile ритмуриле ливрэрило требуе сэ фие бруск ридикате»⁶⁰. Приминд астфел де телеграме кондучеря районалэ де партид ши советикэ луа мэсурь конкрете де а интесифика акитаря цэранило ку статул. Ла 25 септембрие 1946, комитетул районал де партид Кахул, приминд о телеграмэ семнатэ де Ковал ын каре се черя интенсификаря колектэрило а хотэрыт ка сэ тримитэ пынэ ла 5 октомбрие ын сате ымпутерничиць дин рындул активулуй районал де партид ши советик, пе каре й-а превенит, кэ фацэ де чей че вор авя о атитудине инконштиентэ пентру сарчина ынкрединцатэ вор фи луате мэсурь пе линии де стат ши пе линии де партид⁶¹.

Ын констрынжэря цэранило де а се акита ку статул ун рол деосебит ый ревэня Прокуратурий републичий. Ын хотэрыря Гувернулуй републичий ши КЧ ал ПК(б)М, че визау колектэриле, се черя инсистент де ла еа сэ интенсифиче лупта ымпотрива «саботори-

лор де импозите ши а колектэрилор». Ын тимпул кампаниилор де колектэрь ын сате ерау тримишь ка ымпутерничиць ыншишь прокурорий райоанелор. Ын октомбрие 1944 прокурорул жудецулуй Бендер рапорта Прокурорулуй републичий: «...тоць прокурорий райоаналь се афлэ ын сате ын калитате де ымпутерничиць пентру колектэрь фэрэ дрептул де а се ынтоарче ын центрул райоанал. Ын консечинэ прокурорий райоанелор Романовка, Чимишлия, Кэинарь, Волонтировка, Бендер ши Кэушень ын фонд ку лукрул де прокурорь ну се окупэ, яр прокуратуриле, фэрэ нич о ексажераре, се афлэ суб лэкатэ»⁶². Прокурорий райоаналь ерау тримишь ын сате ка ымпутерничиць пентру колектэрь, фэрэ дрептул де а се ынтоарче ын центреле райоанале пынэ ла ындеплиниря планулуй ши ын аний урмэторь⁶³.

Ын урма мэсурилор де констрынжере, плануриле, деши ексажерате, ын аний постбеличь се ындеплиняу ануал. Ын анул 1944 колхозничий ши цэраний индивидуаль ау ындеплинит планул де предаре а череалелор ла стат ку 107,4%, кэрний — ку 120,4%, ау предат супраплан ын фондул Арматей Роший песте 1,2 млн. де пудурь де череале ши алте продусе алиментаре. Пе лынгэ ачаста оамений мунчий дин Молдова ау май донат ын анул 1944 пентру конструкция колоаней де танкурь «Пентру Молдова Советикэ» песте 30 млн. рубле ши ау кумпэрат облигаций але ымпрумутулуй де рэзбой ши билете але лотерией ын бань ши объекте пентру сума тоталэ де песте 170 млн. рубле⁶⁴.

Ын анул 1946, некэтынд ла сечетэ, яр апоь ши ынчепутул фоаметей планул де предаре а пыний ла стат, ын пропорций де 72727 тоне, де асемения а фост ындеплинит. Ла 1 януарие 1947 цэрэнимия републичий предасе статулуй 73474 тоне череале⁶⁵.

Ын ынкеее врем сэ не оприм ынкэ ла ун момент че визязэ колектэриле дин анул 1946.

Фаптул кэ ын ачест ан о парте дин ымпрумутул акордат цэранилор ера дин череалеле колектате ын републикэ, а сервит ка базэ пентру уний историчь сэ жустифиче колектэриле дин анул 1946. Ачестя, кипуриле, ау пермис редистрибуирия череалелор де ла цэраний богаць челор сэрачь⁶⁶. О атаре практикэ ын тимпул фоаметей, де бунэ самэ, а авут лок, дар еа нич пе департе н'а фост абсолюте. Пе лынгэ ачаста, ну требуе де уйтат, кэ о парте дин череалеле примите де цэраний сэрачь ши мижлокашь ка ымпрумут ши ажатор гратуит де ла стат, ау фост колектате тот де ла ей, прекум ши фаптул кэ «редистрибуирия» а фост фоарте неефициентэ. Дар принципалул аргумент, дупэ пэрея ноастрэ, каре ворбеште деспре ачяе пе кыт де рационале ау фост колектэриле ын анул 1946, есте рапортул динтре волумул колектэрилор ын ачест ан, ымпрумутул ши ажаторул алиментар гратуит примит де цэрань ын тимпул фоаметей. Волумул де череале колектате ын анул 1946 не есте куноскут — 73474 тоне. Деч, каре а фост волумул ымпрумутулуй ши ажаторулуй алиментар примит де цэрань ын тимпул фоаметей?

Конформ ултимелор дате де архивэ. РСС Молдова ын а доуа жумэтате а анулуй 1946 ши ын прима жумэтате а анулуй 1947 а примит ын калитате де ымпрумут ши ажатор алиментар гратуит, прекум ши семинце ши фураж 155,5 мий тоне череале ши 14 мий тоне фэинэ. Ын тотал, деч, 169,3 мий тоне. Ынсэ дин ачастэ кантитате популяция а примит ка ымпрумут алиментар доар 63,2 мий тоне череале ши фэинэ⁶⁷, адикэ май пуцин, декыт ау фост колектате ын републикэ ын анул 1946. Ачаста конфирмэ ынкэ о датэ фаптул кэ дакэ ын анул 1946 планул де колектэрь пентру републикэ ар фи фост анулат, морталитатя популяцией де фоаме н'ар фи луат ун карактер де масэ.

Поате сэ ми се репрошезе, кэ ын тимпул фоаметей популяция РССМ ын афарэ де кантитатя де череале номинализате май сус а примит карне, пеште, захэр, картофь, грэсимь ш. а. Ачеста е ун лукру

черт, дар ну требуе уйтат ши фаптул кэ дин републикэ ын анул 1946 ау май фост колектате (ла дата де 1 януарие 1947) 13624 тоне карне, 419,9 тоне брынзэ, 12792 тоне лапте, 4874 тоне картофь, 4474 тоне легуме, 8607 тоне фрукте ши алте produse агриколе ши анималиере⁶⁸.

Конкидем, деч, кэ политика фискалэ а Статулуй Советик ын аний постбелич, ера ориентатэ спре трансформаря социалистэ а агрикултурый ши конституиря ноилор релаций социале ла сат. Ынсэ, ын кондициле системулуй административ де командэ де атунч, традучеря ей ын вяцэ ера ынсоцитэ де неажунсурь ши денатурэрь сериоасе, каре ын аний 1946—1947 пе фундалул сечетей че а урмат имедиат дупэ рэзбой, ау адус ла дезлэнцуиря фоаметей ын републикэ. Де фапт, ролул детерминат ын десфэшуаря евениментелор л-ау жукат ну факторий обьективь, дар чей субъективь ши, ын примул рынд, колектэриле де череале небалансате. Пропорцииле фоаметей ар фи фост миниме дакэ ын анул 1946 колектэриле де череале ар фи фост анулате. Ынсэ, ын кондициле системулуй сталинист, дупэ кум ам възут дин челе експусе, о асемения резолваре а проблемей а фост пур ши симплу импосибилэ. Де рынд ку системул административ де командэ сталинист де кондучере а сочиетэций, каре а дат довадэ де инкапачитате криминалэ де а превени фоаметя, винэ пентру дезлэнцуиря ачестея поартэ ши кондучеря де атунч а републичий, каре ера о унялтэ дочилэ а режимулуй сталинист.

Note

¹ История РСС Молдовенешть. В. II. Кишинэу, 1970; *Сытник М. К.* Помощь Советского государства крестьянам Молдавии в ликвидации последствий засухи 1945—1946 гг. // Сельское хозяйство и крестьянство Советской Молдавии (1921—1965 гг.). Кишинев, 1970; Ачелаш аутор: Коллективизация сельского хозяйства и формирование класса колхозного крестьянства в Молдавии. Кишинев, 1976; История РСС Молдовенешть. Кишинэу, 1984; *Исак В., Шемяков Д.* Адвэрул деспре сечета дин аний 1945—1946 дин Молдова // Молдова социалистэ. 1987. 8 август. ш. а.

² *Царан А.* Еще раз о голоде 46 года // Молодежь Молдавии, 1988. 16 августа; *Бомешко Б.* О пажинэ тражикэ а историй // Коммунистул Молдовей, 1989, № 1; Ачелаш аутор: Голод // Советская Молдавия. 1989. 15 апреля; *Ион Цуркану.* Всего несколько страниц истории // Как больно... Кишинев, 1989; *А. Царан, М. Грибинча.* Вихтимиле фоаметей: кыте ау фост? // Молдова социалистэ, 1989. 16 сентября; *Правда о голоде 1946—1947 годов в Молдавии* // Советская Молдавия. 1989. 23 сентября; *Царан А. М.* Аний 1946—1947: ынвэцэминтеле фоаметей ын Молдова (материал пентру лекторь). Кишинэу, 1989.

³ *Сытник М. К.* Из истории социально-экономических отношений в деревне правобережных районов Молдавской ССР накануне массовой коллективизации // Вопросы истории социалистического строительства в Молдавской ССР. Кишинев, 1962; *Дороганич Ф. Д.* Налоговая политика Со-

ветского государства в период коллективизации сельского хозяйства в правобережных районах Молдавии (1945—1950 гг.) // Сельское хозяйство и крестьянство Советской Молдавии (1921—1965 гг.). Кишинев, 1970; *Сытник М. К.* Коллективизация сельского хозяйства и формирование колхозного крестьянства в Молдавии, Кишинев, 1976. ш. а.

⁴ История РСС Молдовенешть. В. II. Кишинэу, 1970. П. 393.

⁵ АЧС а РССМ. Ф. 2848. Р. 22. Д. 5. Ф. 16.

⁶ *Сытник М. К.* Коллективизация сельского хозяйства... С. 142.

⁷ *Сытник М. К.* Из истории социально-экономических отношений ... С. 116.

⁸ АЧС а РССМ. Ф. 2848. Р. 22. Д. 7. Филеле ну сынт нумеротате. Везь хотэрыриле ККП ал РССМ дин 7 юние 1944.

⁹ Тот аколо. Д. 5. Филеле ну сынт нумеротате. Везь хотэрыря комунэ а ККП ал РССМ ши КЧ ал ПК(б)М дин 21 септемброе 1944.

¹⁰ Тот аколо.

¹¹ Тот аколо. Д. 10. Ф. 356—360, 364.

¹² Тот аколо. Д. 10. Ф. 356—357.

¹³ Тот аколо. Д. 7. Филеле ну сынт нумеротате. Везь хотэрыриле ККП ал РССМ дин 7 юние 1944.

¹⁴ Тот аколо. Д. 10. Ф. 364—365.

¹⁵ Тот аколо. Д. 13. Ф. 132.

¹⁶ Тот аколо.

¹⁷ Тот аколо. Ф. 3085. Р. 3. Д. 26. Ф. 54.

¹⁸ Тот аколо. Д. 28. Ф. 52—53.

¹⁹ *Сытник М. К.* Коллективизация сельского хозяйства... С. 254—255.

²⁰ АЧС а РССМ. Ф. 2845. Р. 1. Д. 2030. Ф. 247.

²¹ Тот аколо. Ф. 219.

²² Тот аколо. Ф. 272—273.

²³ Тот аколо. Ф. 2848. Р. 22. Д. 6. Фи-

- леле ну сынт нумеротате. Везь хотэ-рыриле ККП ал РССМ дин 24 ноембрие.
- 24 Тот аколо. Ф. 3085. Р. 3. Д. 32. Ф. 25.
- 25 Тот аколо. Д. 76. Ф. 68, 80.
- 26 Тот аколо. Ф. 68.
- 27 Тот аколо. Ф. 80.
- 28 Тот аколо. Ф. 2848. Р. 22. Д. 9. Ф. 180; Д. 12. Ф. 535.
- 29 Тот аколо. Д. 26. Филеле ну сынт нумеротате. Везь хотэрыриле Консилиулуй де Миништри ал РССМ дин 10 юлие 1946.
- 30 Тот аколо. Ф. 3085. Р. 3. Д. 32. Ф. 26.
- 31 АП де пе лынгэ КЧ ал ПКМ. Ф. 254. Р. 1. Д. 56. Ф. 93.
- 32 Сытник М. К. Коллективизация сельского хозяйства... С. 254.
- 33 Ленин В. И. Опере комплекте. В. 37. П. 197.
- 34 АН де пе лынгэ КЧ ал КПМ. Ф. 254. Р. 1. Д. 68. Ф. 61.
- 35 АЧС а РССМ. Ф. 2848. Р. 22. Д. 29. Ф. 59—64.
- 36 Тот аколо. Ф. 3085. Р. 3. Д. 28. Ф. 54—56.
- 37 Царан А. М. Аний 1946—1947: ынвэ-цэминтеле фоаметей ын Молдова. Кишинэу, 1989. П. 8.
- 38 Бомешко Б. О пажинэ тражикэ а историей. Комунистул Молдовей. 1989. № 1. П. 68.
- 39 АЧС а РССМ. Ф. 2848. Р. 22. Д. 26. Ф. 45.
- 40 Тот аколо. Ф. 3085. Р. 3. Д. 28. Ф. 54.
- 41 Тот аколо. Ф. 55.
- 42 Тот аколо. Ф. 2848. Р. 5. Д. 687. Ф. 32.
- 43 Тот аколо. Р. 22. Д. 28. Ф. 256.
- 44 АП де пе лынгэ КЧ ал КПМ. Ф. 254. Р. 1. Д. 54. Ф. 70.
- 45 АЧС а РССМ. Ф. 3085. Р. 3. Д. 41. Ф. 140.
- 46 Тот аколо. Ф. 183.
- 47 Бендерское земство. Отчеты, доклады, сметы, раскладки Бендерской уездной земской управы. Бендеры, 1894. С. 27—31.
- 48 АЧС а РССМ. Ф. 2848. Р. 22. Д. 26. Ф. 39.
- 49 Бомешко Б. О пажинэ тражикэ а историей. Комунистул Молдовей. 1989. № 1. П. 66.
- 50 АЧС а РССМ. Ф. 3085. Р. 3. Д. 4. Ф. 77.
- 51 Тот аколо. Д. 32. Ф. 3.
- 52 Тот аколо.
- 53 Тот аколо. Д. 33. Ф. 66.
- 54 Гратинич С. А. Массово-политическая работа Компартии Молдавии (1944—1950). Кишинев, 1989. С. 80.
- 55 АЧС а РССМ. Ф. 3085. Р. 3. Д. 26. Ф. 51.
- 56 Тот аколо. Д. 55. Ф. 114—116.
- 57 Тот аколо.
- 58 Тот аколо. Ф. 2848. Р. 22. Д. 41. Филеле ну сынт нумеротате. Везь хотэрыриле Консилиулуй де Миништри ал РССМ дин 21 юние 1947.
- 59 Тот аколо. Р. 5. Д. 6. Ф. 201.
- 60 Тот аколо. Ф. 2848. Р. 5. Д. 6. Ф. 114.
- 61 АН де пе лынгэ КЧ ал ПКМ. Ф. 254. Р. 1. Д. 57. Ф. 17.
- 62 АЧС а РССМ. Ф. 3085. Р. 3. Д. 21. Ф. 10.
- 63 Тот аколо. Д. 116. Ф. 118.
- 64 История РСС Молдовенешть. Кишинэу, 1984. П. 422.
- 65 АЧС а РССМ. Ф. 2848. Р. 5. Д. 31. Ф. 13.
- 66 Везь, де екземплу: Бомешко Б. О пажинэ тражикэ а историей. Комунистул Молдовей. 1989. № 1. П. 66.
- 67 АЧС а РССМ. Ф. 2848. Р. 5. Д. 35.
- 67 АЧС а РССМ. Ф. 2848. Р. 5. Д. 35.
- 68 Тот аколо. Д. 31. Ф. 13.

Резюме

В статье освещается роль сталинской налоговой политики первых послевоенных лет в Молдове в возникновении голода 1946—1947 гг. На основе новых архивных материалов доказывается, что в послевоенные годы планы поставок сельхозпродуктов государству были чрезмерно большими, что и привело после засухи в республике 1945—1946 гг. к голоду. Приводится соотношение объемов поставок зерна в ССРМ в 1946 г. и государственных продовольственных ссуд, выданных крестьянам во время голода и делается вывод, что аннулирование поставок зерна в 1946 г. значительно снизили бы масштабы голода и смертность населения. Подчеркивается неспособность сталинской административной системы, тогдашнего руководства республики — послушного орудия сталинского режима — предотвратить голод в ССРМ.

DISCUȚII ДИСКУСИИ

Gh. E. Bobîcă

PRIMA CRONICĂ A MOLDOVEI ÎN LIMBA ȚĂRII ȘI AUTORUL EI (LA 400 DE ANI DE LA NAȘTEREA LUI GRIGORE URECHE)

Manuscrisul originalului primei cronici moldovenești, scrie în limba țării — «Letopisețul Țării Moldovei, de când s-au descălecat țara și de cursul anilor și de viața domnilor carea scrie de la Dragoș vodă până la Aron vodă» nu s-a păstrat, cum nu s-au păstrat nici copii, care să reproducă versiunea originală. Letopisețul, atribuit tradițional lui Grigore Ureche, survine epocilor anterioare în forma prelucrată de o seamă de interpolatori. Cele mai multe din interpolări aparțin lui Simion Dascălul și s-au transmis în toate copiile manuscrise cunoscute astăzi. La rîndul lor aceste copii au suferit adaosurile altor interpolatori ca Misail Călugărul și Axintie Uricariul.

Primul letopiseț scris în limba țării a avut o largă răspîndire și popularitate. Pînă în prezent s-au păstrat 22 de copii care transmit, integral sau parțial, cronica lui Grigore Ureche împreună cu interpolările. Excluzînd versiunea originală a autorului și pornind de la versiunea interpolată a lui Simion Dascălul, care la fel nu s-a păstrat, cercetătorii presupun existența a încă cel puțin 17 manuscrise, marea majoritate datînd din a doua jumătate a secolului al XVII-lea și de la începutul secolului al XVIII-lea¹. Deci, cronica a circulat în cel puțin 40 de copii manuscrise în perioada cuprinsă între moartea lui Grigore Ureche (1647) și data primei publicări a textului de către Mihail Kogălniceanu (1852). La aceste 40 de copii manuscrise trebuie adăugate încă 56 de copii ale compilației lui Nicolae Costin «Letopisețul Țării Moldovei de la zidirea lumii pînă în anul 1600», care conține aproape în întregime cronica lui Grigore Ureche.

Lipsa manuscrisului original al cronicii și existența unui mic număr de date despre autorul ei au trezit încă în secolul al XVIII-lea discuții în privința paternității acestei prime opere istorice în limba română, discuții care, după cum vom vedea mai jos, n-au încetat nici astăzi.

Dimitrie Cantemir în «Hronicul vechimei a romano-moldo-vlahilor», reieșind din faptul că cronica, rămasă neterminată, se încheie cu descrierea domniei a doua a lui Aron Tiranul, adică cu anul 1594, atribuie această operă lui Nistor Ureche, tatăl lui Grigore Ureche. El menționează: «Ureche au trăit și au scris pe vremile lui Aron vodă Tiranul, într-a căruia domnie și sfîrșitul istoriei sale face»². Bazîndu-se pe această declarație a ilustrului înaintaș și pe o analiză proprie a textului letopisețului Bogdan Petriceicu Hașdeu la rîndul său ajunge la concluzia că autorul lui a fost Nistor Ureche și că a fost scris înainte de anul 1600³.

Renumitul istoric Constantin Giurescu afirma la începutul secolului nostru că cronica nu aparține lui Grigore Ureche, care lăsase doar un simplu izvod, ci lui Simion Dascălul, care, alăturînd izvodului lui Ureche o seamă de izvoade, interne și străine, astăzi «toate pierdute», a alcătuit «o lucrare nouă»⁴. El afirmă că cronica, «care, de Miron Costin și Stolnicul Constantin Cantacuzino pînă acum, s-a constituit ca fiind a lui Ureche este în realitate cronica lui Simion Dascălul. Ureche a fost numai unul din izvoadele sale interne, alături de letopisețul moldovenesc, cel leșesc și de cel unguresc, astăzi toate pierdute. Compilația mai dezvoltată, la a cărei alcătuire contribuiseră, le-a scos din uz și le-a făcut să

dispară»⁵. În anul 1916 Constantin Giurescu a publicat chiar o ediție a cronicii sub titlul: «Letopisețul Țării Moldovei pînă la Aron vodă (1359—1595), întocmit după Grigore Ureche vornicul, Istratie logofătul și alții de Simion dascălul». Alți cercetători au insistat asupra faptului că letopisețul trebuie atribuit deopotrivă lui Grigore Ureche și lui Simion Dascălul dat fiind numărul mare de interpolări și faptul că nu se pot distinge textele datorite fiecăruia din autori. Constantin C. Giurescu a publicat în anul 1934 la Craiova textul cronicii sub titlul: «Letopisețul Țării Moldovei pînă la Aron vodă (1359—1595), întocmit de Grigore Ureche vornicul și Simion Dascălul».

În șirul încercărilor de a nega paternitatea cronicarului asupra primei opere istorice scrise în limba țării se înscrie și teza, conform căreia Grigore Ureche și-ar fi scris cronica în limba latină și apoi ea a fost tradusă în românește de către Simion Dascălul. Ea a fost enunțată în anul 1874 de către Al. Lambrior⁶ și reluată mai târziu de I. Minea. Ultimul își fonda ipoteza pe faptul că în textul cronicii se menționează un «letopiseț latinesc», considerînd acest letopiseț drept o trimitere a lui Simion Dascălul la textul latin al lui Ureche. Anume datorită faptului că a fost scrisă în limba latină, limbă tot mai puțin cunoscută în Moldova după moartea lui Grigore Ureche, consideră I. Minea, a și determinat pierderea fără urmă a originalului latin al cronicii⁷. Teza lui Al. Lambrior și I. Minea a fost reluată de către I. Siadbei, care consideră că Simion Dascălul ar fi tradus cronica lui Ureche din latină între anii 1642 și 1643. Limba și stilul cronicii, așa cum o cunoaștem azi, ar fi deci ale lui Simion Dascălul și nu ale lui Grigore Ureche⁸. Mai târziu I. Siadbei admite totuși o diferență între stilul lui Grigore Ureche și cel al lui Simion Dascălul. O trăsătură caracteristică a stilului lui Ureche este conciziunea și redarea unei gîndiri foarte precise, în timp ce la Simion Dascălul cugetarea se desprinde cu greu dintr-o gîndire anterioară și are tendința spre parafrază. Această diferență de stil se explică, după opinia lui Siadbei, prin faptul că Simion Dascălul traduce textul lui Ureche din latină, iar interpolările îi aparțin⁹. Manuscrisul citat de I. Siadbei conține în locul expresiilor «cronicarul cel leșesc», «letopisețul cel leșesc» expresiile «cronicarul cel latinesc», «letopisețul cel latinesc»¹⁰. Această substituție de termeni îl și face pe I. Siadbei să presupună că Simion Dascălul îl identifică pe Grigore Ureche cu «cronicarul cel latinesc», iar pe acesta din urmă îl opune «letopisețului nostru», scris în limba țării de Eustratie logofătul. Rezultă deci, conchide I. Siadbei, că opera lui Grigore Ureche era scrisă în latinește și din ea a «îzvodit» Simion Dascălul textul de bază al cronicii, adăugînd apoi «poveștile letopisețului moldovenesc». Opera latină a lui Ureche s-a pierdut și astfel se explică faptul de ce nu găsim nici un manuscris românesc al cronicii, care să nu fi fost «adoptat» de Simion Dascălul¹¹.

Un mare număr de cercetători a depus susținute eforturi pentru a demonstra paternitatea cronicarului Grigore Ureche asupra primei opere istorice scrise în limba țării și pentru a respinge încercările de a-l considera drept autor al ei pe Simion Dascălul. Analizînd critic personalitatea interpolatorului și aportul său la textul cronicii lui Grigore Ureche, G. Pascu în studiul «Gligorie Ureache. Izvoarele lui Ureache. Interpolările lui Simion Dascălul și textul lui Ureache» ajunge la concluzia că acesta nu cunoștea izvoarele folosite de Ureche, dar își «dă aere că le citează în original»¹². El își semnează adaosurile ce-i aparțin pentru ca posteritatea să-l poată distinge de Grigore Ureche ca pe un autor deosebit. P. P. Panaiteșcu, unul dintre cei mai versați cunoscători ai manuscriselor cronicii lui Grigore Ureche, a demonstrat că afirmațiile lui Simion Dascălul din predoslovie, precum că el a adunat izvoare interne și străine și a compus un letopiseț întreg, «sînt un neadevăr vădit, întrucît din alcătuirea cronicii reiese, că interpolatorul n-a cunoscut nici izvoarele străine și nici principalul izvor intern—letopisețul moldovenesc»¹³. În

studiul «Influența polonă în opera și personalitatea cronicarilor Grigore Ureche și Miron Costin» P. P. Panaitescu ajunge la concluzia că cronică, «pe care toată tradiția istorică a Moldovei o atribuia lui Grigore Ureche este în adevăr scrisă de acesta»⁴.

Pe baza unei analize critice judicioase a textului cronicii P. P. Panaitescu realizează în anul 1955 (reeditată în anul 1958) o ediție a letopisețului lui Grigore Ureche, în care tot ce se dovedește că provine, ca interpolare, de la Simion Dascălul și de la ceilalți adnotatori ulteriori, este delimitat în text cu literă mică¹⁵. Textul restabilit de P. P. Panaitescu a fost folosit la alcătuirea ediției de la Chișinău din anul 1971 de T. Celac și P. Dimitriev cu un studiu introductiv de E. Russev¹⁶.

Studiile mai noi au consolidat teza privind paternitatea lui Grigore Ureche asupra primei opere istorice scrise în limba țării. I. C. Chițimia în problema izvoarelor și paternității cronicii ajunge la concluzia că Simion Dascălul nu contribuie la îmbogățirea cronicii și că el practic nu cunoștea nici unul din letopisețele — moldovenesc, latinesc și leșesc, pe care le menționează în text. Adnotările sale au fost făcute din dorința „ca să i se pomenească și lui numele alături de Ureche”¹⁷. Partea de muncă și de contribuție a lui Simion Dascălul se reduce la copierea operei și la introducerea unor restrânse adaosuri¹⁸.

Bazându-se pe studiul filologic și lingvistic al manuscriselor cercetătorul Liviu Onu conchide că Simion Dascălul a fost un simplu „scrib”, care „trebuie considerat un falsificator stîngaci și un uzurpator” ce „urmărea să-și însușească fraudulos paternitatea unei opere valoroase din atâtea puncte de vedere”¹⁹. Autor al cronicii, afirma L. Onu, este numai Grigore Ureche. Lui trebuie să-i atribuim textul de bază. Interpolările lui Simion Dascălul, ca și acelea ale lui Misail Călugărul, Axinte Uricariul și ale altora, nu fac parte integrantă din cronică lui Grigore Ureche, deși timp de două secole, prin manuscrise, au circulat numai versiuni interpolate. În anul 1967 L. Onu realizează o nouă ediție critică a cronicii²⁰.

Autorul documentatei monografii despre cronicar D. Velciu îl consideră drept autor al cronicii doar pe Grigore Ureche. Opiniile și concluziile istoricilor, istoricilor literaturii și lingviștilor, întemeiate pe rezultatele analizei cronicii, menționează D. Velciu, îl prezintă pe Simion Dascălul „drept un deplin ignorant, străin cu totul de cultura necesară pentru stăpînirea domeniului atît de complex al istoriei Moldovei”²¹.

S-ar părea că în urma acestui mare număr de studii și ediții critice problema paternității cronicii a fost rezolvată. Există însă și opinii de altă natură. Recent cercetătorul ieșean N. A. Ursu revine la problema paternității primei cronică a Moldovei scrise în limba țării, considerînd-o operă a lui Simion Dascălul. Punctul de plecare al lui N. A. Ursul constă în teza că „cronică lui Ureche, pe care o comentează și o folosește Simion Dascălul posibil... să nu fi fost redactată în românește”²². Dacă cronică lui Ureche ar fi fost scrisă în limba română, iar Simion Dascălul numai ar fi copiat-o, adăugîndu-i unele știri luate din diverse surse de informație, după care ea ar mai fi interpolată și de Misail Călugărul, atunci textul letopisețului ar trebui să prezinte, în mod necesar, o serie de particularități lingvistice și stilistice semnificative pentru fiecare din coautori — Grigore Ureche, Simion Dascălul, Misail Călugărul. Unitatea lingvistică și stilistică a textului demonstrează faptul că întregul letopiseț a fost redactat în românește de o singură persoană și că cronică lui Ureche, pe care a folosit-o Simion Dascălul, nu era scrisă în limba română. Mai mult ca atît, această unitate lingvistică și stilistică a tuturor comentariilor referitoare la izvoarele letopisețului, precum și faptul că unele informații din cuprinsul lor sînt identice cu cele făcute de Simion Dascălul în prefată, demonstrează, consideră N. A. Ursu, că „în forma pe care o cunoaștem letopisețul a fost alcătuit de Simion Dascălul”²³.

Ne aflăm astfel în fața unor opinii diametral opuse. Majoritatea cercetătorilor îl consideră pe Grigore Ureche drept singurul autor al primei opere istorice scrise în limba țării, în timp ce alții îl numesc coautor al cronicarului pe Simion Dascălul ori îi atribuie numai lui drepturile de autor. Unii cercetători, fără a nega dreptul de autor al lui Grigore Ureche, consideră însă că el nu și-a scris cronica în limba maternă, dar în cea latină, slavonă ori polonă²⁴.

Abordând o problemă atât de complicată cum este paternitatea unei opere de cultură e necesar ca ea să fie analizată sub cele mai variate aspecte — lingvistic, literar, istoric, filosofic, politic etc., în caz contrar riscăm să ajungem la concluzii unilaterale. Bazându-se pe analiza lingvistică și stilistică a cronicii L. Onu, după cum am văzut mai sus, ajunge la concluzia că unicul autor al cronicii este Grigore Ureche, în timp ce bazându-se pe aceeași analiză N. A. Ursu face o concluzie diametral opusă.

Opinia noastră este că autorul primei cronică a Moldovei scrise în limba țării este Grigore Ureche. Ipoteza susținută de I. Siadbei, că cronicarul care a scris primul letopiseț moldovenesc în limba română, azi pierdut, a fost Eustratie Logofătul, nu poate fi acceptată. Într-adevăr „letopisețul moldovenesc” sub diferite denumiri este citat frecvent în cronică. Paralel cu indicarea la singular a „letopisețului nostru” cronicarul dă de înțeles că el a folosit nu numai un singur letopiseț intern, ci mai multe. În predoslovie el spune: „...cetind cărțile și izvoadele și ale noastre și cele streine”, „...să află și de la alții semnate lucrurile țării Moldovei”, „...însemnarea anilor a scriitorilor noștri” etc. Există cazuri când cronicarul menționează concret că folosește mai multe letopisețe interne: „Ci de aceste războaie ale lui Alexandru Vodă cu ale lui Bogdan Vodă la unele letopisețe de ale noastre nimica nu scrie, că pre Bogdan vodă îl scrie ficior lui Alexandru Vodă și au rămas pre urma lui la domnie. Iară întru unele izvoade de ale noastre scrie de războaiele lor, ca și cronicariul leseșcu, însă numai pre scurtu”²⁵. Cele două „izvoade ale noastre” care vorbesc diferit despre luptele dintre Alexandru (Alexăndrel) vodă și Bogdan al doilea (tatăl lui Ștefan cel Mare) au fost identificate de cercetători pe baza letopisețelor păstrate pînă astăzi²⁶. Primul, care nu scrie nimic despre aceste războaie, iar pe Bogdan îl dă drept fiu al lui Alexandru, este „letopisețul de la Putna” în prima variantă, iar cel de al doilea, care vorbește despre această luptă, este așa numitul „letopiseț de la Bistrița”. Astfel, vorbind de „letopisețele noastre”, Grigore Ureche avea în vedere letopisețele moldo-slavone, pe care uneori le compara unul cu altul. În cronica sa Grigore Ureche nici odată nu menționează că „letopisețul nostru”, „cel moldovenesc” ar fi scris în limba română. În ceea ce privește afirmația lui Simion Dascălul din predoslovie sa, că ar fi adunat „izvoade de limba noastră”, trebuie de menționat că termenul de „limbă” are aici semnificația de „popor”, „neam”. Despre tătari în cronică se spune că „să află că sîntu limbă bătrînă”²⁷. Simion Dascălul afirma în predoslovie sa că Țara Moldovei ar fi populată chipurile „den doao limbi, de rumîni și de ruși”²⁸. Deci sub denumirea de „letopiseț moldovenesc”, întîlnită în cronică, trebuie să subînțelegem cronicile moldovenești de limbă slavonă din secolele XV—XVI bine cunoscute de Grigore Ureche.

Cum rămîne atunci cu ipoteza despre paternitatea lui Eustratie Logofătul asupra primei cronică în limba țării? Despre letopisețul lui Eustratie scrie Miron Costin și Ion Neculce. Printre izvoarele folosite la scrierea poemei polone „Istorie în viersuri polone despre Moldova și Țara Românească” Miron Costin numește și letopisețul lui „Ieustratie al treilea logofăt: Despre al doilea descălecat”²². Cronicarul spune că el a auzit despre o astfel de scriere, dar n-a văzut-o și, bineînțeles, n-a folosit-o. Deși în poema polonă îl menționează pe Eustratie ca istoric

înaintea lui Grigore Ureche, în tratatul „De neamul moldovenilor“ el îl trece drept sursă a „basnei“ despre proveniența moldovenilor din tîlharii de la Roma: „...pe acest Simeon Dascălul, Istratie Logofătul l-au fătat cu basnele lui“³⁰. Deci afirmația lui Miron Costin că Eustratie logofătul a scris un letopiseț despre „al doilea descălecat“ nu poate fi considerată verosimilă, după cum nu rezistă criticii nici afirmația lui Ion Neculce. În „Predoslovie la „O samă de cuvinte“ el menționează că „nește cuvinte cîteva“ le-a scos din „letopisețul lui Evstratie Logofătul și al lui Simion Dascălului și al lui Misail Călugărului“. În realitate legenda despre Dumbrava Roșie, prezentată de Ion Neculce, are drept unică sursă tradiția populară, iar sursa legendei despre Purice și originea familiei Movileștilor se află în letopisețul slavon de curte, conținutul căreia este redat și în „Cronica moldo-germană“³¹.

Grigore Ureche se afla în relații de prietenie cu Eustratie Logofătul și, dacă acesta ar fi scris într-adevăr un letopiseț în limba română înainte de Ureche, cronicarul neapărat l-ar fi menționat în opera sa. Urmele unui asemenea letopiseț, nu s-ar fi putut șterge, cum n-a dispărut opera și numele lui Ureche, manuscrisul original al letopisețului căruia a fost distrus.

Argumentul principal în sprijinul tezei despre paternitatea lui Grigore Ureche asupra primei opere istorice naționale în limba țării constă totuși în faptul că printre intelectualii timpului nu putem întîlni nici o personalitate laică cu o cultură înaltă și pregătire intelectuală asemeni cu a cronicarului. Înaltele studii căpătate în Polonia, posibil la Academia Zamoschi, unde a învățat și Petru Movilă³², i-au permis lui Grigore Ureche să înțeleagă și să realizeze în viață ideea creării primei opere istoriografice în limba națională. Această idee a fost în mare măsură influențată de mișcarea umanistă europeană. Familiarizîndu-se în Polonia cu umanismul, cu lucrările istorice ale umaniștilor poloni, scrise în limba țării și nu în limba latină — limba oficială a bisericii, cărturarul moldovean se pătrunde de ideea de a prezenta compatrioților săi istoria Moldovei în limba maternă. În timpul studiilor descoperă Grigore Ureche originea latină a poporului său și tot atunci, probabil din cronicile polone, află despre epoca de glorie a țării sub domnia lui Ștefan cel Mare. Ideea romanității moldovenilor și muntenilor era frecventă în operele istoricilor poloni, incluse ca obiect de studiu în programele școlare. Exemplul istoricilor poloni de a scrie în limba țării și convingerea în originea „nobilă“ a limbii neamului său, îl fac pe Grigore Ureche să scrie istoria Moldovei în limba de acasă ca „să ramfie feciorilor și nepoților“, să le fie de învățătură, despre cele rele să se fe-rească și să se socotească, iar după cele bune să urmeze și să se îndrepte-teze“³³. Un imbold de a scrie în limba maternă putea fi și tendința de a demonstra că și în această limbă poate fi scrisă istoria țării, nu numai în slavonă — limba oficială a bisericii ortodoxe și a culturii în Moldova medievală.

Note

¹ *Vezi: Onu Liviu.* Studiu introductiv// Ureche Grigore. Letopisețul Țării Moldovei. Texte stabilite, studiu introductiv, note și glosar de Liviu Onu. București, 1967. P. 35.

² *Canemir Dimitrie.* Hronicul vechimei a româno-moldo-vlahilor. București, 1901. P. 114.

³ *Vezi: Hașdeu B.-P.* Articole și studii literare. București, 1961. P. 157.

⁴ *Giurescu C.* Noi contribuțiuni la studiul cronicilor moldovene. București, 1908. P. 92—93.

⁵ *Ibidem.* P. 91.

⁶ Convorbiri literare. VIII. 1874. P. 129.

⁷ *Minea I.* Din istoria culturii românești. Iași, 1935. P. 127—128.

⁸ *Siadbei I.* Cercetări asupra cronicelor moldovene. Iași, 1939. P. 30—35.

⁹ *Siadbei I.* Istoria literaturii române vechi. București, 1975. P. 89.

¹⁰ *Vezi: Velciu D.* Grigore Ureche. București, 1979. P. 225.

¹¹ *Siadbei I.* Istoria literaturii române vechi. P. 89.

¹² *Pascu G.* Gligorie Ureache. Izvoarele lui Ureache. Interpolările lui Simion Dascălul și textul lui Ureache. Iași, 1920. P. 33—34.

- ¹³ *Panaiteescu P. P.* Influența polonă în opera și personalitatea cronicarilor Ureche și Miron Costin. București, 1925. P. 59—60.
- ¹⁴ Ibidem. P. 86.
- ¹⁵ *Ureche Grigore.* Letopisețul Țării Moldovei. Ediție îngrijită, studiu introductiv, indice și glosar de P. P. Panaiteescu. București, 1955.
- ¹⁶ *Уреке Григоре.* Летописецул Цэрий Молдовей. Студии ынтродуктив де Е. Руссев. Българшия текстулуй, глосар ши индиче де Т. Челак ши П. Дмитриев. Кишинэу, 1971.
- ¹⁷ *Chișimiu I. C.* Probleme de bază ale literaturii române vechi. București, 1972. P. 265.
- ¹⁸ Ibidem. P. 270—271.
- ¹⁹ *Onu Liviu.* Critica textuală și editarea literaturii române vechi. București, 1965. P. 313—315.
- ²⁰ *Ureche Grigore.* Letopisețul Țării Moldovei. Texte stabilite, studiu introductiv, note și glosar de Liviu Onu. București, 1967.
- ²¹ *Velciu D.* Op. cit. P. 218.
- ²² Anuarul Institutului de istorie și Arheologie „A. D. Xenopol”. XXVI. 1989. P. 336.
- ²³ Ibidem. P. 379.
- ²⁴ N. A. Ursu neagă faptul că Grigore Ureche și-ar fi scris cronica în limba română ori latină și rămîne doar să presupunem, că el consideră limba cronicii lui Grigore Ureche cea slavonă ori polonă.
- ²⁵ *Ureche Grigore.* Letopisețul Țării Moldovei // Ediție îngrijită, studiu introductiv, indice și glosar de P. P. Panaiteescu. Ediția a II-a revăzută. București, 1958. P. 89.
- ²⁶ *Vezi: Velciu D.* Op. cit. P. 287—288.
- ²⁷ *Ureche Grigore.* Op. cit. P. 124.
- ²⁸ Ibidem. P. 70.
- ²⁹ *Vezi: Costin Miron.* Opere V. I. București. 1965. P. 85.
- ³⁰ Ibidem. V. 2. P. III.
- ³¹ *Vezi: Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., 1976. С. 53.*
- ³² În literatura consacrată vieții și operei lui Grigore Ureche predomină două ipoteze referitoare la studiile cărturarului în Polonia. Unii cercetători consideră că el a studiat la școala Frăției ortodoxe din Liov, alții pledează pentru unul din marile colegii iezuite din acest oraș.
Considerăm că Grigore Ureche ar fi putut studia la Academia Zamoischi, unde a învățat, probabil, și Petru Movilă (vezi: Sysyn Frank E. *Between Poland and Ukraine. The Dilemma of Adam Kysil, 1600—1653.* Cambridge. 1985. P. 47—48). Ian Zamoischi, hat-

man și cancelar al Coroanei Polone a fondat în anul 1593 la una din moștile sale din ținutul Holmsc din Ucraina o școală înaltă pentru vârstarii elitei nobile din regatul polon. Prin consimțămîntul papei el reușește să introducă în sistemul de predare, alături de teologie, și artele liberale, deschizînd șapte catedre: de drept civil, drept polon, filosofie morală, fizică, logică ori metafizică, matematică, și retorică. Totodată existau în academie și trei clase pregătitoare în domeniul retoricii, filosofiei și ortografiei. Programul de studii în academie urmărea scopul de a acorda studenților cunoștințele necesare pentru a îndeplini anumite funcții de stat. Se învățau pederost fragmente din Cicero și Demostene, Herodot și Tacit, Titus Livius ș. a. Alături de Codexul Iustinian se studia dreptul de Magdeburg, jurisprudență, statalitate polonă, rezoluțiile seimului, ceremoniile de curte. Într-un cuvînt tinerii poloni erau pregătiți în așa mod ca ei să poată participa activ în viața politică și civilă a Coroanei Polone. Programul de studii în Academia Zamoischi, orientat spre necesitățile concrete ale statului polon, contrastă cu programele iezuite, care erau unele și aceleleași în întreaga Europă. Deși aici se studiau și postulatele religiei catolice, spiritul jeneral era mai laic și mai patriotic decît în școlile iezuite. Alături de catolici poloni în Academia Zamoischi studiau lituaneni și ucraineni — ortodocși și uniati. În predoslovie „Triondionul” din anul 1631, dedicată fiului cancelarului — Tomaș Zamoischi, Petru Movilă menționa: „Academia Zamoischi a adus mult folos și bine oamenilor din poporul nostru... Din ea au ieșit bărbați luminați, învățați și serioși, de care are nevoie biserică noastră ortodoxă”. Printre absolvenții academiei Zamoischi au fost astfel de figuri marcante ale culturii ucrainene din secolul al XVII-lea ca Silvestru Cosov, Isaia Kopinschi, Căsan Sacovici și Petru Movilă.

Prin întreaga sa formație intelectuală Grigore Ureche ne demonstrează că spiritul său era mai aproape de programul de studii laic și patriotic al Academiei Zamoischi, decît de cel din școlile iezuite. Studiînd șase ani într-o țară unde cultura avea o frumoasă și bogată tradiție umanistă, cronicarul a devenit unul dintre cei mai culți oameni ai timpului său.

- ³³ *Ureche Grigore.* Op. cit. P. 63.

Резюме

В статье рассматривается спорная проблема об авторе первой молдавской летописи на национальном языке. На основе анализа различных точек зрения по этому вопросу автор приводит ряд доводов, подтверждающих принадлежность летописи перу Григория Уреке.

SCIŢE DOCUMENTARE ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Д. М. Драгнев

ВОЕННЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ МОЛДОВЫ И ВАЛАХИИ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Источниковедов, изучающих документальный материал по средневековой истории не только Западной, но даже Восточной Европы, всегда поражала скудность источниковой базы социально-экономической истории Молдовы и Валахии эпохи феодализма периодов вплоть до последних десятилетий XVIII в. В княжествах не сохранилось источников типа инвентарей, люстраций, инструкций земледельцев по ведению господского хозяйства и др.

На состояние источниковой базы оказали влияние два главных фактора: гибель документов в результате военных нашествий, восстаний, нападений разбойников, пожаров и прочих стихийных бедствий и (особенно для социально-экономической истории) сам характер феодализма в этих княжествах. Господствующие здесь феодально-государственные формы эксплуатации сдерживали развитие барских хозяйств. В княжествах вплоть до конца XVIII в. не получили развития, как в других странах Восточной Европы, барские поместья с большим управленческим аппаратом, экономами, составлявшими инвентарные и бухгалтерские книги хозяйства, которые, несмотря на пожары и разорительные войны, в большом количестве дошли до наших дней. Здесь только с середины XVIII в., когда стала несколько усиливаться сеньорально-вотчинная эксплуатация крестьян, отдельные земледельцы начали вести хозяйственные книги-отчеты управляющих имениями.

Что касается обобщенных статистических данных по социально-экономической истории Молдовы, то для второй половины XVIII — начала XIX в. их можно обнаружить в архивах военных статистических описаний княжеств. Они составлялись русским и австрийским командованиями в период войн России и Австрии с Османской империей. Проводя подобные описания, ответственные за это лица стремились установить объем материальных и людских ресурсов княжеств для более рациональной раскладки податей, выявлять возможности обеспечения армии продовольствием и фуражем, а также привилегии социальных категорий населения, объем их налогообложения. Собирались сведения о хозяйственной специализации отдельных районов, о промыслах ремесле, торговле, проводились переписи населения, составлялись карты княжеств и т. д.

В настоящее время в нашем распоряжении имеется в основном архивный материал канцелярий русского командования периода русско-турецких войн XVIII — начала XIX в., отражающий деятельность русской гражданской администрации в княжествах. Подобный материал хранится и в Вене в делах австрийского военного командования, он почти не исследован учеными. Нами обнаружено одно неизвестное ранее австрийское военное статистическое описание 1788—1789 гг. Оно содержит сведения о количестве домов, числе податных семейств, количестве лошадей и волов 848 молдавских поселений. Этот документ хранится в рукописном отделе библиотеки Румынской Академии¹.

Остановимся лишь на некоторых из русских статистических описаний княжеств, тех, которые содержат общие статистические сведения

об экономике княжеств, данные об отдельных отраслях хозяйства, переписей населения, материалы о социальных категориях населения, о государственных и владельческих повинностях податных сословий.

В самом начале русско-турецких войн по указанию русского командования составлялись общие поездные описания экономических ресурсов княжеств. Данные носили самый обобщенный характер. Таковыми документами явились: «Подлинная ведомость о состоянии и положении княжества Молдавского, и о внутренних его продуктах и в обилии, и сколько в нем уездов и о прочем», составленная в 1700 г.; подобного же названия ведомость по Валахии, составленная тогда же; «Сведения о податных сословиях Молдавии» (12 июля 1808 г.); «Описание пространства, служащего театром войны в 1806—1812 гг. с турками»; «Подробное описание всем дорогам и тропам, идущим из княжества Молдавского в земли австрийского владения в Буковине и Трансильвании», составленное после 1812 г., и др.² В этой группе источников содержатся общие сведения о климате и почвах уездов Молдовы и Валахии, земледельческих культурах, виноградарстве, огородничестве, садоводстве, о животноводстве и промыслах.

Из «Подлинной ведомости о состоянии и положении княжества Валахского...» узнаем, что в горной и холмистой частях уездов Рымник, Ильфов, Телеорман, Бузэу, Сэкуянь, Дымбовица, Мусчел, Романец, Долж, Мехединць, а также в уездах Влашка, Прахова, Арджеш основным занятием населения было скотоводство, извозный и соляной промыслы (Сэкуянь, Прахова). Здесь было много виноградников, фруктовых садов, строевого леса. В уездах Яломица и Олт, в лесостепной и степной частях других приведенных выше уездов «много пшеницы, которой ведется торговля». В Олтении, в уездах Долж и Мехединць «много хлеба» в степной части («в поле»). Здесь явно выделяется промыслово-животноводческий характер хозяйства горной и холмистой зон и значительная роль земледелия в лесостепной и степной частях княжества.

Ценность сообщаемых сведений снижается, однако, отсутствием конкретных статистических выкладок по отдельным отраслям хозяйства. Имеются, правда, и более конкретные данные о количестве рабочего скота и площадях виноградников в Мунтении, содержащиеся в подворной переписи 1773—1774 гг.³ Так, у 41058 налогоплательщиков в уездах Мусчел, Дымбовица, Влашка, Сэкуянь, Ильфов, Прахова, Телеорман, Олт, Рымник, Яловица и Бузэу было 26421 вол и 23076 лошадей; в уездах Мусчел, Дымбовица, Влашка, Сэкуянь, Рымник, Прахова, Олт и Бузэу — 6927,5 погонов виноградников. Наибольшие площади под виноградники находились в уездах, расположенных в горной и холмистой местности (Сэкуянь — 3220, Рымник — 1465 погонов). Примерно такого же характера сведения находим и в упомянутой австрийской переписи 1788—1789 гг., согласно которой в Молдове, в уездах Сучава, Кымпунг-Сучава, Нямцу, Роман, Бакэу и Путна в 848 селах и городах числилось: 30259 дворов и 20513 глав податных семейств. Они владели 6308 лошадьми и 38293 волами⁴. Анализ данных переписи позволяет выявить в этих уездах распределение податного населения, его обеспеченность тягловой силой, сравнить их со сведениями по переписи 1772, 1773—1774 и 1803 гг. и выявить тенденции в динамике численности населения в этом районе княжества.

Более подробный статистический материал обнаружен по хозяйству Молдавского княжества рассматриваемого периода. Для изучения его природных ресурсов важное значение имеют данные (по отдельным селам) о площади лесов в 1808 г., приведенные в квадратных саженах. Они были собраны по приказу русской гражданской администрации в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг.⁵ Путем суммирования лесных массивов можно определить площадь по уездам и княжеству.

целом. По нашим подсчетам леса составляли 12257,8 кв. км и охватывали 19,3% площади уездов страны. Наиболее лесистым был Бакэу (75,6% его площади), наименее — Дрохой (1%). Материалы о наличии лесных массивов важны для понимания хозяйственного направления отдельных территорий страны. Размер площади лесов необходимо сопоставить с посевными площадями, плотностью населения. Совокупность этих данных может помочь в установлении производственного направления народнохозяйственных зон страны, ареала их распространения.

До последнего времени считалось, что нет никаких статистических материалов о зерновом производстве Молдавского княжества до 1812 г. Обнаруженные нами в архивных фондах русского командования русско-турецкого военного периода статистические ведомости о сборах зерна несколько восполняют этот пробел. Первая из них относится к 1789 г.⁶ и включает данные о сборе хлебов четвертями (I четверть = 209,91 л) в 14 уездах княжества, находившихся под управлением русского командования (1787—1791 гг.). Данные по уездам, занятым австрийскими войсками, отсутствуют. В статистике отражена основная зернопроизводящая часть страны, ибо австрийскими войсками были заняты в основном горные области княжества.

Другие статистические данные подобного характера относятся к 1810 г.⁷ Они содержат сведения об объеме посевов зерновых культур по уездам. Исходя из нормы высева зерновых культур (по десятинам) на начало XIX в., можно высчитать примерное распределение площадей зерновых культур. В целом по княжеству площадь зерновых культур занимала 5,02% площадей уездов, меньшая площадь приходилась на горные уезды, большая — на лесостепные. Можно провести некоторые сопоставления: в 1783 г., по оценке молдавских бояр, общий объем сбора зерна составлял 360 тыс. галацких кил (около 110 тыс. т), в 1810 — 223 тыс. т, в 1783 г. на душу населения приходилось 243,6 кг, а в 1810 — 332 кг зерна. При норме потребления на душу населения около 20 пудов (с учетом зерна для посева) в стране хлеба явно не хватало, хотя в динамике и был определенный рост.

Ценные сведения, правда косвенного характера, можно почерпнуть из таких статистических материалов исследуемого периода, как данные о заготовках сена по приказу русского командования (позволяющие судить о величине сенокосных угодий по уездам), ведомости о сборе поимущественных налогов, о количестве обложенного налогами скота. Так, в 1769 г. налогом с овец — гоштиной — было обложено 888165, в 1785 — 167600, в 1807 — 2311500 и в 1812 г. — 2655000 голов овец⁸.

Однако рассматриваемые статистические описания порой отрывочны, они носят чаще всего оценочный характер, отражают состояние хозяйства в период войн. Тем не менее в совокупности они представляют собой определенный материал, позволяющий выявить производственное направление княжества по природно-хозяйственным зонам.

Сопоставление указанных выше документов (описаний) Молдавского княжества с картой генерала Бауэра, составленной по приказу генерального штаба русской армии в 1773 г., и с приведенными статистическими данными по отдельным отраслям хозяйства, позволяет выделить следующие природно-хозяйственные зоны: *горная* скотоводческо-промыслового хозяйства, *лесная и лесостепная* животноводческо-земледельческого хозяйства с развитием пастбищно-лесного скотоводства и некоторой заготовкой кормов на зимнее время, *степная* животноводческо-земледельческого хозяйства с развитием пастбищно-степного скотоводства. Зоны можно подразделять на районы с более конкретной специализацией хозяйства. Так, в лесной и лесостепной зонах особо выделялся юго-западный район, где главным занятием населения было виноградарство (плантации у Одобешть и Никорешть).

Статистические источники по экономическому развитию Дунайских княжеств в рассматриваемом периоде существенно дополняются материалами переписей населения, проведенных в Молдове и Валахии русской военной администрацией во время русско-турецких войн 1768—1774 гг. и 1806—1812 гг. Переписи проводились с целью выявления людских и материальных ресурсов, на которых могло бы рассчитывать командование, а также с целью пресечения злоупотреблений местных властей при сборе податей.

В Молдавском княжестве были проведены две переписи населения: в 1772 и 1773—1774 гг. Первая представлена в итоговых данных по селам, вторая — конкретным перечислением глав семейств. К сожалению, обе переписи дошли до нас не полностью: в первой отсутствуют данные по цинутам Бакэу, Путна и Кымпулунг-Сучава, во второй — по Кодру, Кымпулунг-Сучава и Яшь. Материалы обеих переписей были опубликованы молдавскими археографами⁹.

Менее известна историкам перепись населения Валахии 1773—1774 г., проведенная также по приказу русского командования¹⁰. Она содержит сведения о числе сел и дворов по 12 уездам и социальном составе населения по 11 уездам (отсутствуют данные по уезду Арджеш) Мунтении. Поскольку материалы переписей неполны, важное значение приобретают сохранившиеся в делах русского командования обобщенные статистические сведения. Так, согласно поуездной ведомости населения Молдовы 1773 г. в княжестве было 2031 село с 90327 дворами¹¹.

Перепись, осуществленная в эти же годы гражданской администрацией в Мунтении, зарегистрировала 44813 дворов. При этом большое значение имеют дополнительные сведения, которые предоставили валахские бояре русскому командованию. Они писали, что в 1739 г. в Мунтении и Олтении было 147 тыс. семейств¹², но «разорительные налоги» и бегство многих жителей за Дунай привели к снижению числа налогоплательщиков до 60 тыс. семейств. Кроме того, бояре отмечали, что от обложения налогами уклонялись в стране до 30 тыс. семейств. Всего к началу войны было до 90 тыс. семей: в Олтении — 20, в Мунтении — 70 тыс. В совокупности с материалами переписей эти статистические сведения позволяют судить о людских ресурсах княжеств в период русско-турецких войн 1768—1774 гг.

Материалы переписей населения Молдовы и Валахии 1772—1774 гг. можно сравнить с статистическими данными о населении, собранными по приказу русского командования в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Эти материалы менее всего привлекались историками. Перепись населения Молдовы 1809 г. была до недавнего времени известна лишь по ведомости, содержащей сведения об общем количестве дворов по уездам (ведомость датирована 1810 г.). Нам удалось обнаружить подробные материалы этой переписи¹³. Их сравнение с материалами известной переписи 1803 г., а также переписей 1772—1774 гг. позволяет определить динамику численности народонаселения княжества.

Переписчики зарегистрировали в княжестве 134382 двора. Но в переписи имеется приписка, датированная 14 мая 1812 г., где указано, что данные трехлетней давности, «а нынешнее сочиняемая ведомость не окончена» и по ней число дворов должно быть больше, в итоге оные и непременно почестся может, что сверх значащихся в ведомости к каждым 10-ти будет по одному больше... Это видно из уже доставленных ведомостей, сочиненных со всей аккуратностью¹⁴. К сожалению, материалов новой переписи не обнаружено. Если же следовать указанной приписке, то в 1812 г. в княжестве должно было числиться 147820 дворов. По ведомости же 1810 г. количество дворов в княжестве составляет 164052¹⁵. Чтобы выявить истинное их число, необходимо сопоставить данные переписей по каждому поселению в 1803 и 1809 гг.,

Дунайских княжествах в результате определенного ослабления османского ига после Кючук-Кайнарджийского мира. Они показывают процесс определенной регламентации феодально-государственной эксплуатации частновладельческих повинностей крестьян. Конкретные сведения о социальной структуре Мунтении содержат материалы переписи 1773—1774 гг., согласно которым здесь привилегированные категории населения составляли 14463 человека — это мазилы, рупташи, арнауты, служиторы (их было 5780 чел.) и другие представители государственного аппарата²⁵.

В 1811 г. в Валахии, как отмечено выше, было 38130 служилых людей²⁶. Столь значительный аппарат принуждения характерен для господства феодально-государственных отношений в условиях отсутствия аппарата принуждения феодалов-вотчинников. Но документы позволяют судить об определенном ограничении феодально-государственной эксплуатации: это данные гражданской администрации княжеств о назначении жалования боярам из казны, об определении квоты сборов различных поимущественных налогов²⁷, данные русских консулов в Яшь и Букурешть о сборах налогов по княжествам²⁸. Все эти источники позволяют судить о квоте государственных податей на один податный двор во второй половине XVIII — начале XIX в. По приблизительным подсчетам квота государственных повинностей крестьянского двора в Молдове равнялась 75—100 леем, или 9—13 золотым, в то время как в конце XVIII в. она равнялась 14—20 золотым в год²⁹.

С некоторым ослаблением феодально-государственной эксплуатации усиливается вотчинная эксплуатация феодально зависимого населения. Так, материалы упомянутых выше переписей содержат конкретные данные о принадлежности земельной собственности, что позволяет определить вотчинную структуру землевладения. Сравнение материалов переписей населения Молдовы 1772—1774 гг. с переписью 1803 г. выявляет определенное снижение процента дробных сел в составе частного землевладения. Если в 1772—1774 гг. дробных сел было 593 из 1624 (37%), то в 1803 г. соответственно 445 из 1951 (около 23%)³⁰. Щел процесс «округления» вотчинных владений, создания крупных земельных комплексов для развития вотчинного производства. Об этом свидетельствуют отдельные хозяйственные описи некоторых светских вотчин, произведенных в 1791 г. по приказу русской администрации в связи с отъездом их владельцев в Россию³¹. Эти материалы в определенной мере дополняют статистические данные по отдельным феодальным вотчинам, хранящиеся в архивах Румынии³².

Таким образом, приведенные выше военные статистические описания в своей совокупности составляют источниковую базу первостепенной важности для конкретного исследования еще мало изученного процесса перехода от феодализма к капитализму в Дунайских княжествах. В сообщении мы попытались обратить внимание исследователей на значение указанных документов и необходимости дальнейшего их поиска и изучения.

Примечания

¹ Biblioteca Academiei Române//Ms. german. N 2.

² Архив внешней политики России (АВПР). Ф. РГЯ. Оп. 61/1. Д. 1, 4: ГБЛ. Отдел рукописей. Ф. 68. № 265, 656: Центральный государственный архив МССР (ЦГА МССР). Ф. 7. Д. 318.

³ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 293. Д. 57.

⁴ Biblioteca Academiei Române//Ms. german. N 2.

⁵ ЦГА МССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304.

⁶ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Ф. 52. Д. 506. Л. 8.

⁷ ЦГА МССР. Ф. 1. Д. 2834. Л. 54—55.

⁸ История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев, 1976. С. 337.

⁹ Там же. С. 340; АВПР. Ф. 68. Д. 1. 1770. Л. 1—2; Ф. РГЯ. Д. 54; 1786. Л. 58—61; ЦГА МССР. Ф. 1. Д. 1604. Л. 57—62.

- ¹⁰ Молдова ын епока феодализмулуй. В. VII. Партя I—II. Кишинэу, 1975.
- ¹¹ ЦГАДА. Ф. 293. Д. 57. Сведения об источниках: *Ionașescu I.* Despre județele Olt și Argeș în Catagrafia din anii 1773—1774 de la Moscova — *Mitropolia Olt.* X. 1958. N 3—4.
- ¹² ЦГВИА. Ф. 44. Д. 166. Л. 364; История народного хозяйства Молдавской ССР... С. 333.
- ¹³ Там же. Ф. ВЧА. Д. 1959. Л. 48—48 об.
- ¹⁴ ЦГА МССР. Ф. 1. Д. 3639.
- ¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 3639. Л. 3.
- ¹⁶ *Tomescu C. N.* Catagrafia numerică din Moldova, Valahia și Basarabia din 1810. Chișinău, 1937. P. 53—57.
- ¹⁷ *Istrati C.* Condica visteriei Moldovei din anul 1816. Iași, 1979.
- ¹⁸ Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Т. III. Кишинев, 1903.
- ¹⁹ ЦГА МССР. Ф. 1. Д. 3639.
- ²⁰ Там же. Д. 3246.
- ²¹ История народного хозяйства. С. 325—326.
- ²² ЦГА МССР. Ф. 1. Д. 566.
- ²³ Там же. Д. 532.
- ²⁴ Там же. Д. 40: История народного хозяйства... С. 364.
- ²⁵ АВПР. Ф. РГЯ. Д. 101. 1792, 82.
- ²⁶ ЦГАДА. Ф. 293. Д. 57.
- ²⁷ ЦГА МССР. Ф. 1. Д. 3246.
- ²⁸ ЦГАДА. Ф. 293. Д. 129.
- ²⁹ *Kogălniceanu M.* Cronicile. Ed. II. V. 11. Бус., 1878; *Дмитриев П. Г.*, *Советов П. В.* Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии XV—XVIII вв. Ежег. по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1965. С. 275.
- ³⁰ История народного хозяйства... С. 347.
- ³¹ АВПР. Ф. РГЯ. Д. 87, 101: *Драгнев Д. М.* Сельское хозяйство феодальной Молдавии. Кишинев, 1975. С. 35.
- ³² *Arhivele Statului Iași* // MS. N 1705, 1795, 1783, 1845, 1855, 1846; Biblioteca Academiei Române. Documente. CMXCYVII—2; МСХ. XYVII: MS. N 4500—4513.

Rezumat

Se analizează un grup de materiale statistice inedite — descrieri militare ale Moldovei și Țării Românești din timpul războaielor ruso-turce din a doua jumătate a sec. XVIII—înc. sec. XIX ca izvoare istorice. Descrierile au fost efectuate de comandanțele militare rus și austriac.

PORTRETE ISTORICE ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

С. А. Мадиевский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПУТЬ КОНСТАНТИНА СТЕРЕ (II)

О своей жизни в послевоенный период Стере писал: «Против меня были... все политические партии, магистратура, генералы, почти вся пресса Старого королевства... Не буду живописать ад, в котором я вынужден был жить... Скажу лишь, что нет такого наказания, такой казни, вплоть до колесования и повешения, которые не были бы предпочтительнее жизни в подобных условиях»⁶⁸.

Как оценить — юридически, политически, нравственно — эту длившуюся более десятилетия Голгофу? Ученики, единомышленники Стере — М. Раля, П. Пандря и другие — делали это однозначно. Дело Стере, заявляли они, это «дело Дрейфуса» современной Румынии. Вряд ли можно принять такую аналогию полностью. Капитан французской армии А. Дрейфус был, как известно, совершенно невиновен в приписанном ему преступлении (шпионаже в пользу Германии); действия Стере во время войны — если не «Лумину», то, во всяком случае, выдвижение проектов, предусматривавших ликвидацию независимости Румынии, — невинными трудно назвать.

Современные румынские авторы считают, что речь должна идти об ошибках и заблуждениях истинного патриота. З. Орня, например, пишет: «Хотя его точка зрения, доведенная, к сожалению, до крайности, была глубоко ошибочна, основывалась она, несомненно, на патриотических убеждениях»⁶⁹. В унисон высказывается И. Кэпряну: «Он ошибся в умозаключениях, которые, хотя исходили из убеждений, продиктованных заботой о судьбах румынской нации, могли привести к бесповоротной потере независимости нашей страны»⁷⁰.

Но, пожалуй, наиболее радикальная попытка оправдать позицию Стере предпринята в свое время М. Карпом. В номере журнала, посвященном памяти Стере, он заявил: «Стере в значительно большей мере находился на службе румынской нации, нежели румынской страны... Когда интересы нации не совпадали с интересами страны... Стере защищал интересы нации, которые *постоянны*, а не интересы страны, которые, по крайней мере в данных формах, *преходящи*...»⁷¹.

Стере признавал за собой только «ошибки расчета» — в отличие от «ошибочной концепции» союза с царской Россией и «ошибок в реализации», которые инкриминировал официальной политике. Победа Антанты, заявлял он, не оправдание такой политики, а «великое воссоединение 1918 г.» — следствие счастливого стечения исторических обстоятельств, а не результат прозорливости правящих кругов⁷².

Конкретно Стере имел в виду следующие ошибки: он не предвидел, во-первых, что Австро-Венгрия развалится так быстро после революции в России и, во-вторых, что США вступят в войну на стороне Антанты. Иначе — стоял бы за продление «вооруженного выжидания» до момента, когда Россия будет полностью обессилена, чтобы тогда примкнуть к Антанте, выговорив предварительно и Бессарабию, и Трансильванию с Буковиной. То, что он писал в «Лумине», служило, по словам Стере, национальному делу. О проектах унии с Германией он предпочитал умалчивать (они носили конфиденциальный характер

и румынскому читателю стали известны лишь в 1927 г. из опубликованных дневников Маргиломана). И потом, заключал Стере, я был в те годы частным лицом, всего лишь публицистом и парламентарием, единственным оружием которого служили слово и перо. Чьи же ошибки имели более тяжкие последствия — мои или тех, на ком лежала ответственность за страну? И почему все ополчились против меня?⁷³

З. Орня напоминает, что «подобные убеждения», «близкие позиции» были у таких известных деятелей, как Т. Майореску, Т. Россети, П. Карп, А. Маргиломан и других, и за это их не называли предателями, разве что отдельные, быстро умолкшие голоса⁷⁴. Но позиции и отношения названных лиц с оккупантами на деле существенно разнились, а самое главное — все они умерли до или сразу по окончании войны или сошли с политической сцены в первые послевоенные годы. Если бы они продолжали играть в политике активную роль, им, несомненно, припоминали бы прошлое.

Конечно, «высоко нравственное» негодование прожженных политиканов против «предателя» было насквозь лицемерным; будь он с ними всегда и во всем, они и не вспомнили бы о его грехах. Верно, что истинной причиной травли Стере, попыток выжить его с политической арены была именно относительная левизна — с начала XX в. он занимал позиции на левом краю буржуазного политического спектра⁷⁵. Сказывалась, конечно, и зависть к человеку разносторонне одаренному, энциклопедически образованному, яркому, и неприязнь, которую вызывал у многих его характер — «мрачный, надменный, насмешливый, пренебрежительный»⁷⁶.

Но над (или, вернее, под) этими причинами была еще одна, которую можно назвать социально-психологической. Это — глубокое несоответствие натуры Стере психологии тогдашнего румынского общества. Это несоответствие, отмечали многие современники, Стере ощущал на всем протяжении жизни в Румынии. Он сам писал об «искреннем отвращении», «фобии», которые вызывали у типичного румынского «интеллектуала» его характер и многие поступки. Его вера в определенный, неизменный социальный идеал, доктринальная жесткость, склонность доводить все тезисы до логического конца, страстность в пропаганде своих убеждений слишком контрастировали с «гибкостью интеллигента из Старого королевства...», интеллигента-хамелеона, который одинаково непринужденно может превозносить фашизм и апеллировать к спасителю с «железной рукой», а назавтра проповедовать интегральный демократизм; сегодня выступать непримиримым демагогом-антисемитом, а на другой день — апостолом гуманности, проповедником братства между народами». Эта «гибкость», по словам Стере, — «проявление характерного оппортунизма нашей общественной жизни, отсутствия интереса к абстрактным формулам, особенно в сравнении с текущими нуждами и конкретной конъюнктурой»⁷⁷.

Еще резче очертил ситуацию М. Раля. «Мы, — писал он, — стремимся приспособиться к любой ситуации, лишь бы извлечь выгоду. Наше оружие — компромисс. Все у нас «улаживается». Наш горожанин по натуре влекомо к большинству, следует за официальной, авторитетом, властью, лишь бы ему перепали крохи с праздничного стола, за которым восседают сильные мира сего... Эта зараза, передаваясь из поколения в поколение, стала всеобщей. Коррупция сегодня — в самой структуре общества, это явление нормальное, организованное, санкционированное...» И заключал: «Это убаюкивающее согласие было внезапно нарушено голосом, явившимся издалека, с Востока... Тяжба и борьба начались буквально на следующий день»⁷⁸. Другой публицист 30-х гг., П. Локустяну, вторил ему: «Стере принес в нашу страну компромиссов и приспособленчества нечто от суровости и неумолимости климата, из которого он явился»⁷⁹.

Политические друзья и единомышленники Стере, чьи статьи о нем составили поминальный номер «*Viața românească*», характеризовали его как личность «цельную, словно высеченную из одного куска» (В. Г. Бельдие). «Характер прямолинейный, решительный, не знающий колебаний» (М. Манкаш), «абсолютное личное бескорыстие» (М. Карп, Н. Поповский) — все это делало Стере, по их мнению, «этическим символом румынской демократии» (М. Раля)⁸⁰.

Пиетет перед памятью учителя и, главное, идентичность идейно-политических позиций объясняют эту апологию.

Однако не все левые в Румынии разделяли такую оценку. Представители социалистического, затем коммунистического движений критиковали Стере за непоследовательность демократизма, компромиссы, разрыв между широковещательными народолюбивыми и свободолюбивыми декларациями и убожеством, подчас уродством совершаемых при его участии или одобрении дел. Еще в 1907 г., когда Стере стал одним из руководителей ясской организации либералов, побывал в префектах, вообще заделался «важной персоной», тогдашний содиректор «*Viața românească*», известный ученый и общественный деятель П. Бужор саркастически заметил: «Стере показал себя здесь как типичный, законченный политикан», добавив печатно: «Сегодня нельзя быть министриабельным, если ты искренний демократ»⁸¹. Стере, напомним, был министриабельным на протяжении десятилетий, — хотя министром так и не стал, что тоже, конечно, не случайно.

Особый счет к нашему герою был у революционных сил Бессарабии. Они не могли простить ему 1918 г., последующей позиции в бессарабском вопросе; да и других споров у них было немало. Упомянутый уже Д. Волтурин вспоминает, как на одном из царанистских митингов известный бессарабский интеллигент-антифашист сказал ему после речи Стере: «Больно шумливый... Не упускает случая выставить напоказ свои руки, „носившие браслеты царской полиции“... Как будто больше ничего-то и не было»⁸².

Современные румынские авторы отзываются о принципиальности Стере в политике неодинаково. И. Кэпряну, например, пишет: «Стере не был расположен к уступкам и каким-либо компромиссам», его отличали «твердый демократизм, не признающий никаких сделок»⁸³. З. Орня — тонкий, много знающий и потому не склонный к черно-белым оценкам, настроен иначе: как политик Стере должен был применяться к обстоятельствам, следовательно, идти на уступки. Но «приспосабливался он лишь для того, чтобы осуществить идеал. Речь шла обычно о поисках лучшего средства для достижения цели. А цель (читай — убеждение) не отбрасывалась никогда»⁸⁴.

Такой ответ, однако, выводит дискуссию за личностные рамки и выдвигает в свою очередь новый вопрос: насколько применяемые средства способствовали достижению прокламируемых целей? Иначе говоря, каков был реальный вклад Стере-политика — его идей, его действий — в эволюцию современного ему румынского общества?

Единомышленники Стере оценивали этот вклад высоко. «Его духовная роль, — писал один из виднейших царанистов Н. Лупу, — была преобладающей в политической жизни на протяжении 40 лет, которые он прожил среди нас»⁸⁵. «Со времени появления в Румынии Константина Стере был постоянно на первом плане и даже инициатором в большинстве крупных политических и социальных свершений румынской нации», — утверждал М. Карп⁸⁶. Ему вторил Раду М. Паул: концепции попоранизма «имели непредсказуемое влияние на нашу общественную жизнь, целый ряд демократических преобразований совершился под прямым или по крайней мере косвенным влиянием Стере»⁸⁷. «В период с 1900 по 1915 г. внутренняя политика страны была глубоко изменена преобразованиями, которые он проводил»⁸⁸.

Для ответа на поставленный вопрос расчленим на 1) выдвижение идейно-политических инициатив и 2) их осуществление (мы рассмотрим оба аспекта на примерах аграрной и избирательной реформ, действительно изменивших облик румынского общества).

Лозунг всеобщего избирательного права, как известно, впервые был выдвинут во второй половине 80-х гг. (т. е. до появления Стере в Румынии) социалистами и буржуазной радикально-демократической партией Г. Пану. При вступлении в ряды консерваторов радикалы, однако, отказались от него. Что касается социалистов, то требование всеобщего, равного и прямого избирательного права красной нитью проходит сквозь все их программные документы — от известной работы Гери «Чего хотят румынские социалисты?» (1886 г.) через программу СДПРР (1893 г.) до принятой в 1910 г. программы СДПР, — включая таким образом и годы, когда Стере, будучи либералом, поддерживал лозунг единой избирательной коллегии.

Социалисты не только выдвигали указанное требование, но и активно боролись за него. Так, в 1895 г. по их инициативе была создана «Лига за всеобщее избирательное право», куда вошел и ряд органов печати буржуазно-демократической ориентации («Adevărul», «Românul», «Evenimentul», «Vremea»), в 1896 г. — «Парламентский союз за всеобщее избирательное право». С середины 90-х гг. В. Г. Морцун при открытии каждой парламентской сессии вносил ставшую традиционной поправку к ответу на тронную речь — о необходимости введения всеобщего избирательного права. В 1895 г. эту поправку поддержали 10 депутатов, в 1896 — 27 (при голосовании — 30), в 1897 — 32 (при голосовании — 38), в 1898 — 35 (при голосовании — 29). Убедившись, однако, что таким путем стену правительственного большинства не пробить, «великодушные» решили «зайти с тыла» и с этой целью, как утверждали они, переметнулись к либералам. Созданный в 1907 г., после нескольких лет организационного разброда Социалистический союз Румынии, воссозданная в 1910 г. СДПР вели борьбу за всеобщее избирательное право еще более активно и решительно, вовлекая в нее рабочих.

Далее. Выкуп государством значительной части помещичьих земель для последующей передачи их крестьянам был программным требованием социалистов с начала 90-х гг., т. е. опять-таки до приезда Стере в Румынию. СДПРР имела в виду, правда, постепенный выкуп добровольно продаваемых земель, но Социалистический союз и СДПР говорили уже о принудительном. Недостатком аграрной программы социалистов было, однако, то, что она не предусматривала передачу земли в собственность крестьянам, а предполагала создание неделимого государственного фонда, из которого земля давалась бы в длительную аренду. В этом пункте попоранисты, нужно сказать, вернее отразили чаяния сельских масс.

Но, став членами либеральной партии, они не могли уже открыто выдвигать требования, выходящие за рамки партийной программы. Поэтому Стере прибегал к различным ухищрениям, вроде положительного комментирования в журнале «Viața românească» книги известного историка Р. Росетти «Почему восстали крестьяне» (1907 г.), где аграрная реформа пропагандировалась как единственная возможность предотвратить повторение таких катаклизмов.

Лишь в 1913—1914 гг., когда реформы были официально анонсированы НЛП, попоранисты получили возможность открыто агитировать за них (по выражению З. Орня, «утверждать точку зрения, более близкую к собственной»), но и тогда с «усекновениями и подгонками», продиктованными оглядкой на «прагматические, политиканские правила, которые всегда преобладали»⁸⁹. Так что позиция Стере была пе-

редовой лишь в пределах буржуазно-помещичьего политического спектра.

Что касается роли Стере в практическом осуществлении реформ, то следует напомнить: проект пересмотра конституции, докладчиком которого он был, обосновывал лишь принцип «отчуждения в общественно-полезных целях», реализация же его обуславливалась проведением статистических обследований, включая и земельный кадастр, что потребовало бы долгих лет (по некоторым оценкам, пары десятилетий).

Затем, осенью 1914 г. вопрос о реформах, как отмечалось, был вообще снят с повестки дня; на сессии парламента в декабре 1916 г. тронная речь и ответ палат на нее содержали только обещание вернуться к нему по окончании войны. И если правящие круги оказались **вынужденными** вернуться уже через три месяца, то не по своей «вине»: в России вспыхнула революция, оказавшая огромное влияние на положение в Румынии, в частности, давшая аграрной реформе «необратимый толчок».

Приведенная оценка принадлежит видному деятелю румынской социал-демократии межвоенного периода Ш. Войне, отнюдь не поклоннику коммунизма. Войня писал: «Наше крестьянство, призванное в армию, имело возможность наблюдать из Молдовы за развертыванием одного из самых колоссальных преобразований в истории... Русский мужик в союзе с рабочим классом городов свалил на глазах у румынского неокрепостного вековой гнет царского самодержавия и силой захватил «боярскую» землю. Пример был столь искушающим, а русский союзник столь близким и решительным, что всего через четыре дня после освобождения Раковского (тогдашний лидер румынских социалистов, после вступления Румынии в войну интернированный. — С. М.) русским гарнизоном в Ясс появился королевский манифест, которым крестьянству обещались земля и всеобщее избирательное право»⁹⁰.

Во время событий так же оценивали ситуацию и политические друзья Стере. В мае 1917 г. при обсуждении яским парламентом вопроса о реформах Н. Лупу говорил: «Без великих событий в России никому и в голову не пришла бы теперь мысль о реформе»⁹¹. Причина, по которой консерваторы не сопротивляются реформам, — «ветер преобразований, дующий от нашей великой соседки на Востоке», — заявил М. Карп⁹². Именно этот фактор катализировал процесс вызревания в стране революционной ситуации, обусловленной, естественно, глубокими внутренними причинами.

Конечно, и после принятия летом 1917 г. поправок к конституции они представляли собой, по выражению одного из парламентариев, лишь «обещание реформы, мираж реформы, *pium desiderium*, которое завтрашний законодатель может выполнить или нет, в зависимости от того, как ему подскажут обстоятельства»⁹³. Но дальнейший подъем революционной волны по всей Европе и в самой Румынии под влиянием Октября не оставил правящим кругам возможности идти на пятую, более того, принудил к увеличению объема уступок. И это признавалось тогда современниками. «Большевистская революция, — отмечал Ш. Войня, — не только ликвидировала помещичью собственность в России, не только вынудила румынскую олигархию раздробить латифундии, но и навязала аналогичное преобразование во всей Восточной Европе»⁹⁴. Один из основных теоретиков царизма В. Маджару констатировал: «Зарождение нового аграрного режима на востоке Европы произошло под эгидой революции..., знаменем которой был социалистический идеал... В Югославии, Чехословакии, Польше, Латвии, Эстонии, Литве, равно как и в Румынии, аграрные реформы испытывали влияние революционного окружения»⁹⁵.

Итак, подведем некоторые итоги. Попоранисты, как справедливо отмечалось, выступали за модернизацию социально-экономической и политической структур Румынии, убеждали власть имущих в необходимости реформ, мобилизовывали на борьбу за них общественное мнение. В политическом лагере господствующих классов, который тогда включал и средние городские слои, Стере действительно выступал с 1900 по 1914 г. главным «толчком» идеи реформ. Но авторство идеи ему не принадлежало, а тем более решающая роль в практическом осуществлении. Ряд аргументов его, действительно, использовался теми, кто законодательно оформлял проект реформ, но, строго говоря, они не были духовной собственностью попоранизма. Что же касается масштабов и глубины преобразований, то их определили, как явствует из сказанного, совсем уже неподвластные Стере и с деятельностью его не связанные факторы.

* * *

Многие авторы, писавшие о Стере, высказывали мысль, что политическая судьба его «отмечена трагизмом». «Трагизмом, выражающимся в невозможности осуществления, завершения», — раскрывал смысл тезиса З. Орня. «Всюду, во всех политических формациях, где он состоял, Стере оставался чужаком. Он ощущал себя чужим в народническом кружке, был левым „либералом“ в социалистической партии и „социалистом“ в либеральной, а в царанистской (затем национал-царанистской) — радикалом-„экстремистом“... Нигде он не мог адаптироваться, и нигде к нему не благоволили, а лишь терпели как величину... По прошествии определенного срока он был вынужден искать другую партию, куда приходил все с тем же приданым — культурой, принципами, доктриной... Это были политическая доктрина и социологическая концепция левого мелкобуржуазного радикала, демократа и прогрессиста, романтически верившего в то, что принципы могут быть навязаны реальности, имевшей иную динамику и иные законы...»⁹⁶.

Глубинная социальная причина одиночества и «неприкаянности» Стере — то, что он не идентифицировал себя политически ни с одним из активно действовавших на тогдашней политической арене классов — ни с буржуазией, ни с пролетариатом, ни, конечно, с полуфеодалными помещиками. Он считал себя защитником интересов крестьянства, но оно — такое, каким было — не могло стать опорой самостоятельного курса в политике.

Отсюда, из этой позиции и этой доктрины проистекают многие иллюзии и разочарования, отметившие политический путь Стере. Так, он был непоколебимо убежден, что революция для Румынии — путь неприемлемый, что все необходимые преобразования должны осуществляться путем реформ. Но реформы оттягивались до бесконечности; когда же, наконец, проводились, то не давали результатов, ожидаемых Стере. Как заметил Шт. Войку, «Стере не узнавал себя ни в одном из „свершений“ этих реформ — свершений..., полностью противоположных его демократическому попоранистскому идеалу»⁹⁷. И смысл отхода нашего героя от политики, затворничества в Букове — «полный разрыв со средой, от которой нечего больше ждать для реализации внутреннего идеала, практикой деформируемого до карикатурности...»⁹⁸.

Эта деформация идеала особенно трагически проявилась в вопросе о Бессарабии. Мы уже говорили, с каких позиций подходил к нему Стере, как внедрял в сознание интеллигентов-молдаван идею единства края с Румынией. П. Казаку с полным основанием называет его «духовным отцом многих из тех, кто в 1905 г. активно участвовал в

воскрешении национального движения, а через них — и большей части тех, кто возобновил национальное движение в 1917 г. ...»⁹⁹ (имеется в виду крыло, ориентировавшееся на Румынию).

О роли Стере в марте—апреле 1918 г. в оформлении через Сфатул цэрий «условного присоединения» Бессарабии к Румынии тоже говорилось. Впоследствии, в 1921 г., он вспоминал: «В этот момент в душах интеллигентов-молдаван разыгрывался болезненный конфликт между симпатиями к русской революции и зовом нации. А у крестьян-молдаван, которые входили в блок под руководством г-на Цыганко, крестьян, которые благодаря революции захватили помещичьи земли, сильны были чувства боязни и недоверия. Они подозрительно смотрели за Прут, где, как они считали, лежала страна феодальная, в которой крестьяне не имеют никаких прав, даже права голоса, и не имеют земли, поскольку аграрная реформа не осуществлена»¹⁰⁰. Без ложной скромности (она вообще была ему не присуща) Стере напомнил, какую роль сыграло «для этих интеллигентов и этих крестьян», его слово «непримиримого борца против царизма» (отметим: они, конечно, не знали о покаянии 1888 г., а скорее всего — и о «Каноссе» 1914 г.): «Лишь в последний момент я сумел отколоть от крестьянского блока, руководимого г-ном Цыганко, крестьян-молдаван, обеспечив таким образом большинство для принятия акта объединения»; напомнил, наконец, что именно этот акт фигурирует в Парижском протоколе 1920 г. как основание признания Бессарабии за Румынией¹⁰¹.

Говоря об обстановке тех дней, Стере подчеркивал: «Бессарабия уже прошла через начало революции... Если бы она пережила всю революцию вместе со всем русским народом, она была бы навеки потеряна (для Румынии. — С. М.)... История показывает, какую неразрушимую связь между народами создает совместно пережитая революция (Стере приводил пример германоязычных Эльзаса и Лотарингии, связавших свою судьбу с Францией. — С. М.)». И заключал: «Когда я увидел, что Бессарабии грозит опасность быть вовлеченной в водоворот русской революции, меня охватил ужас от сознания, что пробил последний час, когда можно еще спасти ее»¹⁰².

Тогда и особенно позже, в 30-е гг. многим казалось (независимо от того, нравилось им это или нет), что бессарабский вопрос решен окончательно в духе идей Стере. Испытывал ли он моральное удовлетворение в связи с этим? Ощущение человека, чья мечта о лучшем будущем для родного края осуществилась? Ответ — в его книге «Политические документы и объяснения» (написана и издана в 1930 г.). Самые тяжкие страницы ее — те, что посвящены Бессарабии. Нет возможности привести их целиком. Поэтому воспроизведем, по возможности, в цитатах, основные констатации, интерпретацию и оценку фактов, прогноз возможного развития событий, наконец, практические предложения.

Прежде всего в книге подчеркивается отсутствие у жителей Бессарабии основополагающего, первичного ощущения собственной безопасности. «Самый мирный отец семейства, чуждый всякой политике, ложась спать, не был уверен, доживет ли он до утра; не мог знать, не ворвутся ли в дом его среди ночи личности, по которым плачет виселица, часто без формы, но вооруженные; не будет ли он избит, жена и дочери его обесчещены, не будет ли он при этом ограблен и, в довершение всего, объявлен большевиком... после чего его погонят пешком, в неизвестном направлении, чтобы затем оставшиеся в живых узнали из куцега протокола, что он был застрелен при попытке к бегству...»¹⁰³ Население, утверждал Стере, «более лишено защиты, закона, чем самые обездоленные племена в африканских колониях»¹⁰⁴.

В этой обстановке «неистовые носители государственной идеи»¹⁰⁵, как их именует Стере, хлынувшие в край из Старого королевства, мог-

ли совершать бессудные убийства, избиения, грабежи, вымогательства, издевательства над представителями всех слоев населения, всех политических взглядов.

На последнем Стере настаивает особо, приводя конкретные примеры. Вот два из них. Помещик из Сорокского уезда возвращается домой после поездки в Бэлць за частями для своей мельницы. На вокзале в близ Сороки он не может взять носильщика: перрон оцеплен, идет проверка документов. Подхватив свой багаж, он тащит его до патруля и, поставив на землю, начинает шарить по карманам в поисках документов. Командир патруля, безусый младший лейтенант, орет: «Мошенник! Чего задерживаешь, в бога душу!... Вот надаю тебе!..» Помещик потрясен: «Как это „надаете“, господин младший лейтенант? Я старый человек, у меня дети в армии и в больших чинах, чем Вы...» Ответ, по выражению Стере, «был запечатлен на щеках старого помещика, представителя аристократии.» Плача, этот «согбенный, душевно разбитый» старик говорил Стере: «Дети мои остались во Франции... Не хотят больше приезжать... Но я, я хочу быть похороненным здесь. Я молдаванин и... я так мечтал...»¹⁰⁶

Второй случай — с директором сельскохозяйственной школы, «старым борцом-националистом», членом Сфатул цэрий, затем депутатом румынского парламента от Бессарабии. «Он всегда, когда ему сообщали о какой-либо жестокости, злоупотреблении властью, пытался оградить репутацию румынского правления, или, по крайней мере, найти для него извинения. По всей Бессарабии повторялись со снисходительной усмешкой его, ставшие уже стереотипными фразы: «Да бросьте... Не преувеличивайте... Мы переживаем переходный период, имейте же каплю терпения, подождите, пока все войдет в норму». Но вот в один прекрасный день директор видит во дворе школы солдат, которые под командой офицера грузят в телеги принадлежащее школе сено. Он протестует: «Господин капитан, так нельзя! Это государственное имущество, я за него отвечаю...» «Оскорбляешь армию, большевик?!.. На землю его! Розог!..» После этого директор перестал показываться на людях. На предложения выдвинуть снова свою кандидатуру в парламент этот «борец за национальное единство, прошедший через царские тюрьмы, глухо, не глядя в глаза собеседнику, отвечал: «Не могу. Мне стыдно... Русские спрашивают меня: „Ну как была порка — преувеличенной, переходной или уже нормальной?“»¹⁰⁷

Если такому обращению могли подвергаться представители местной элиты, люди, мечтавшие о присоединении и боровшиеся за него, то можно представить себе, по выражению Стере, «что должны были испытывать просто „мужики“¹⁰⁸, а тем более „критиканы“». «Всякое проявление недовольства, любая попытка добиться справедливости, всякий протест, просто жалоба встречали ответ краткий и ясный: *большевик!*... А последствия такого рода приговора, который любой агент сигуранцы имел право произнести всегда, с ходу, без всякой иной процедуры, слишком хорошо известны»¹⁰⁹.

Стере сразу предупреждает возможное возражение, что приводимые факты — всего лишь «изолированные случаи»: «Я мог бы заполнить тома подобными „изолированными случаями“»¹¹⁰. Собственно, они уже и заполнены: «гниют в подвалах МВД досье парламентского расследования (утаенные, разумеется, от парламента); в архивах королевского дворца находятся секретные докладные записки, в которых содержатся факты много обиднее и ужаснее тех, что я рискнул вынести на суд общественного мнения»¹¹¹. Я могу доказать, завершает мысль Стере, «что эти факты — *нормальные, необходимые* следствия системы правления, при которой жила Бессарабия»¹¹². Он определяет ее как «режим беззакония и бесчеловечности по отношению к трехмиллионному народу», «режим издевательства, насилия, угнетения»¹¹³.

Экономические и культурные последствия присоединения оцениваются не менее жестко. «Нестерпимая моральная атмосфера, господствующая в Бессарабии, была еще более отягощена разрухой и нищетой — фатальными последствиями административного хаоса, дикого угнетения, отсутствия всякого правопорядка... Румынское правление показало себя более слепым и неспособным, чем даже царское самодержавие... С такой системой богатая провинция, считавшаяся жемчужиной в короне царей, пущена по миру и даже с точки зрения культурной отброшена на полстолетия назад»¹¹⁴.

Как же Стере объясняет происходящее? Может быть, дело в том, что для осуществления «унификации» в Бессарабию были посланы «не те люди» — «дурные элементы», слабые в деловом отношении, полагающие, что «всякая компетентность может быть заменена специфически „националистическим“ усердием»¹¹⁵. Стере отвергает эту версию как наивную. Прежде всего он ставит вопрос: «Зачем вообще это нашествие, если Бессарабия не является ни страной завоеванной, где владычествует, опираясь на силу, победившая раса, ни пустыней, которую предстоит колонизовать?» Что касается уровня пресловутых «унификаторов», «культуртрегеров», то он, по мнению Стере, не ниже среднего по стране. Дело в другом — здесь, в Бессарабии, они не знали удержу ни сверху, ни снизу. Сверху им не только гарантировалась безнаказанность — их поощряли, вознаграждали за описанные подвиги. Снизу — у населения — не имелось никаких средств законной защиты или хотя бы защиты со стороны прессы, общественного мнения, даже в мере, принятой за Прутом¹¹⁶.

Нет, утверждает Стере, дело не в личностях, дело в политике, которую проводили и проводят по отношению к Бессарабии все государственные, политические, общественные институты Румынии — корона, правительство, партии, армия, пресса... И требует ответа на «простой и ясный вопрос: чего хотят правители и власть имущие объединенной Румынии от Бессарабии? Хотят ли они, по трижды проклятому выражению, Бессарабию без бессарабцев?»¹¹⁷

Сознание Стере буквально разрывает вопрос: за что?, — вопрос, на который ответа он не находит. «Простительна ли эта систематическая кампания натравливания и поношения против народа только за то, что суровая история сформировала его душу и ум в иной среде, чем за Прутом?»¹¹⁸ Ведь «атмосферой подозрительности и клеветы... окружено все население (Бессарабии), независимо от социального положения, этнического происхождения, вероисповедания...»¹¹⁹.

Обращаясь к общественному мнению Румынии, Стере спрашивает: «Может ли стерпеть пражданское сознание, может ли позволить чувство человеческого достоинства..., чтобы три миллиона душ под румынским правлением угнетались с такой ненавистью, с таким злобным бесчинством? Какой народ, заслуживающий права на жизнь, может принять удел, предназначенный для Бессарабии...?»¹²⁰

Стере напоминает («должны же мы однажды набраться храбрости и взглянуть в лицо истине»): «*международный статус Бессарабии ожидает еще окончательного решения*»¹²¹. Каким оно станет — в значительной мере, по его мнению, будет зависеть от положения в Бессарабии. И продолжает: «Благодаря железному занавесу цензуры и осадного положения, изолирующему Бессарабию, благодаря наркозу разнузданной пропаганды, кулачной «унификации» масса публики в Старом королевстве может тешить себя иллюзией, что все к лучшему в этой самой счастливой из румынских провинций, кроме разве лишь мелких интриг большевиков извне и изнутри. *Заграница, однако, очень хорошо знает реальное положение вещей.* А Советы в Москве могут благодарить судьбу, которая послала им для достижения их целей провиденциальную помощь правительств объединенной Румынии.

В их прессе, в заявлениях представителей московских властей звучит одна и та же нота: «Даже если бы мы хотели забыть о Бессарабии,— говорят они,— то не могли бы остаться безучастными к крику боли и возмущения, раздающемуся оттуда. Ведь сами правительства Румынии, ее пресса признают, что *Бессарабия настроена большевистски*... Сами румынские правительства утверждают, что Бессарабию можно удержать в подчинении только с помощью террора постоянного осадного положения, т. е. рассматривают ее как территорию с враждебным населением, находящуюся под иностранной военной оккупацией... В этом, продолжают кремлевские властители, в Румынии полностью сходятся корона, правительство, парламент, армия, все правительственные партии, пресса и т. д.» И Стере восклицает: «Вот к какому чудовищному положению ведет нас мудрость наших „великих государственных деятелей“ и „патриотов“ — к согласию с Советами в оценке положения в Бессарабии, к оправданию их претензий!...»¹²² (курсив всюду автора.— С. М.).

Сам Стере непоколебимо стоит на прежних позициях: «Как бы и кем бы ни управлялась Румыния, как бы ни страдал от этого управления наш (бессарабский — С. М.) народ», не может быть и речи о «разводе»; при этом, по его мнению, не выживет ни одна из сторон¹²³.

На вопрос, «что же делать?», Стере отвечает: нужно дать, наконец, Бессарабии возможность «свободно избрать людей, пользующихся ее доверием, и вручить им защиту ее интересов, осуществление ее чаяний»¹²⁴. Но кто это сделает? И где взять этих людей, кто они? Стере признает, что Бессарабия отвернулась от тех, с кем он проводил в марте—апреле 1918 г. «условное присоединение» — Инкульца, Пеливана, Ницэ и других, предрекает предавшему его Халиппе ту же судьбу. Причина — самая простая: все они растоптали, «предали те надежды и чаяния, на почве которых в свое время возвысились, обманув, таким образом, доверие масс»¹²⁵. «Я, — восклицает Стере, — был бы, возможно, отброшен массами еще более резко, если бы последовал их примеру... Смешно с моей стороны считать, что Бессарабия — трехмиллионный народ, измученный и угнетенный, — умирает от любви к Константину Стере, как старая дева, мечтающая о Фэт-Фрумосе...»¹²⁶.

Н с ним, считает Стере, этого не случилось и не случится. Он утверждает, что сохранил авторитет, «влияние на душу бессарабских масс», видящих в нем «воплощение своих чаяний», «выражение своего разума и совести», своего «представителя и руководителя»¹²⁷. (Не очень скромно? Следовало бы предоставить судить другим? Что ж, таков Константин Стере. Сейчас, когда он в очередной и последний раз загнан в угол, подвергнут, по существу, остракизму, гражданской казни, обычное его самомнение выступает и как средство психологической самозащиты...) Почему сохранил? Потому, во-первых, что не забыл об интересах своих соотечественников («протестовал и буду протестовать изо всех сил перед форумом общественного мнения и совести, против этого унижения румынской провинции, граждане которой доведены до состояния париев, илотов»); во-вторых, потому, что «сохранил нетронутым бессарабский душевный склад, не отрекся от взглядов и притязаний моего народа ни под влиянием травли, ни при испытании славой...»¹²⁸ «Если я оставлю пост, врученный мне исторической судьбой, — провозглашает Стере, — меня не заменят в этой роли ни правые элементы, ни послушные ренегаты, поставившие себя на службу политике угнетения (т. е. бывшие коллеги по НЦП. — С. М.)»¹²⁹.

Но один в поле не воин, тем более в 65, когда нет уже места для многих иллюзий. Вокруг же — пустота...

Даже ближайшие идейные друзья — левые царанисты, вместе с ним покинувшие НЦП, — в этом вопросе его не понимают. Нет, конеч-

но, они не считают, что в Бессарабии все хорошо, считают лишь, что в остальной Румынии не лучше. «Практика и теория румынской политики...— меланхолически замечает П. Пандря,— пребывают в полной гармонии на всей территории страны»¹³⁰. «Нет! возражает Стере. Конечно, народные массы других провинций тоже страдают от антидемократического режима, но «жители Королевства, и в самые смутные времена не знавшие такой оргии произвола, представить даже не могут тех условий, в которых должен существовать бессарабский гражданин...»¹³¹.

В Бессарабии он тоже чувствует себя одиноким. Об отношении к Стере левых, революционных кругов края уже говорилось. А среди прежних единомышленников происходят неизбежные перемены. С присоединением к Румынии кончается, по определению Н. Поповского, «период романтического национализма», наступает «житейская проза». Пути бывших соратников расходятся. «Одни пустились в политиканство, поднявшись до высот, откуда не видны и не слышны страдания людей (Инкулец, Халиппа, Ницэ, ставшие министрами, еще двое—трое преуспевших. — С. М.). Другие, оказавшись не в состоянии приспособиться к новым условиям, удалились в свои кельи, превратившись в отшельников, пассивных наблюдателей... Из тех, кто вышел на арену позднее, большинство избрало ремесло политических маклеров, а остальные остались амбициозными и крикливыми демагогами...»¹³² В этой новой среде меняется и отношение к Стере. Тот же Поповский рассказывает: «Вскоре после смерти Стере в Кишиневе состоялось собрание, где вспоминали прошлое, в том числе и газету „Basarabia“. Один из ораторов упомянул о „ведущей роли, которую играл Стере“. И тогда несколько присутствующих („старых товарищей его по борьбе!“) заявили, что Стере во всех этих делах был лишь пятой спицей в колесе...»¹³³

* * *

Видный румынский ученый, профессор Фр. Райнер, постоянный сотрудник, а затем и совладелец «Viața Românească», близко общавшийся со Стере на протяжении трех десятилетий, в докладе, прочитанном вскоре после смерти друга, привел такую самооценку Стере: «Я не политик. Я публицист, человек, размышляющий над важными, представляющими общественный интерес проблемами и чувствующий себя призванным указывать людям путь»¹³⁴. Указывать, но — не вести самому. По мнению Райнера, чтобы чувствовать себя в полном смысле политиком, а не только мыслителем-социологом, Стере не хватало «инстинкта власти».

Что ж, для политика действительно недостаток капитальный. Ибо, как утверждало «Руководство для доброго политика» (или политика-на? — С. М.), составленное старым знакомцем Стере, коллегой по либеральной партии, соратником в борьбе за реформы в 1913—1914 гг. К. Бану¹³⁵, «завоевание власти любыми средствами — первый императив практической политики». Страстно любить власть, по мнению Бану, естественно для политика. «Без такой любви — что могло бы заставить его посвятить жизнь искусству обманывать, льстить, угрожать, интриговать, лгать, ссорить, подкупать, при нужде — идти по развалинам и трупам?»¹³⁶

Стере, как видно из сказанного, не был ангелом, честолюбие и властолюбие были ему не чужды. Но, видимо, не в той мере, какой требовало ремесло, практикуемое в соответствующей среде.

О другом своем недостатке Стере говорил сам: «У меня нет того, что американцы называют „личным магнетизмом“, притягательной силы для масс...»¹³⁷ По свидетельству доброжелательно настроенного

очевидца, Стере привлекал людей «не теплом души, а светом ума»¹³⁸. Он принадлежал к числу политиков, чья деятельность — во всяком случае, в интенции — базировалась на определенном теоретическом, философском фундаменте, определенном мировоззрении, сам был создателем влиятельного течения в идейной, духовной жизни страны. Для практического политика — хорошо это или плохо?

З. Орня, ставящий Стере в ряд с такими «творцами», «направителями» общественного сознания, как М. Когэлничану, Т. Майореску, Н. Йорга, отмечает «шокирующее сходство их судеб в политике»: они играли довольно заметные роли, были известными ораторами, «подчас наводящими страх», но — не реализовали себя по-настоящему в этой области деятельности¹³⁹ (хотя трое последних, заметим, возглавляли правительства). Что ж, за исключением М. Когэлничану, с именем которого связаны крупные исторические свершения, с таким замечанием можно согласиться. Но Орня делает из него вывод, что, «возможно, для государственной деятельности нужны люди дел, а не мысли»¹⁴⁰, всеобщность которого, на наш взгляд, не бесспорна. Впрочем, для определенных общественных условий и ситуаций доктринальный багаж может действительно отягощать политика; здесь действует правило, сформулированное Бану: «Любая идеология хороша, если ведет к власти, и плоха, если из-за нее застревашь в оппозиции»¹⁴¹.

Итак, энциклопедический ум Стере (видный медик, профессор И. Кантакузино говорил о нем: «самый хорошо обставленный из всех мне известных»¹⁴²) не помог ему сделать политическую карьеру. Скептические афоризмы: «Не нужно быть ни слишком умным, ни слишком ученым, чтобы управлять людьми», «в политике вредит не репутация невежды, а репутация человека, знающего слишком много»¹⁴³ отражали, видимо, какие-то черты тогдашней румынской (только ли тогдашней? только ли румынской?) социально-политической действительности.

То же можно сказать о бросающейся в глаза незаурядности, талантности. «Талант — далеко не счастье, часто — просто несчастье (тот же Бану, его „Учебник политики“). С первого же проявления завидующие мобилизуются и объединяются, полные решимости уничтожить или по меньшей мере парализовать того, кто раздражает все посредственностью, угрожает всем приобретенным положениям». Впрочем, уточняет автор, «в любой партии талант в конце концов признается, если удовлетворяется ролями второстепенными, — это максимальная уступка, которую посредственность может сделать превосходству»¹⁴⁴. Что ж, вполне соответствует случаю.

Да, много недостатков было у Стере с точки зрения этих канонов, много ошибок он совершил. Наверх лучше всего пробираться, вооружившись услужливой скромностью, советовал Бану¹⁴⁵. Стере был органически неспособен к этому. «Чтобы завоевать благосклонность великих мира сего, нужно не показывать им свое превосходство, а давать возможность проявить свое»¹⁴⁶. Сколько раз он поступал наоборот!

Уже отмечалось — он отнюдь не был «рыцарем демократии без страха и упрека»: шел на уступки, маневрировал, приспособливался, молчал, когда нельзя было молчать... Откуда же эта репутация человека жесткого, неудобного, неуправляемого? Откуда? Видимо, от соотнесения с фоном, с политической средой. П. Пандря, автор эссе «К. Стере и румынская „политическая специфика“» (1937 г.), пишет: «Типичный политический деятель Румынии — оппортунистическая тварь, „златоуст“, скользкий тип, вечно обретающийся на поверхности; необразованный, претенциозный, шовинистичный, лстыивый и падкий на лесть, он присваивает себе право занимать любые должности, вле-

заты в то, чего не понимает; ленивый мыслью, чуждый аскетизма, неспособный на самоотречение, лишенный внутреннего достоинства...»¹⁴⁷

На этом фоне Стере действительно казался — и в значительной мере был — белой вороной, чужаком, «странной смесью иностранца и патриота», употребляя оценку Д. И. Суляну. В том, что Стере большую часть жизни прожил в Румынии, есть, по мнению названного автора, «нечто несказанно ироничное: ни одна страна в мире не была более несоответствующей его натуре, более чуждой его мышлению... Стандарты его духовной жизни заставляли его смотреть на румынские нравы глазами туриста из развитой страны...»¹⁴⁸

Стандарты эти сформировались в юности, в годы участия в румынском революционном движении. Очень скоро по прибытии в Румынию Стере ощутил резкий «перепад уровней», «почувствовал, в какую политическую, социальную и культурную среду попал»¹⁴⁹. В одной из первых же статей, опубликованных в Румынии (1893 г.), он ностальгически заметил: «Да, есть страна, где интеллигенция смогла дать примеры бесподобного героизма и самопожертвования; где учащаяся молодежь тысячами шла на смерть, на каторгу, на берега Северного Ледовитого океана, шла во имя любви к свободе, святой любви к стране; шла без всякой надежды на воздаяние, без надежды даже на восхищение современников и потомков, ибо имена их оставались и остаются неизвестными. Это интеллигенция России...»¹⁵⁰

Что-то от духовной атмосферы тех лет в нем сохранилось, как русский акцент в его румынской речи¹⁵¹, — задевая, раздражая или, наоборот, вызывая почтительное восхищение у тех, с кем он контактировал¹⁵². Стере, конечно, чувствовал, осознавал это несоответствие в духовном тоне, масштабах... Другим он говорил, что чувствует себя, как большой актер, вынужденный играть на сцене маленького провинциального театра¹⁵³.

Н. Лупу в связи с этим замечает: «Он мог по возвращении из ссылки либо продолжить в самой России или за ее пределами полноценную, насыщенную жизнь русского революционера, либо, при многосторонности его натуры и разнообразии знаний, играть на Западе видную роль среди писателей и мыслителей. Эту проблему — какой путь выбрать — он перед собой ставил. И при всей склонности ко всеобщности, универсальности, национальный инстинкт победил. Поэтому он и приехал в Яссы и начал отсюда свой путь, политический в изобилии ядом и желчью, которыми кропили его пигмеи, духовные недоноски нации, к которой он принадлежал...»¹⁵⁴.

Если бы он уехал на Запад, полагает М. Карп, Румыния многое бы потеряла в плане политическом и духовном, «зато человечество приобрело бы все, что он в иной среде мог дать как политический деятель, ученый и писатель, — этот из ряда вон выходящий человеческий экземпляр, который здесь был смолот и уничтожен политическими барышниками, мелюзгой... Но он не уехал — остался, хотя с горечью видел, как много нужно и как мало можно здесь сделать (или, может быть, именно поэту). Остался, даже когда общество вынудило его стать отшельником из Букова. Почему?» — задает тот же вопрос М. Карп. И отвечает по существу так же: его удерживал „зов“ нации..., стоящий над личным суждением и свободным решением человека»¹⁵⁵.

Да, национальное чувство — одно из самых сильных на свете, наряду со стремлением к социальному прогрессу было доминантой личности Стере. Особенностью его национального чувства было то, что в нем органически слились любовь к Бессарабии с любовью к Румынии. В Румынии Стере видел не только «историческую родину», родину своих предков, он верил, что она станет «матерью-родиной» для всех бессарабцев. После 1918 г. почти не употребляет этой формулы, у

иных политиканов не сходящей, как известно, с уст. Может быть, именно потому, что для него она не была просто политическим клише, он слишком много в нее вкладывал и слишком остро и болезненно переживал разрыв между лозунгом и жизнью.

Что было ему делать? Повторять лозунг, закрыв глаза на действительность? Этому противилась не только интеллектуальная честность — не позволяли любовь к родному краю, боль за него. Сделать из того, что он видел, о чем кричал, последний, страшный вывод?.. Пусть те, что требовал это, сейчас задумаются, — у них есть на то свои поводы — по силам ли такое...

Вопреки всему, Стере не отрекается. Верит истово, истощенно: уродливая действительность исчезнет, растает, как дурной сон, и место ее займет воплотившаяся в жизнь мечта. Именно ему, Константи-ну Стере, предназначено связать, соединить воедино то, что разрублено историей («благодаря моему прошлому — как моей борьбе в до-военный период, так и моим связям на протяжении многих десятилетий со Старым королевством — мне суждено стать необходимым связующим звеном, залогом солидарности и братства между отделившейся ветвью за Прутóm и остальной румынской нацией»)¹⁵⁶.

И не только верит — отдает все силы этой миссии: взывает, убеждает, страшает, стыдит, поднимается до подлинно библейского пафоса в обличениях и пророчествах...

Результат? Мечта остается мечтой, действительность — действительностью... А сам он оказывается под огнем с обеих сторон. Беспощадная критика положения в Бессарабии, гневные инвективы в адрес всех институтов румынского общества вызывают бешеную злобу, вплоть до угроз физической расправы¹⁵⁷. А проповедь землякам-бессарабцам, «обезумевшим от террора румынского режима» (Д. Сукияну), живущим, по собственной оценке Стере, в «аду», проповедь «национальной солидарности» с «братьями, заблудшими в ненависти и презрении к нашей повинции»¹⁵⁸, какие чувства могла вызвать? В итоге он оказывается, по выражению Д. Сукияну, «между молотом и наковальней», обе стороны обвиняют его в предательстве¹⁵⁹. Так он и жил последние пятнадцать лет, со времени возвращения в Румынию — «поносимый, хулимый, оскорбляемый всеми»¹⁶⁰.

Сколько может снести человеческое сердце?

Примечания

⁶⁸ Stere C. Documentări și lămuriri politice. Preludii: Partidul național-țărănesc și „Cazul Stere”. Buc., 1930. P. 33, 36.

⁶⁹ Ornea Z. Poporanismul... P. 338.

⁷⁰ Căpreanu I. Eseul unei reconstituiri: C. Stere. P. 290.

⁷¹ Viața românească. 1937. № 1—3. P. 20. Вспоминается в связи с этим позиция другого глашатая «румынской идеи» — М. Эминеску. Он, как известно, равнодушно и даже иронически отзывался иногда о государственной независимости Румынии. Поэт утверждал, что в Румынии над основной массой автохтонного населения господствует «вышележащий слой», состоящий из этнически чуждых элементов, враждебных интересам румынской нации. В таких условиях, по его мнению, «можно быть очень хорошим румыном и очень плохим патриотом. Настоящий румын может питать к этому сброду

такое отвращение, что предпочтет иностранное, но честное правительство, которое обеспечит нравственное и материальное развитие румынской расы...» И ссылаясь на пример Австро-Венгрии, народы которой якобы «предпочитают абсолютизм (Габсбургов) со всеми его неизбежными строгостями господствующему либерализму галицийских псевдонемцев, которые диктуют в Вене, и псевдомадьяр из Будапешта» (Eminescu M. Opere. Ed. de I. Crețu. Buc., 1938—1939. Vol. IV. P. 200). Общественное мнение Румынии, однако, не разделяло ни предпосылок, ни тем более выводов этой теории.

⁷² Аналогичное мнение высказал в 1919 г., незадолго до смерти П. Карп: «Румынии так везет, что ей вообще не нужны государственные деятели» (Gane C. P. P. Carp și locul său în istoria politică a țării. Buc., 1936. Vol. II. P. 575).

- ⁷³ Stere C. Un caz de conștiință. P. 32—42.
- ⁷⁴ Ornea Z. Poporanismul. P. 339; Idem. Țărănismul. P. 63.
- ⁷⁵ В констатации этого факта сходятся современники Стере (см.: Voicu Șt. Ideologia lui C. Stere // Viața românească. 1937. № 1—3. P. 146) и исследователи-историки (см. Ornea Z. Poporanismul. P. 319, 390; Idem. Țărănismul. P. 64; Idem. Comentarii. P. 104, 128; Scurtu I. Din viața politică a României: întemeierea și activitatea Partidului țărănesc (1918—1926). P. 57, 96, 107, 115, 141, 186; Idem. Din viața politică a României (1926—1947): studiu critic privind istoria Partidului național-țărănesc. P. 17; Savu Al. Gh. Sistemul partidelor politice din România. 1919—1940. Buc., 1976. P. 43; Bitoleanu I. Din istoria României moderne. 1922—1926. Buc., 1981. P. 41.
- ⁷⁶ Ralea M. Constantin Stere // Viața românească. 1937. N 1—3. P. 118.
- ⁷⁷ Stere C. Documentări și lămuriri politice. P. 24—25.
- ⁷⁸ Viața românească. 1937. N 1—3. P. 119, 120.
- ⁷⁹ Ibidem. P. 7.
- ⁸⁰ Ibidem. P. 7, 15, 57, 110, 120.
- ⁸¹ Цит. по кн.: Iftimovici R. D. Voinov. Buc., 1971. P. 101—102; Ornea Z. Studii și cercetări. Buc., 1971. P. 161.
- ⁸² Волтурин Д. Глашатай революционных сил Бессарабии // Кодры. 1969. № 9. С. 138.
- ⁸³ Căpreanu I. Eseul unei reconstituiri: C. Stere. Аналогичное мнение см. в кн.: Kalustian L. Simple note. II. Buc., 1982. P. 40—41, 85, 86.
- ⁸⁴ Ornea Z. Comentarii. P. 83—84.
- ⁸⁵ Viața românească. 1937. N 1—3. P. 51.
- ⁸⁶ Ibidem. P. 15.
- ⁸⁷ Ibidem. P. 100.
- ⁸⁸ Ibidem. P. 121.
- ⁸⁹ Ornea Z. Poporanismul. P. 241.
- ⁹⁰ Voinea Ș. Marxism oligarhic. Contribuții la problema dezvoltării capitaliste a României. Buc., 1926. P. 222; Аналогичные мнения высказывали и другие лидеры румынской социал-демократии. Л. Рэдэчану, например, писал: «Русский образец был в равной мере соблазнительным примером для крестьян и грозным предупреждением для властителей... Земля была обещана крестьянам королевским манифестом именно тогда, когда в Петрограде и Москве революция приняла угрожающие размеры» (Rădăceanu L. Oligarhia română. Studiu asupra istoriei capitalismului în România // Arhiva pentru știința și reforma socială. 1925. N 1—2. P. 168. 169); «Отражение русской революции пришло и к нам в Румынию, и следствием этого была аграрная реформа», — говорил Г. Григорович (Grigorovici G. Constituția sovietică și constituția democratică // Noua Constituție a României. Buc., 1922. P. 68).
- ⁹¹ Цит. по: Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. С. 213.
- ⁹² Carp M. Partidele politice și reformele constituționale. Cuvîntarea ținută în ședința Camerei de la 28 mai 1917. Iași, 1917. P. 45.
- ⁹³ Basilescu N. Talpa țării la Constituanta. Discurs rostit în Camera deputaților în ședințele de la 25, 26 și 27 mai 1917. Iași, 1917. P. 9. 39—40.
- ⁹⁴ Voinea Ș. Op. cit. P. 245.
- ⁹⁵ Madgearu V. N. Revoluția agrară și evoluția clasei țărănești // Arhiva pentru știința și reforma socială. 1923. N 3. P. 289.
- ⁹⁶ Ornea Z. Poporanismul. P. 335—337.
- ⁹⁷ Viața românească. 1937. № 1—3. P. 146; З. Орня, утверждая, что «достаточно много из его идеалов воплотилось в действительность», по существу опровергает себя, признавая, что «это никогда не происходило в духе его инициатив, идеалы всегда урезывались, лишались условий, необходимых для их эффективного воплощения» (Ornea Z. Comentarii. P. 105); В последней работе («С которой мы, наконец, получили возможность ознакомиться») он, с горечью впитывая, по-видимому, опыт нашего времени, замечает: «В конечном счете, какой проект обновления общества не таит в себе фатум неудачи? Это проклятие тех, кто дерзает изменить дурно устроенные структуры: если они и не терпят поражения на стадии проектов, то переживают драму еще более жестокую — бессильной констатации, что одно им представлялось и совсем другое исполнилось. Нашему герою пришлось пережить такую драму в обеих ее ипостасях» (Ornea Z. Viața lui C. Stere. Buc., 1989. Vol. 1. P. 459).
- ⁹⁸ Mancaș M. C. Stere, ideologul // Viața românească. 1937. N 1—3. P. 56.
- ⁹⁹ Cazacu P. Op. cit. P. 316.
- ¹⁰⁰ Stere C. Un caz de conștiință. P. 61—62; Г. Пынтя, который возглавлял молдавские военные организации, а в декабре 1917 — начале января 1918 г. фактически руководил военным директоратом Сфатул цэрий, добавляет: «Солдаты (молдавских частей.— С. М.) желали непременно воевать с румынами, мотивируя это тем, что „они приходят отнять у нас землю и свободу“» (Pintea G. Rolul organizațiilor militare moldovenești în actul unirii Basarabiei. Ed. a 2-a. Chișinău, 1932. P. 74).
- ¹⁰¹ Stere C. Un caz de conștiință. P. 62; Советское правительство, как известно, не признало за голосованием в Сфатул цэрий 27 марта (9 апреля) 1918 г. «никакой международной правовой силы» (Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. I.

- С. 248). Эта позиция обосновывалась оценкой состава и полномочий Сфа-тул цэрий, а также присутствием румынских войск. В связи с подписанием Парижского протокола о Бессарабии правительства РСФСР и СССР заявили, что «никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами» (ДВП СССР. 1959. Т. III. С. 312).
- ¹⁰² Stere C. Un caz de conștiință. P. 55, 57; Со своей стороны, советское правительство и бессарабские коммунисты исходили из того, что связь, которой опасался Стере, возникла. «Насильственное присоединение к Румынии не уничтожает единства и солидарности трудовых масс Бессарабии и России», — говорилось в ноте правительства РСФСР правительству Румынии от 18 апреля 1918 г. (ДВП СССР. Т. I. С. 249). «Рабочие и трудящиеся крестьяне Бессарабии... не забыли того, что они вместе с рабочим классом всей бывшей царской России завоевали Октябрь...», — утверждала листовка коммунистов Бессарабии от 7 ноября 1928 г. (Листовки коммунистического подполья Бессарабии. 1918—1940. Сб. док. Кишинев, 1960. С. 124).
- ¹⁰³ Stere C. Documentări și lămuriri politice. P. 52.
- ¹⁰⁴ Ibidem. P. 60.
- ¹⁰⁵ Ibidem. P. 57, 60, 63.
- ¹⁰⁶ Ibidem. P. 55.
- ¹⁰⁷ Ibidem. P. 55—56.
- ¹⁰⁸ Ibidem. P. 55.
- ¹⁰⁹ Ibidem. P. 63.
- ¹¹⁰ Ibidem. P. 56.
- ¹¹¹ Ibidem. P. 47.
- ¹¹² Ibidem. P. 56.
- ¹¹³ Ibidem. P. 161, 162.
- ¹¹⁴ Ibidem. P. 60, 49, 61.
- ¹¹⁵ Ibidem. P. 57.
- ¹¹⁶ Ibidem. P. 57, 58, 59; Представьте себе, обосновывал этот тезис Стере, какой оглушительный скандал разразился бы, если бы в Старом королевстве какого-нибудь Ионеску или Попеску — в прошлом избирателя первой коллегии, лицо известное, со связями — подвергли такому обращению, как крупного помещика из Сороки или директора школы из Четатя-Албэ... Когда же это происходит в Бессарабии, то, если даже сообщение, миновав цензуру, и появится в столичных газетах, что скажет их читателям или политикам «имя какого-нибудь Гыска, Мереакре или Лаптедулче, неизвестное ни в кафе «Капша», ни в редакциях газет, — разве что вызовет усмешку над диковинной фамилией...» (Ibidem. P. 60).
- ¹¹⁷ Ibidem. P. 160 ș. a.
- ¹¹⁸ Ibidem. P. 165.
- ¹¹⁹ Ibidem. P. 60.
- ¹²⁰ Ibidem. P. 166.
- ¹²¹ Ibidem.
- ¹²² Ibidem. P. 64.
- ¹²³ Ibidem. P. 215; К слову, неизменность его идейной позиции повышает с источниковедческой точки зрения ценность свидетельских показаний Стере. Читатель, вероятно, обратил внимание, что они подчас неотличимы от показаний оппонентов слева, заполнявших страницы коммунистических изданий, небезызвестной «Красной Бессарабии». А ведь эти оценки мы сейчас склонны рассматривать как преувеличенные, несущие печать пристрастности.
- ¹²⁴ Ibidem. P. 165.
- ¹²⁵ Ibidem. P. 159.
- ¹²⁶ Ibidem.
- ¹²⁷ Ibidem. P. 159, 160, 163.
- ¹²⁸ Ibidem. P. 162.
- ¹²⁹ Ibidem. P. 159.
- ¹³⁰ Pandrea P. C. Stere :i „specificul politic” românesc // Viața românească. 1937. N 1—3. P. 73.
- ¹³¹ Stere C. Documentări și lămuriri politice. P. 52.
- ¹³² Popovschi N. Constantin Stere și Basarabia // Viața românească. 1937. N 1—3. P. 115, 116.
- ¹³³ Ibidem. P. 116.
- ¹³⁴ Sevastos M. Op. cit. P. 406, 407.
- ¹³⁵ В отличие от Стере К. Бану оставался в НЛП, в 1922—1923 гг. побывал министром культов и искусств. С 1911 г. издавал журнал „Flacăra“, где под псевдонимом «Глаукон» помещал афоризмы, рисующие политические нравы. В 1937 г. собрал их в сборник, подчеркнув в послесловии, что источник наблюдений — «люди и события, среди которых я жил».
- ¹³⁶ Banu C. Grădina lui Glaucon sau Manualul bunului politician. Buc., 1937. P. 82, 109.
- ¹³⁷ Stere C. Documentări și lămuriri politice. P. 159.
- ¹³⁸ Beldie V. G. Stere, prietenul celor umili // Viața românească. 1937. N 1—3. P. 6.
- ¹³⁹ Ornea Z. Comentarii. P. 87, 88.
- ¹⁴⁰ Ibidem. P. 89.
- ¹⁴¹ Banu C. Op. cit. P. 108.
- ¹⁴² Viața românească. 1937. N 1—3. P. 51.
- ¹⁴³ См.: Banu C. Op. cit. P. 81, 192.
- ¹⁴⁴ Ibidem. P. 32, 47, 147.
- ¹⁴⁵ Ibidem. P. 191.
- ¹⁴⁶ Ibidem. P. 155.
- ¹⁴⁷ Viața românească. 1937. N 1—3, P. 73.
- ¹⁴⁸ Ibidem. P. 129.
- ¹⁴⁹ Carp M. Soarta predestinatului // Ibidem. P. 33.
- ¹⁵⁰ Цит. по: Ornea Z. Poporanismul. P. 38—39.
- ¹⁵¹ Ветеран румынской журналистики Л. Калустиян, общавшийся со Стере в 30-е годы, утверждает: «Будучи румыном по происхождению и сознательному выбору, Стере под влиянием среды, в которой он формировался, стал „славянином“ по душевному облику, реакциям, этосу» (Kallustian L. Op. cit. P. 33).
- ¹⁵² Вот один из примеров. В 1917 г. в

оккупированном Бухаресте встретились Стере и Карп. Вчерашний глашатай реформ и главный противник их с началом войны стали, как уже отмечалось, союзниками в вопросах внешней политики. И тем не менее беседа кончилась репликой Карпа: «Ты говоришь, как русский революционер, и между нами не может быть ничего общего» (*Gane C. Op. cit. P. 557*)).

¹⁵³ *Ralea M. C. Stere // Viața românească. 1937. N 1—3. P. 118; Sevastos M. Op. cit. P. 411.*

¹⁵⁴ *Lupu N. Amintiri despre Stere // Viața românească. 1937. N 1—3. P. 52.*

¹⁵⁵ *Ibidem. P. 23.*

¹⁵⁶ *Stere C. Documentări și lămuriri politice. P. 159.*

¹⁵⁷ Отражением этих угроз (связанных, конечно, не только с его «бессарабизмом») является набросок концовки к автобиографическому роману:

героя, Иона Рэуту, убивает фанатик-националист, распаленный подстрекательскими призывами «покарать предателя».

¹⁵⁸ *Stere C. Documentări și lămuriri politice. P. 159.*

¹⁵⁹ Самая распространенная в тогдaшней Румынии газета „Universul“ оповестила читателей о его смерти так: «Предатель К. Стере в возрасте 71 года скончался в 8 часов вечера в своем имении Буков» (*Universul. 1936. 28 iunie*); «Красная Бессарабия», со своей стороны, заявила: «У трудящихся Бессарабии нет оснований сожалеть о смерти ренегата, сыгравшего немалую роль в их порабощении» (*Красная Бессарабия. 1936. № 7. С. 27*).

¹⁶⁰ *Suchianu D. I. Patriotul C. Stere // Viața românească. 1937. N 1—3. P. 131.*

Rezumat

Se face o încercare de a contura una dintre fațetele personalității lui Constantin Stere. Se reliefează calea lui complicată și controversată în politică. Se analizează trăsăturile de caracter ale lui Stere-politicianul, se dezvăluie tragismul soartei lui politice.

COMUNICARI ȘTIINȚIFICE НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Л. Ю. Иванова

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ЮЖНОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ» В КИШИНЕВЕ

В советской исторической литературе довольно полно освещено социал-демократическое движение в стране и ее отдельных регионах, включая Молдову. Вместе с тем в изучении искровского этапа партии имеются еще недостаточно исследованные аспекты. К ним относится и история возникновения и деятельности в Кишиневе «Южной социал-демократической рабочей организации». На основании новых или недостаточно изученных ранее документальных материалов автор предлагает более полную характеристику этой организации, вскрывая ее место и роль в социал-демократическом движении края.

Деятельность «Искры», труды В. И. Ленина усилили влияние марксизма на передовое общественное мнение, помогли сплочению подлинно революционных сил, образованию новых социал-демократических групп и организаций. Искровцы укрепляли позиции в революционном движении, завоевывали новых сторонников. В октябре 1901 г. под воздействием газеты, опытных революционеров-пропагандистов К. О. Левицкого, Е. П. Матлахова, И. А. Кристаловского и других членов Одесского комитета РСДРП выделились недовольные его «экономическими тенденциями» и объединились в «Южную революционную группу социал-демократов». Она развернула широкую агитационно-массовую работу в духе «Искры», руководила стачками и демонстрациями, умело соединяла экономическую и политическую борьбу пролетариата¹.

Деятельность этой группы была самым тесным образом связана с рабочим и социал-демократическим движением в Молдове. С ее помощью здесь закрепилось действительно революционное направление движения. В Кишиневе помимо уже известной «Группы объединенного протеста» была создана и успешно функционировала «Южная социал-демократическая рабочая организация», ставшая по сути филиалом почти идентичного названия одесского подразделения социал-демократов-искровцев.

Отметим и тот факт, что отдельные участки революционного движения края или его уроженцы входили в состав названной одесской группы. Один из ее организаторов — Л. Ю. Гишман, работавший ранее в революционном подполье Кишинева, за хранение и распространение марксистской литературы подвергался тюремному заключению². Важную роль в группе играли кишиневский мясник, маляр Ф. М. Виницкий и участница социал-демократического движения в Тирасполе, дававшая частные уроки, Х. П. Краснянская. Они, «войдя в состав «Исполнительного комитета», поддерживали конспиративные сношения с другими организациями, приобретали в интересах пропаганды произведения нелегальной литературы, составляли проекты противоправительственных воззваний, печатали таковые в тайных типографиях иногородних групп и отсылали затем в агитаторское собрание для дальнейшего распространения³», — значится в судебно-следственных материалах по делу об одесской «Южной революционной группе социал-демократов».

Активную агитационно-пропагандистскую работу в ней вели также кишиневцы Х. Г. Бронтман, Ф. В. Гитник и др. Вот несколько примеров их деятельности. 16 декабря 1901 г. Ф. В. Гитник во время спектакля в здании попечительства о народной трезвости бросила в партер пачку листовок⁴. 20 января 1902 г. с возгласами «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» Х. Г. Бронтман разбросал в партере городского театра 200 воззваний группы «Ко всем»⁵. Одновременно с ним массу листовок с такими же возгласами, но уже в зрительном зале русского театра разбросал Е. Матлахов⁶ — один из лидеров «Южной революционной группы социал-демократов». Подобные революционные акции были взяты на вооружение многими социал-демократическими организациями страны, в том числе и кишиневскими подпольщиками. Январские события 1905 г. в Молдове начались с разброса прокламаций в кишиневском театре «Пушкинская аудитория», сопровождавшегося возгласами «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!»⁷.

Представители «Южной социал-демократической рабочей организации» поддерживали тесную связь с одесскими единомышленниками, выезжали на консультации и для координации работы с ним, захватив с собой в том числе и революционную литературу. У одного из членов группы жандармы обнаружили статью В. И. Ленина «Начало демонстраций», брошюру Г. В. Плеханова «Что же дальше?», а у другого — корзину с нелегальной литературой, среди которой 36 экземпляров брошю-

ры «Обвинительный акт по делу Обуховской обороны» с приложением к ней статьи В. И. Ленина «Новое побоище» и много листовок кишиневской организации⁸. Приезжал в Одессу и курьер «Искры», организатор транспортного пути через Румынию Александр Квятковский. В свой последний проезд он принял самое активное участие в подготовке и проведении 23 февраля 1902 г. «Южной революционной группой социал-демократов» первой политической демонстрации рабочих. Встретив демонстрантов у Гаванной улицы, А. Квятковский «обратился к некоторым из них, тихо певшим, крикнув: „Веселей ребята! Ура!“, на что толпа ответила ему тем же „Ура!“ и подняла красный флаг»⁹, — доносил из Киева начальнику Департамента полиции генерал Новицкий, в руках которого был сосредоточен розыск по делу «Искры» на юге страны. Он же утверждал, что А. Квятковский «...был не заурядным революционным работником, а деятелем большого ранга»¹⁰.

«Южная революционная группа социал-демократов» при деятельном участии «Южной социал-демократической рабочей организации» «...поставила в Кишиневе подпольную типографию, удовлетворявшую потребности как той, так и другой». Особую активность в этом деле проявлял М. М. Вайсман. «Он, — читаем в материалах суда, — в первое время вел агитацию и пропаганду, а затем исключительно посвящал себя конспиративным делам, как-то: транспортировке литературы в различных преступные организации, посредничеству между ними и устройству тайных типографий. Им, между прочим, была поставлена в г. Кишиневе в 1901 г. типография действовавшей в Одессе и Кишиневе „Южной революционной группы социал-демократов“, в которой печатались все издания названной группы»¹¹. Причем, листовки обеих организаций распространялись в Одессе, Кишиневе и других городах региона.

Из протокольного хозяйства кишиневской полиции явствует, что в ночь на 9 февраля 1902 г. у члена организации Я. М. Беленького были обнаружены рукописная программа организации и деятельности социал-демократических кружков и множество прокламаций «Южной революционной группы»¹². 2 мая того же года околоточный надзиратель отобрал у одного из рабочих первомайское воззвание группы «Ко всем рабочим и работницам г. Одессы» и с ее же штемпелем брошюру «Из тифлисского рабочего движения»¹³. 7 июля 1903 г. жандармы отобрали сверток с листовками ряда революционных социал-демократических организаций и среди них три экземпляра уже упомянутой первомайской¹⁴. Тогда же в сундуке дворника каретных мастерских были обнаружены листовки «Южной социал-демократической рабочей организации» и «переписанная на почтовом листке карандашом возмутительная прокламация «Южной революционной группы социал-демократов», рукописный листок той же группы, начинающийся обращением: «Господа подрядчики»¹⁵. Подобных примеров много.

После провала «Южной революционной группы социал-демократов» типография (узнаем из донесения прокурора кишиневского окружного суда от 12 ноября 1903 г. во Временную канцелярию при Министерстве юстиции), «временно хранилась в каком-то городе, а потом в совершенно обновленном виде была переведена в Одессу». В ней печатались все последние прокламации Кишиневского комитета РСДРП¹⁶. Таким образом, взаимодействие и сотрудничество революционных социал-демократов обоих городов продолжались.

Кишиневская организация социал-демократов настойчиво стремилась сделать постоянным взаимодействие с рабочими и прежде всего со строительными и мельничными работниками, представлявшими один из основных отрядов пролетариата Молдовы. Осуществив задуманное, она стала тщательно готовить их к стачечной борьбе. Специально строителям Кишинева организация посвятила два воззвания. 16 июня 1902 г. прокламации «Ко всем строительным рабочим г. Кишинева» были найдены у рабочих на строительстве собора¹⁷. 28 июня их читали солдаты у одной из торговых лавок¹⁸. А 12 августа городовые не успевали изымать эти листовки на всех строительных объектах Кишинева. Их читали в чайных, на базаре, находили на улицах, скамейках парков, железнодорожных путях¹⁹.

Одно воззвание было посвящено рабочим самой крупной в городе когановской паровой мельницы. Написанные в духе ленинской листовки «К рабочим и работницам фабрики Торнтон», прокламации были теснейшим образом связаны с практическими нуждами рабочих. В них вскрывались факты нарушения предпринимателями существовавшего законодательства по рабочему вопросу, разоблачались их мошенничества, неблагоприятная деятельность местных властей и правительства; звучали призывы последовать примеру рабочих других профессий и городов, бастовать, так как «нечего рассчитывать на губернатора или полицейского, а закон остается на бумаге... на деле только те законы исполняются, которые на пользу богачам да царским чиновникам»; объединяться: «сомкнитесь тесными рядами в один крепкий братский союз рабочих для защиты народных прав! В единении наша сила». Выражалась уверенность, что «если мы дружно будем требовать своего, то никто нас не осилит»²⁰.

Авторитет и влияние «Южной социал-демократической рабочей организации» усиливались. 7 и 14 июля 1902 г. по ее инициативе состоялись многолюдные (в условиях подполья г. Кишинева) сходки рабочих мельниц, на которых были выработаны и утверждены требования к хозяевам об установлении 8-часового рабочего дня, увеличении заработной платы и т. п. Предприниматели и местные власти делали все, чтобы сорвать готовившиеся выступления: звали к помощи полиции, пытались подкупить одних рабочих, давали различные обещания другим, грозились доставлять из соседних городов шпрейкбрехеров. Но рабочие остались неприступными: «нравственный

уровень рабочих оказался гораздо выше нравственности их культурных хозяев»,²¹ — с удовлетворением отмечала «Южная организация» в своей листовке. Когда же купец Коган уволил одного из революционно настроенных рабочих, многие в знак солидарности прекратили работу и были поддержаны рабочими других мельниц. 20 июля началась забастовка и через три дня победой рабочих закончилась.

Стачка тружеников кишиневских мельниц превзошла ранее происходившие волнения направленностью и решительностью действий бастовавших. В этом — заслуга «Южной организации», увязавшей борьбу рабочих за экономические требования с политической борьбой против эксплуататоров. Первая политическая демонстрация, организованная в сентябре 1901 г. «Группой объединенного протеста», и забастовка рабочих мукомолен, отличались организованностью — идеи революционного марксизма все глубже воспринимались рабочими и передовой социал-демократией края.

Следуя примеру своих одесских товарищей, которые в соответствии с тактическими установками В. И. Ленина летом 1902 г. вошли в состав комитета, чтобы сделать его искровским, «Южная социал-демократическая рабочая организация» волилась в местную социал-демократическую группу, укрепив тем самым ее искровское направление и создав благоприятные условия для организационного оформления Кишиневского комитета РСДРП.

Примечания

- ¹ Очерки истории Одесской областной партийной организации. Одесса, 1981. С. 37. В марте 1902 г. руководство группой возглавил прибывший в город по заданию Бюро русской организации «Искра» Д. И. Ульянов// Там же. С. 39.
- ² Деятели революционного движения в России. Т. V. Социал-демократы. 1880—1904. Вып. II. М., 1933. С. 1275—1276.
- ³ ЦГАОР СССР. Ф. 124. Оп. 11. Д. 147. Л. 137 об.
- ⁴ Там же. Л. 138.
- ⁵ Там же. Л. 137. За революционную деятельность Х. Г. Бронтман был выслан в Восточную Сибирь под гласным надзором полиции на 6 лет, а Х. П. Краснянская, Ф. В. Гитник и Ф. М. Виницкий — на 5 лет// Там же. Д. 147. Л. 165. 166.
- ⁶ Очерки истории. С. 38.
- ⁷ Будак И. Г. Революция 1905—1907 гг. в Молдавии. Кишинев, 1955. С. 78.

- ⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 124. Оп. 11. Д. 147. Л. 166, 169.
- ⁹ Там же. Ф. 102. 7-е д-во. 1902. Д. 128. Л. 151.
- ¹⁰ Там же. Ф. 124. Д. 128. Л. 316.
- ¹¹ Там же. Оп. 12. Д. 15. Л. 27.
- ¹² Там же. Ф. 124. Оп. 11. Д. 156. Л. 2.
- ¹³ Там же. Д. 1640. Л. 147. Отметим, что штемпель был изготовлен Виницкий и Бронтманом (См.: Там же. Д. 147. Л. 137, 138), а брошюру точно с таким же названием по просьбе Тифлисского комитета РСДРП и указанию редакции «Искры» намеревалась отпечатать Кишиневская подпольная типография ленинской газеты «Искра».
- ¹⁴ ЦГАОР СССР. Оп. 12. Д. 13. Л. 2, 3.
- ¹⁵ Там же. Д. 14. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 12. Д. 15. Л. 27.
- ¹⁷ Там же. Оп. 11. Д. 163. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Д. 960. Л. 10.
- ¹⁹ Там же. Д. 166. Л. 1—7.
- ²⁰ Листовки кишиневских социал-демократических организаций РСДРП. Кишинев, 1968. С. 25, 28.
- ²¹ Там же. С. 31.

Rezumat

Pe baza materialelor puțin cunoscute mai înainte s-au studiate insuficient se dezvoltă activitatea „Organizației muncitorești social-democratice de sud” în Chișinău, se stabilește apartenența partiinică a organizației. Se examinează contactele de prietenie ale social-democraților din Chișinău și Odesa, efortul lor comun în propagarea ideilor iscroviste între muncitori. Se determină rolul și locul organizației în mișcarea social-democratică a ținutului.

I. P. Rîșcă

UNELE CONTRIBUȚII LA CERCETAREA CREĂRII BAZEI MATERIALE A ȘCOLILOR MOLDOVEI (1945—1960)

Una din problemele arzătoare ale dezvoltării școlii populare din R.S.S. Moldova în perioada postbelică a constituit-o restabilirea și dezvoltarea bazei tehnico-materiale a școlii, munca de asigurare a unui anumit nivel al instruirii și educației generației în creștere. Această piramidă a învățămîntului public, după cum se știe, include numărul necesar de clădiri pentru școli, cabinete de instruire, laboratoare, bănci, mobilă, combustibil, ateliere, asigurarea cu manuale, cu articole școlare și de papetărie etc.

Această problemă parțial a fost reflectată în lucrările științifice ale istoricilor sovietici din R.S.S. Moldova. În primul rând se are în vedere „Istoria R.S.S. Moldovenești”, volumul II (Chișinău, 1970, p. 630—636), „Cultura Moldovei în anii Puterii sovietice” în 4 volume (vol. II, partea I, Chișinău, 1985, p. 9—107). Au fost de asemenea publicate pe această temă lucrările savanților: Crăciun T. A., Crăciun A. N., Antoniu D. I., Lazarev A. M., Poprujina P. I., Sîtnic M. C., Bîrcă Gh. I., Țaranov V. I., Bronici C. I., Șemiacov D. E., Iațenco I. S. ș. a.

Însă analizînd literatura publicată și mai ales noile documente ale Arhivei de partid a Institutului de istorie a partidului de pe lîngă C.C. al P.C.M. constatăm, că problema învățămîntului public în raioanele din partea dreaptă a Nistrului rămîne puțin studiată. Lucrările autorilor susnumiți au adus un anumit prinos și prezintă un interes considerabil pentru studierea învățămîntului public din R.S.S.M. Totodată mulți autori tratează problema numai din punct de vedere pozitiv, fără a arăta și neajunsurile, care erau specifice perioadei stalinismului și anilor de stagnare din țara noastră în acea perioadă. De altfel noi știm, că multe lucrări se scriau la comandă, se fixau anumite sarcini de a se scrie anume despre „prietenia” și „ajutorul” acordat de alte republici, despre „internacionalismul proletar” etc.¹

Reieșind din cele de mai sus în articolul de față se pune sarcina de a evidenția unele probleme cu privire la dezvoltarea bazei tehnico-materiale a școlilor din R.S.S. Moldova în 1945—1960, care n-au fost oglindite în istoria R.S.S.M. și a P.C. al Moldovei.

Restructurarea, publicitatea în viața noastră de astăzi — ne oferă anumite condiții de oglindire obiectivă a luptei pentru crearea bazei materiale a școlilor din R.S.S. Moldova. E clar, că acest proces s-a desfășurat nu spontan, dar conform hotărîrilor congreselor II-X ale PCM, și ale plenarelor C.C. al P.C. al Moldovei. Dar unele din aceste hotărîri aveau un caracter subiectiv. Sistemul administrativ de comandă a fost pe deplin instaurat în munca școlară din republică. Numai în 1944—1946 C.C. al P.C.M. și Consiliul Comisarilor poporului al R.S.S.M. au consacrat acestei probleme circa 20 de hotărîri. Deacum în iunie 1944 Plenara III a C.C. al P.C.(b)M. a discutat chestiunea: Cu privire la ajutorul C.C.P. al U.R.S.S. și C.C. al P.C.(b) din toată Uniunea în scopul îmbunătățirii muncii politice de masă, de culturalizare și de restabilire a instituțiilor învățămîntului public. Era o problemă foarte acută. Însă plenara dată n-a ținut cont de folosirea intelectualității locale. Hotărîrea plenarei C.C. al P.C.(b)M. se baza pe invitarea specialiștilor, învățătorilor din alte republici, care nu știau limba, obiceiurile, situația reală. La plenară s-a constatat, că C.C. al P.C.(b) din toată Uniunea acordă Moldovei „un ajutor considerabil la completarea cu cadre de lectori și pedagogi calificați, cu medici”. În total au fost deplasați în republică 776 oameni², inclusiv pentru sistemul învățămîntului public — 166 oameni, iar pînă la data de 15 noiembrie 1944 în această sferă s-au inclus de acum 2247 specialiști³. În același timp, sub influența propagandei străine, în 1944, peste 6000 de învățători moldoveni au părăsit Basarabia.

În cadrul aparatului de comandă al C.C. al P.C.(b)M. în septembrie 1945 a fost creată o secție a învățămîntului public, care se îngrijea direct de „controlul” asupra realizării hotărîrilor în problemele învățămîntului, precum și de acordarea de ajutor practic în această chestiune comitetelor și organizațiilor de partid⁴.

Însă cu părere de rău, în promovarea acestui proces organizația de partid a Moldovei nu ținea cont de particularitățile republicii, ce reieșeau din condițiile locale și ale trecutului ei istoric. Aici, în comparație cu alte republici, baza materială a școlilor rămînea cu mult în urmă de imperatiile timpului. Situația s-a agravat cu mult din cauza, că războiul a cauzat pagube materiale colosale sistemului de învățămînt, a adus la distrugerea a 6730 de clădiri ale școlilor, 3542 de clădiri ale instituțiilor de învățămînt superior și mediu de specialitate, cluburi, biblioteci, teatre și alte focare de cultură. Au fost nimicite 3336 mii de exemplare de cărți și reviste, utilaj de laborator în valoare de 29778 mii de ruble, circa 100 mii de bănci școlare⁵, au fost devastate peste 224 cabinete școlare⁷. În județul Cahul, de exemplu, a fost distrusă complet rețeaua școlilor primare, de șapte ani și medii, tot utilajul lor prețios. Din 170 școli ale județului nici una n-a rămas nedeteriorată. În 32 școli în timpul războiului s-au aflat depozite și ateliere, iar în 53 — cazarme. În total școlile județului au suferit pagube în valoare de 5437058⁸ rub. Așa situație era caracteristică pentru toate județele și raioanele R.S.S.M. Restabilirea bazei materiale a școlilor s-a început imediat după război. În această perioadă construcția de școli a căpătat un caracter planic, de proporții abea după ce a fost adoptată Legea cu privire la cel de al patrulea plan cincinal. Cu toate că mai existau unele lacune, organizația de partid a republicii a înfăptuit o muncă enormă privind restabilirea și lărgirea rețelei școlilor. Cu participarea activă a comuniștilor, a întregii populații în ajunul anului de studii 1944—1945 au fost restabilite, reconstruite din nou sau adaptate pentru necesitățile școlilor clădiri cu 5677 săli de clasă¹⁰. De acum în anul următor de studii 1945—1946 numai la Chișinău funcționau 34 de școli cu un contingent de 8 mii de elevi¹¹.

Pentru pregătirea la timp a școlilor către anul nou de studii și pentru asigurarea învățămîntului primar general al copiilor, C.C. al P.C.(b) din Moldova, C.C.P. al R.S.S.M. luau anual hotărîri pentru construirea și repararea școlilor de cultură generală. Astfel, la 18 iunie 1945 s-a hotărît să fie rezervate pentru repararea școlilor: 8 t

de vopsea, 12 t de ulei fiert, 200 m² de sticlă; pentru repararea mobilei școlare vechi și confecționarea alteia noi: 3000 m³ de scândură, 6000 m² de linoleum pentru table, un vagon de cuie¹². Comitetul de stat pentru planificare al R.S.S.M. a fost obligat să rezerveze într-un termen de zece zile în scopul reparației școlilor 200 t de var, 100 mii de cărămizi, 25 mii de olane, 3600 m³ de lemn tăiat din pădurile locale¹³.

De acum în octombrie 1945 Biroul C.C. al P. C.(b) din Moldova menționa, că școlile republicii au început noul an de studii mai organizat, decât pe cel precedent. Clădirile școlilor în fond au fost reparate și asigurate cu mobilă necesară, manuale, materiale didactice și articole școlare și de papetărie.

Însă în multe județe (Orhei, Bender, Chișinău), în raioanele Grigoriopol și Dubăsari au fost descoperite o serie de școli, care n-au fost pregătite la timp pentru începutul studiilor. În satele Mihailovca și Alexandrovca din județul Bender și în patru școli din județul Orhei lecțiile s-au început la 5 septembrie. Unele școli nu dispuneau de mobilierul necesar și din această cauză în băncile pentru doi copii se așezau câte patru-cinci, iar în unele școli din orașul Bender copiii erau nevoiți să stea la lecții chiar și la podea¹⁴. În toate orașele și satele mari ale republicii școlile funcționau în doua schimburi, în timp ce din 69 clădiri școlare, ocupate de alte instituții, fusese eliberate doar 27¹⁵.

Comuniștii de la Comisariatele populare ale industriei ușoare, comerțului, industriei locale, asigurării sociale, de la Consiliul industrial al Moldovei și Uniunea cooperativei de consum a republicii asigurau extrem de rău realizarea hotărârii C.C. al P.C.(b) din Moldova cu privire la confecționarea băncilor, articolelor școlare și de papetărie, încălțămintei și îmbrăcămintei pentru copii¹⁶.

În scopul funcționării normale a școlilor Biroul C.C. al P.C.(b) din Moldova a hotărât să lichideze aceste neajunsuri în procesul pregătirii către noul an de studii 1945—1946, să încheie restabilirea și reparația clădirilor pentru școli și a utilajelor respective, iar pînă la 1 ianuarie 1946 să asigure cu mobilierul necesar toate școlile republicii¹⁷. Se preconiza confecționarea a 15250 bănci, valorificarea a 1525 m³ de bușteni, 5200 m² de sticlă și 140 m³ de cherestea¹⁸.

Desigur, în Moldova a căpătat proporții necesare construcția de școli noi, blocuri pentru tehnicumuri, instituții de învățămînt superior și de cercetări științifice. Se acordă un mare ajutor de asemenea și construcției culturale¹⁹. În timp de doi ani 1945—1946 au fost restabilite 1818 școli, 35 instituții de învățămînt mediu de specialitate și 6 instituții de învățămînt superior, în care își făceau studiile 347 mii de oameni²⁰, s-a construit un sistem de restabilire și de construcție a noilor clădiri pentru școli, de restabilire a înseși rețelei școlilor.

La ședința Biroului C.C. al P.C.(b) din Moldova de la 5 noiembrie 1945 s-a arătat, că ferestrele orfelinatelor sînt fără sticle, iar la 1908 copii sînt 1135 paturi, 1576 saltele, din 1350 plapume puteau fi folosite numai 400. În dormitoare lipseau complet mesele, scaunele și taburetele. Elevii pregăteau lecțiile unde se nimerea. Dormeau câte trei-patru în pat și se înveleau care cu ce putea. În loc de ștergere foloseau diferite cirpe sau propriile cămăși²¹. În ospătării lipsea vesela. De exemplu, în ospătaria orfelinatului din Slobozia la 60 de copii erau 7 farfurii și 8 căni, iar în Dubăsari la 163 de copii erau 15 farfurii și 40 căni²². Aceeași soartă o aveau și orfelinatele din Rîbnița, Bulboacă, Zgurița, unde lipseau complet lengeria, încălțămintea, paltoanele, căciulile etc. Lipseau caiete, cărți și articole de papetărie²³. Comentariile aici sînt de prisos.

Asistența medicală lăsa de dorit, copii erau bolnavi de tifos, rîie, aveau păduchi. Din această cauză mulți copii mureau. În județul Bălți pînă la 01.05.1945 au murit de tifos 257 elevi, iar bolnavi de rîie erau circa 4349 copii²⁴. Copii umblau desculți sau purtau încălțămintă numărul 40—41²⁵. În Anenii Noi 100 de copii dormeau pe 32 paturi, mîncarea fiind deasemenea foarte proastă²⁶. Perioada ce ne-am propus-o spre analiză, a fost extrem de grea pentru Moldova, și cu atît mai mult pentru sfera învățămîntului public. Aceștia au fost anii de secetă și foamete 1945, 1946, 1947, cînd zeci de mii de copii au murit de distrofie, tifos și tuberculoză. Biroul C.C. al P.C.(b) din Moldova la 2 martie 1948 iarăși a revenit la problema orfelinatelor și la ședința respectivă a menționat, că puțin ce s-a schimbat în privința bunăstării situației date. La această ședință s-a hotărît ca să construiască încă 16 orfelinate²⁷, pentru a evita înghesuiala care exista. Însă situația puțin ce s-a schimbat. În urma controlului medical din anul 1948 în orfelinatele din orașul Bălți din 151 copii sănătoși erau 36, la Căușeni, respectiv din 214 — 40, restul erau bolnavi de diferite boli²⁸. Tot la Bălți cearșafuri erau numai pentru un schimb și la indicația directorului noaptea copii le deștearneau ca să nu le murdărească, iar ei dormeau pe saltelele murdare. Desigur, pentru copii lipsea baia²⁹. Cu toate aceste neajunsuri 4000 de copii orfani³⁰ sperau să fie aranjați măcar în asemenea condiții, însă în anul 1948, cu părere de rău, era imposibil. Lipseau încăperi, copiii orfelinatului din satul Tvardița, raionul Ceadr-Lunga toți erau cu păduchi³¹.

În iulie 1946 plenara C.C. al P.C.(b) din Moldova a discutat chestiunea „Cu privire la sarcinile organelor de partid și sovietice din republică privind pregătirea școlilor către noul an de studii 1946—1947”. În hotărârile adoptate s-a menționat, că pentru întărirea școlilor de șapte ani și medii o mare importanță o va avea deschiderea internatelor școlare, prevăzute de hotărârile organelor unionale, precum și valorificarea mijloacelor rezervate de guvernul unional pentru acordarea de ajutor material elevi-

lor din clasele superioare ale școlilor moldovenesti din dreapta Nistrului. Acest ajutor și-a jucat rolul său mare la salvarea vieții a mii de copii în anii de foamete.

Pentru ca în acești ani grei trecerea la învățământul primar general să se încununeze de succes, copiii de vîrstă școlară trebuiau asigurați cu haine și hrană. E locul să spunem, că tocmai două treimi din copii aveau nevoie de acest ajutor³². Organele de partid și sovietice creau fonduri speciale pentru învățământul public și din aceste surse ajutau cu hrană și îmbrăcăminte în primul rînd copii orfani, semiorfani, cei ai invalizilor de război ș. a.

Numai în anii 1945—1947 Statul Sovietic a oferit din fondul social și din alte fonduri 134 mii de perechi de încălțăminte, circa 70 mii de complete de îmbrăcăminte, zeci de mii de metri de pinză, 208 mii de copii erau hrăniți gratuit³³. În legătură cu foametea din anii 1946—1947 C.C.P. al U.R.S.S. a rezervat suplimentar 1,5 mln. ruble pentru acordarea de ajutor material elevilor din R.S.S.M., care aveau deosebită nevoie de el. Au fost organizate 114 orfelinate temporare. La congresul II al P.C.(b) din Moldova anul 1949 ministrul învățământului public a menționat, că lucrătorii de conducere din raioane încearcă în fel și chip să se debaraseze de aceste orfelinate³⁴. Deseori în anii 1947—1954 școlile în raioane și sate se dădeau în exploatare fără sobe și sistemul de aerisire³⁵. La Hiliuți, raionul Bălți școala de 7 ani în anul 1954 o alcătuiau 8 case țărănești, în care locuiau stăpîni, copii, învățătorii, iar iarna chiar și animalele³⁶.

Nu se foloseau nici alocările, ce se asignau pentru construcția școlilor, din diferite motive, fie că nu erau bani pe cont, fie că lipseau materialele de construcții. Astfel în anul 1947 în primul și al doilea trimestru la construcția școlilor din orașele republicii s-au cheltuit numai 97 mii de ruble (6,25%) din alocările rezervate și 37 mii de ruble (1,7%) la sate³⁷. Așa de exemplu, școala moldovenească de băieți din orașul Chișinău la 26 aprilie 1948 încă nu dispunea de local, iar în școala n. 37 se înghețuiau într-o clasă de 15 metri pătrați cancelaria, cabinetul șefului adjunct, camera piorească³⁸. Din lipsă de încăperi în această școală la începutul noului an de învățămînt 1500 copii, din ei majoritatea moldoveni, nu puteau fi primiți la învățătură³⁹. Lipsa de clădiri pentru școli ne este confirmată și de următoarele date. În republică în anul 1948 se prevedea să fie construite 6 școli cu 2160 locuri. La sfîrșitul anului s-a construit o singură școală la Bălți cu 5 clase pentru 200 elevi, iar în Orhei în trimestrul III trebuia să fie dată în exploatare o școală pentru 400 locuri, însă la sfîrșit de an construcția încă nu începuse⁴⁰.

În afară de faptul că lipseau clădiri pentru școli, chiar și cele care erau nu corespundeau cerințelor și erau lipsite de cele mai necesare elemente de funcționare: lipseau lămpile de gaz și mai ales gazul lampant. Astfel, din lipsă de învățători și gaz lampant școala serală din Bulboacă la sfîrșitul anului 1944 nu lucra, iar cei 160 le elevi n-aveau posibilitatea să învețe⁴¹. Din lipsă de gaz lampant la Chișinău lecțiile cu cei neștiutori de carte au început abia în decembrie 1944⁴². Lipsea în republică și combustibilul necesar. Se facea focul în școli cu bețe de răsărită, coajă de răsărită, paie, țizic, ciocălăi etc., însă și acestea lipseau, deaceia C. C. al P.C.(b) din Moldova obliga la 15 iulie 1944 comitetul raional de partid să aprovizioneze școlile cu combustibil⁴³ și cu cele necesare pentru iarnă în multe școli lecțiile aveau loc la temperatura minus zero grade: orașul Tiraspol, raionul Tiraspol, județul Bender și a.⁴⁴ Deaceia C.C. al P.C.(b) din Moldova prin hotărîrea din 17 septembrie 1946 obliga Uniunea cooperative-lor de consum din Moldova și personal pe tovarășul Craiușin să asigure școlile cu cele necesare pentru iarnă (gaz lampant—360 t, lămpi—10 mii bucăți, combustibil și a.)⁴⁵, de altfel, școlile din județul Bălți în anul 1946/47 n-au primit nici un litru de gaz lampant, în sate lipsea și uleiul de răsărită pentru opaite și deci seara lecțiile nu aveau loc⁴⁶. Această problemă a fost rezolvată abia la sfîrșitul anului 1950 și tot incomplet.

În condițiile creșterii intense a proporțiilor învățământului public, sporirii contin-gentului de școlari, creșterii cerințelor față de calitatea procesului instructiv-educativ, existenta bază materială și de instruire nicidecum nu putea satisface aceste cerințe crescînde.

La data de 1 ianuarie 1950 din cele 3326 clădiri de școală numai 1324 erau special construite în aceste scopuri, ba și acelea, doar cu cîte două-trei săli de clasă (afară de cele 70 școli din orașe), circa 2000 clădiri fusese în folosință iar multe dintre ele erau într-o stare deplorabilă⁴⁷.

Instruirea în școli se făcea chiar și în trei schimburi. În anul de studii 1951—1952 din cele 1900 școli ale Ministerului învățământului public al R.S.S.M. numai 134 lucrau într-un schimb, 1757—în două schimburi și 9—în trei schimburi⁴⁸. Desigur, de acum la sfîrșitul anilor 50—începutul anilor 60 situația se ameliorează. În anul de studii 1958—1959 din 1799 școli în 291 instruirea se făcea într-un schimb și în 1496—în două schimburi, iar în anul de studii 1960—1961 din 1810 școli într-un schimb și în două schimburi copiii erau instruiți respectiv în 402 și 1397 școli⁴⁹. La începutul anului 1961 de acum nici o școală nu mai lucra în trei schimburi. Se făcuse mult pentru asigurarea școlilor cu cabinete de instruire, laboratoare, ateliere, săli sportive. Dacă în anul de studii 1950—1951 cele 997 școli de șapte ani și medii dispuneau numai de 401 cabinete specializate⁵⁰, apoi peste șase ani numărul acestora crescuse pînă la 1110⁵¹.

Cu timpul școlile începuse să fie asigurate mai bine cu mobilă. Aceste proporții sînt caracterizate de următoarele date statistice: dacă în anul de studii 1946—1947

școlile Moldovei au primit 5438 bănci școlare, apoi în anul de învățămînt 1950—1951 ele au procurat mai mult de 14 mii de bănci și alte articole de mobilă⁵². Deși, vom menționa, în această perioadă școlilor le lipseau circa 20 mii de bănci, 2 mii de table, 2 mii de dulapuri și alte lucruri necesare⁵³. Dacă mai ținem cont de faptul că la 30 aprilie 1952 a fost emisă dispoziția Consiliului de Miniștri al Uniunii R.S.S., conform căreia a fost stabilită cantitatea minimă a echipamentului școlilor primare în valoare de 1,6 mii ruble, a celor de șapte ani — 19,7 mii, a celor medii — 32 mii ruble, atunci putem conchide, că școlile republicii în anul de studii 1951—1952 aveau un deficit de echipament școlar în valoare de circa 18,5 mln. ruble⁵⁴.

Fără doar și poate, în primii ani după Marele război pentru apărarea Patriei s-a înfăptuit foarte mult în vederea creării unei baze trainice în dezvoltarea în continuare a învățămîntului public în republică. Anume datorită acestui fapt a și fost posibilă refacerea ulterioară a structurii acestei sfere a societății de o importanță primordială.

Însă e just și faptul că în acești ani au apărut și unele fenomene negative în structura învățămîntului public din Moldova, de care s-a lovit societatea și cu care luptă și în prezent. În primul rînd, trebuie menționat, că se ignorau unele obiecte, care întipăreau în conștiința copiilor tradițiile naționale, obiceiurile, cultura națională. Aceasta avea loc în procesul predării literaturii moldovenești, unde se ignorau tradițiile clasicismului, în studierea istoriei R.S.S. Moldova.

Al doilea factor, care a influențat negativ asupra învățămîntului public din republică, a fost crearea cu ritmuri foarte mari a numărului școlilor ruse, spre deosebire de cele moldovenești, mai ales în orașe. Din cauza acestor procese negative, la Tiraspol, Bender, Rîbnița, Ocnița și în alte orașe și centre raionale pînă nu demult n-a fost nici o școală moldovenească, care în mod arbitrar lipsea părinții și copii de dreptul constituțional de a-și alege limba de studiere în școală. Aceasta a fost o falsificare monstruoasă a principiilor politicii leniniste a P.C.U.S., care în prezent e atît de greu realizată.

Însă cu toate acestea, în 1945—1960 s-a înfăptuit un volum mare de muncă privind consolidarea bazei tehnico-materiale și instructive a școlilor din republică și s-au obținut pe acest tărîm succese îmbucurătoare. În urma sporirii alocărilor din sursele statului, ajutorului colhozurilor, sovhozurilor și întreprinderilor de stat, școlile au obținut noi posibilități pentru a perfecționa activitatea instructiv-educativă, pentru a rezolva cu succes problema înfăptuirii învățămîntului general obligatoriu de 7 ani, iar apoi, cu începere din anul de studii 1960—61 și a învățămîntului mediu general.

S-a creat un acces liber la cunoștințe a tuturor cetățenilor și într-un termen istoric scurt a fost posibilă renașterea unei intelectualități ieșite din popor, dezvoltarea spirituală în continuare a poporului moldovenesc.

Note

- ¹ Лазарев А. М. Кум а фост скрисэ история Молдовой // Нистру. 1989. № 2.
- ² А. Р. а I.I.P. de pe lîngă C. C. al P.C.M. F. 51. I. 2. D. 2, 34.
- ³ Ibidem. D. 109. Ф. 85.
- ⁴ Антонюк Д. И. Динамизм конструкцией културале ын Молдова Советикэ. Кишинэу, 1984. П. 168.
- ⁵ Tot acolo.
- ⁶ Шемяков Д. Е., Яценко Я. С. Революция културалэ ын Молдова Советикэ (1924—1967). Кишинэу, 1969. П. 32.
- ⁷ А.Р. а I.I.P. de le lîngă C.C. al P.C.M. F. 51. I. Д. 265.
- ⁸ Tot acolo. I. 3. D. 265. F. 1.
- ⁹ Tot acolo. I. 13. D. 297. F. 38.
- ¹⁰ Ынвэцэмынтул публик ал Молдовой ын аний Путерий Советиче. Кишинэу, 1967. П. 8.
- ¹¹ Кишинэу. Енчиклопедие. Кишинэу, 1984. П. 66.
- ¹² А.Р. а I.I.P. de pe lîngă C.C. al P.C.M. F. 51. D. 269. F. 15.
- ¹³ Tot acolo.
- ¹⁴ А.Р. а I.I.P. de pe lîngă C.C. al P.C.M. F. 51. I. 3. D. 269. F. 112.
- ¹⁵ Tot acolo.
- ¹⁶ Tot acolo.
- ¹⁷ А.Р. а I.I.P. de pe lîngă C.C. al P.C.M. F. 51. I. 3. D. 269. F. 112.
- ¹⁸ Tot acolo. F. 117.

- ¹⁹ Tot acolo. I. 7. D. 5. F. 123.
- ²⁰ Tot acolo. I. 4. D. 2. F. 168.
- ²¹ Tot acolo. I. 3. D. 30. F. 17.
- ²² А.Р. а I.I.P. de pe lîngă C.C. al P.C.M. F. 51. I. 3. D. 30. F. 17—18.
- ²³ Tot acolo. F. 51. I. 3. D. 30. F. 18—20.
- ²⁴ Tot acolo. D. 91. F. 24.
- ²⁵ Tot acolo. D. 186. F. 4.
- ²⁶ Tot acolo. I. 4. D. 338. F. 51.
- ²⁷ Tot acolo. I. 7. D. 27. R. 11. F. 13—14.
- ²⁸ А.Р. а I.I.P. de pe lîngă C.C. al P.C.M. F. 51. I. 5. D. 299. F. 158, 163.
- ²⁹ Tot acolo. Г. 163—164.
- ³⁰ Tot acolo. I. 7. D. 32. F. 50.
- ³¹ Tot acolo. D. 309. F. 121.
- ³² Сытник М. К., Царанов В. И. Молдова Социалистэ ын фамилия унитэ спре делул комун. Кишинэу, 1984. П. 152.
- ³³ Антонюк Д. И. Динамизм конструкцией културале ын Молдова Советикэ. Кишинэу, 1984. П. 173.
- ³⁴ А.Р. а I.I.P. de pe lîngă C.C. al P.C.M. F. 51. I. 13. D. 297. F. 74.
- ³⁵ Tot acolo. I. 8. D. 3. F. 229.
- ³⁶ Tot acolo. I. 13. D. 297. F. 62.
- ³⁷ Tot acolo. F. 51. I. 5. D. 98. F. 8.
- ³⁸ Tot acolo. I. 7. D. 309. F. 45.
- ³⁹ Tot acolo.
- ⁴⁰ Tot acolo. F. 107.
- ⁴¹ Tot acolo. F. 51. I. 2. D. 157. F. 2.
- ⁴² Tot acolo. I. 2. D. 152. F. 28.
- ⁴³ Tot acolo. D. 146. F. 2.
- ⁴⁴ Tot acolo. I. 3. D. 20. F. 77.

- ⁴⁵ Tot acolo. I. 4. D. 13. F. 100.
⁴⁶ Tot acolo. D. 321. F. 100.
⁴⁷ Tot acolo. F. 51. I. 13. D. 296. F. 95.
⁴⁸ Бывзэмынтул публик, штинца ши култура ын РСС Молдовеняскэ. Кулежэре статистикэ. Кишинэу, 1970. П. 42.
⁴⁹ Молдова Советикэ ын ажунул семичентенарулуй Марелуй Октомбрие. Кулежэре статистикэ. Кишинэу, 1967. П. 178.
⁵⁰ Култура Молдовей ын аний Путерий Советиче. Кишинэу, 1985. В.П, П. 18.
⁵¹ Комунистул Молдовей. 1956. № 6.
⁵² Tot acolo. P. 18.
⁵³ Tot acolo.
⁵⁴ А.Р. а I.I.P. de pe lîngă C.C. al P.C.M. F. 51. I. 13. D. 196. F. 102—103.

Резюме

На основании новых архивных материалов в сообщении раскрывается процесс восстановления и развития материально-технической базы школ Молдовы в 1945—1960-х гг. Описывается тяжелое положение школ в первые послевоенные годы, меры, принятые руководством республики по созданию нормальных условий для их работы. Эти меры, проведенные в условиях командно-административной системы, сопровождались рядом негативных явлений в структуре народного образования республики, связанных с нарушением принципов ленинской национальной политики.

PLAI NATAL КРАЕВЕДЕНИЕ

I. G. Ghirtoagă

MĂRTURII DESPRE TRECUTUL UNUI SAT AL FOSTEI RAIALE HOTIN (CORJEUȚI)

În ultimul timp tot mai mult sporește interesul față de trecutul îndepărtat al plaiului nostru, al unor localități și chiar edificii vechi, luate în parte. În cele ce urmează ne vom opri succint asupra unor momente din trecutul satului Corjeuți, raionul Briceni care în sec. XVIII se afla pe o rută importantă comercială.

Satul Corjeuți, care spre finele sec. XVII intra în unul din ținuturile Statului Moldovenesc, în ținutul Hotin, la acea perioadă aparținea citorva proprietari. În anul 1624 divanul țării prin puterea sa juridică confirma actul de cumpărare a unei părți de sat de către marele vornic Nicoară de la un oarecare Zalechi¹. Peste 20 de ani proprietarul celei de a doua părți de sat hatmanul Gavril o transmite prin moștenire ginerelui său, fostului medelnicer Andrian².

Situația în aceste locuri devine încordată începând cu anul 1715, când ținutul Hotin a fost despărțit de la Moldova și supus administrației turcești³. Tot atunci s-au efectuat schimbări profunde și în relațiile de proprietate. După cum relatează un martor ocular al evenimentelor, conform firmanului imperial din partea comandamentului garnizoanei otomane din Hotin au fost numiți oameni speciali care împreună cu reprezentanții divanului din Iași au măsurat teritoriul, ocupat de osmani, au înregistrat numărul de gospodării al averii din ținut și proprietatea boierilor moldoveni asupra lor a fost lichidată. Pământul arabil, pădurile, pășunile, fînăturile, locurile de pescuit, adică majoritatea pământului ca mijloc de producție a fost declarată proprietate a statului Osman⁴. Aceste pământuri deveneau izvor de venituri, predestinate întreținerii prioritare a osmanilor militari din raia. Rezultatele cercetărilor efectuate au fost incluse într-un registru osman, pe care l-a publicat recent savantul bulgar Strașimir Dimitrov. Conform indicațiilor registrului în anul 1716 în așa numita nahie Hotin au fost înscrise ceva mai mult de 50 de „sate pustii și semidistruse”, printre care și satul Corjeuți „pustiu”⁵, adică fără populație. Din cauza abuzurilor militarilor turci majoritatea populației locale fugise pe alte meleaguri, în special pe pământurile rămase sub cîrmuirea domnului Moldovei.

Administrația locală, cointereseată în mărirea veniturilor lor pe contul exploatării țăranilor care trebuiau să revină la baștina lor, se străduia să le facă unele înlesniri temporare, inclusiv și eliberarea lor pe un scurt timp de impozite. Pe la anul 1718 mulți foști locuitori ai raialei s-au întors la baștină, inclusiv și corjeuțenii, care în primii ani n-au gasit limbă comună cu familiile turcești, recent așezate cu traiul în incinta vechii localități. Corjeuțenii și-au format pe străvechea moșie o nouă vatră a satului. Vechea localitate treptat s-a distrus și la începutul sec. XIX numai bătrînii puteau cu certitudine să indice locul, unde cîndva se afla fosta vatră a satului⁶.

Fără îndoială că ocupația principală a corjeuțenilor era agricultura. Pe cîmpuri creștea grîu, seacă, mei. Tot mai mult se lărgeau sectoarele însemîntate cu o cultură introdusă în Moldova în secolul anterior — cu porumb, care cerea o îngrijire mai mare, dar și oferea hrană pentru om și furaj pentru vite. Aceasta, fără îndoială, constituia un argument important în favoarea porumbului, deoarece în Moldova din cele mai vechi timpuri vităritul constituie o ocupație importantă a țăranilor. Judecînd după recensămîntul din anul 1818, corjeuțenii creșteau îndeosebi bovine și ovine. În gospodăria țărănească aveau mare pondere creșterea porcinelor și a cabalinelor. Pentru iernatul vitelor se cosea fîn, care în anul 1818 fusese clădit în 270 de stoguri⁷. Insa datorită climei favorabile, vitele se aflau aproape anul întreg pe pășunile din apropiere sub paza, mai ales a profesionalilor înăimiți. În recensămîntul din anul 1774 se întîlnesc calificativele „văcariu”, „scutar”⁸. Primul, se știe păștea vacile, iar cel de al doilea de obicei se posta în fruntea unui grup de ciobeni, care pășteau oile și efectuau prelucrarea primară a laptelui.

Corjeuțenii creșteau și culturi tehnice — mai ales cînepa. Judecînd după recensămîntul din anii 1817—1818 în sat ramurile intensive ale agriculturii, pomicultura și viticultura, încă nu căpătase o dezvoltare largă; vița de vie și pomii fructiferi, probabil, se cultivau cu prioritate în preajma caselor, deoarece pe moșie se numărau numai trei, cum se obișnuia atunci, să se înregistreze „livezi de fructe și poamă”⁹. Tot în acest recensămînt s-au înregistrat și 300 de stupi de albine, care oferea miere și mai ales

ceară, folosită la confecționarea lumînărilor — pe atunci unicul mijloc pentru iluminarea locuințelor.

Din cele mai vechi timpuri populația rurală se mai ocupa și cu confecționarea diferitor articole meșteșugărești. Aproape exclusiv în familie se prelucra lina, cînepa, inul, din care se pregăteau covoare, țesături pentru așternut și îmbrăcăminte cu alte cuvinte, „industria textilă” în mare parte avea un caracter casnic. Dar și aici se observă o specializare, mai ales, în prelucrarea pieilor, care cere o calificare mai ridicată, — în recensămîntul din anul 1774 sînt înregistrați doi cojocari, un ciobotar și un croitor. Tot în același recensămînt e menționat un morar¹⁰, iar în cel din anul 1818 — o moară de apă, adică pregătirea făinii se făcea pe loc.

Din calificativele recensămîntului din anul 1774 prezintă un oarecare interes cele legate de viticultură și vitărit: „vădrar”, adică agent pentru perceperea impozitului pe vin, și mai ales „butnar”, menționat de 4 ori. Reamintim, că în sat au fost înregistrate doar trei „livezi” de fructe și poame. Chiar dacă în fiecare din cele 150 de gospodării de lîngă casă ar fi fost viță de vie, totuși importanța prezenței celor 4 butnari în Corjeuți ese din cadrul unui singur sat. De menționat, că în Corjeuți nu e atestată prezența lemnarului, iar în satul din apropiere — Cărăcușeni (Vechi) nu numai că-i menționat un dulger, dar și șapte rotari. Aceasta se explică prin faptul că prezența unui număr mare de turci în vechiul oraș Hotin și în alte localități urbane complica în mare parte dezvoltarea meșteșugurilor tradiționale locale. Ele se răspîndeau în sate într-o formă specifică de separare a lor de agricultură prin concentrarea unor meșteșugari tot în localități rurale, de exemplu, a butnarilor — în Corjeuți, a rotarilor — în Cărăcușeni și a. m. d.

O parte din produsele agricole sătenii le vindeau la piață. În orașele Lipcani și Briceni corjeuții vindeau cai, boi, vaci, porci, mai puțin grîu, mei, porumb, orz, ceară și miere. Deși în anul 1818 la fiecare gospodărie în mediu reveneau cîte 8 oi, totuși în lista articolelor de vînzare lipsește lina, care mai ales se consuma în meșteșugăriile casnice. Tot pe aceeași cale se poate deduce, că în cadrul rural se consumau legumele, fructele, poama și vinul.

Țăranii preferau să-și vîndă produsele lor agricole direct consumatorului și viceversa, să cumpere obiectele meșteșugărești, necesare pentru gospodăria lor, direct de la producător. Dar comerțul se mai efectua și prin intermediul negustorilor din raiaua Hotin, Statul Moldovenesc și a celor străini.

Schimbul de mărfuri cu ținuturile rămase sub autoritatea domnitorului și cu Statul Polonez, mai ales cu populația ucraineană din Podolia, ulterior alipită la Rusia, avea un caracter agrar. Din raia în Statul Polonez erau trimiși boi și cai, impuși unei taxe vamale de un leu pe cap. Din Moldova se aducea vin „voloh” (moldovenesc), impus la o dare vamală de doi lei butoiul. Articolele menționate au fost incluse în registrul vamal¹¹, ceea ce demonstrează că în comerțul bilateral ele persistau și aveau o importanță deosebită. Deoarece atît locuitorii raialei, cît și ai Statului Polonez vecin, fiecare în parte, erau producători de pîine, schimbul în produse cerealiere era ocazional. În anul 1771 unii din țăranii raialei cumpărau în Podolia hrișcă¹², iar în anul 1806 dimpotrivă locuitorii Podoliei, unde timp de doi ani fusese secetă cumpărau pîine de la locuitorii raialei¹³. Tot atunci de la aceeași locuitori ai raialei unii dintre boierii divanului din Iași se pregăteau să cumpere ovăz și orz¹⁴.

Dacă în export predominau produsele agricole, apoi în import cu preponderență se întâlneau articole meșteșugărești. În anii 70 ai secolului XVII în Hotin se vindea cît și blănuri poloneze, blanuri rusești și unele mărfuri orientale¹⁵.

Teritoriul raialei servea și pentru negoțul de tranzit, în care dominau produsele agricole. Menționat în registrul vamal, „voloh”, care era predestinat pentru populația Statului Polonez¹⁶, fără îndoială, că se producea nu atît în raia, cît în ținuturile vecine ale Moldovei. Vitele, pentru transferarea cărora negustorii turci de la Hotin conform dispoziției domnului Moldovei din anul 1761 trebuiau să plătească vama corespunzătoare. fără îndoială, că erau menite pentru vînzare în Statul Polon și nu în raia, unde erau prea de ajuns. Tot pe pămînturile raiale se transportau în Polonia care cu peste, prins în apele Dunării. Și, viceversa, mărfurile negustorilor polonezi, care evitau trecerea peste Nistru de lîngă Hotin, astfel devenind obiectul de discuție dintre Poartă și autoritățile din Hotin, anume aceste mărfuri, după părerea noastră, nu erau predestinate locuitorilor raialei¹⁷. Tot așa, conform relatărilor unui turc anonum din Hotin prin raia se transporta chihlimbarul și citul polonez, care se bucura de succes deosebit în provinciile nordice ale Imperiului Osman și ajungeau pînă la Constantinopol¹⁸. Vînzarea mărfurilor din Orient de către negustori din Hotin în Statul Polon purta un caracter episodic. În anul 1776 doi dintre ei se obligau să vîndă la Moghiliov aproximativ o tonă jumătate de bumbac.

Drumul principal de tranzit prin raia urma pe malul stîng al Prutului. Aceasta se confirmă din firmanul sultanului Abdul Hamid, în care se indica, că deoarece negustorii turci, care treceau prin satele moldovenești de pe malul drept al Prutului, jefuiesc țăranii localnici și reduc posibilitatea Moldovei pentru a plăti tribut Porții, cei vizați sînt obligați să meargă în exclusivitate pe partea stîngă a rîului, adică prin raia. „Negustorii care țin calea din Constantinopol spre Hotin, — se menționa în firman, sînt obligați să treacă Dunărea lîngă Isaceea și să meargă pe malul stîng al Prutului”¹⁹. Pe acest traseu a mers prin raia în sens opus și călătorul polonez Grzanovski. În anul 1780 din Hotin el a urmat spre Larga, iar apoi, probabil, prin Corjeuți — în

satul Brînzeni și Costești, care se găseau la frontiera de sud a raialei cu Moldova. De aici se putea de trecut Prutul și de mers la Iași, ori de mers direct spre Dunăre, cum a făcut călătorul polonez: de la Hotin pînă la Costești Grzanovski a făcut 22 de ore sau două zile de drum²⁰, iar satul Corjeuți e plasat la jumătate de cale; plecînd din Hotin sau Costești dimineața și parcurgînd o cale de 10—12 ore, negustorul putea să înnopteze la Corjeuți. Tot prin Corjeuți trecea drumul locuitorilor din satele de sud ale raialei nu numai spre Hotin, dar și spre Lipcani și Briceni, localități recent devenite puncte de desfacere a producției agricole.

Pentru deservirea călătorilor în satul Corjeuți se pare, că au apărut gospodarii speciale. Unele din ele, după mărturiile bătrînilor din sat, se numeau caravan-sarai. Această gospodărie avea o încăpere mare pentru caii călătorilor, cu uși largi în pereți diferiți — seara vehicolul intra printr-o ușă, iar dimineața ieșea prin cea opusă. Aici mai erau o sală pentru deservirea călătorilor și un beci mare, atestate și în recensămîntul din anul 1818 ca „piteinî dom” și „pogreb”. Importanța așa-numitei circume nu se reducea numai la deservirea călătorilor cu mîncare și băuturi. În ea se vindeau și alte produse, doar în sat alt punct comercial nu exista. Mai ales în asemenea circume se realizau articole de băcănie, nu întîmplător în registrul tarifar al raialei Hotin de la anul 1771 se menționa, că de obicei „s privozimîh v Hotin raznih siestnih pripasov, nazîvaemîh bacaleia, bralasi s cajdogo voza-lev”. Aici stăpînul și, localnicii puteau să încheie diferite afaceri comerciale cu negustorii străini în trecere. Tot aici putea să-și afle sediul său și percepătorul de taxe vamale, doar după cum s-a menționat mai sus la 1774 în sat e pomenit un vădrar. Plus la aceasta în Moldova pe vremuri punctul vamal se mai numea și „carvasara”, numire ce provine de la „caravan-sarai”. În recensămîntul din 1774 mai figurează și un „cărăuș”, care, probabil, se ocupa cu transportarea diferitor încărcături pentru acest caravan-sarai.

O parte însemnată a rezultatului muncii sătenilor se folosea pentru întreținerea aparatului de cîrmuire și mai ales a celui militar osman. Primul proprietar al presupusului venit din Corjeuți a fost desenat încă în anul 1716 un oarecare Iusuf-aga, responsabil al unei redute (întărituri) din cetatea Hotin. Vînzarea, dăruirea, fărîmîțarea proprietății de pămînt era interzisă, iar dirijarea nemijlocită a procesului de muncă de către sipahi, deținătorul moșiei, era limitată. Țăranii erau relativ liberi față de sipahi, dar legați de locul de trai. În așa condiții inițiativa gospodărească în sfera agricolă atît a țăranului, cît și a stăpînului, era substanțial limitată.

Fără îndoială, că printre sipahi era răspîdită tendința de lărgire a moșiilor lor. La început ridicarea statutului social al unui musulman, inclusiv și al unui sipahi, era posibilă mai ales prin evidențieri pe cîmpul de luptă. Această tendință predomina în perioada cuceririlor masive osmane. Dar în secolul XVIII Poarta tot mai des suferea înfrîngerii militare, pămînturi noi nu mai apăreau și în rîndul sipahilor, altor pături înstărite osmane, persista tendința de prefacere a unor proprietăți de stat în proprietăți particulare. În acest proces de însușire a proprietății de stat asupra pămîntului se încadraseră și ienicerii, care primeau salariu din visterie, dar în perioada de decădere a imperiului — cu rețineri frecvente. Pentru însușirea unor loturi de pămînt arabil și obținerea dreptului de transmitere a lui prin moștenire, pe lotul în cauză se construiau clădiri pentru locuit, mori, se săpau fîntîni, se sădeau pomi, care datorită muncii sîrgincioase deveneau proprietăți private²¹. Astfel, pe moșii, chiar și în apropierea sateilor de creștin, apăreau cătune cu populație turcă.

În jumătatea a doua a secolului XVIII în apropierea Corjeuților e atestat un cătun de turci. De la ei provin unele calificative menționate în recensămîntul din anul 1774 huzun (lung), chitai (litoral), care au fost preluate de deținătorii lor moldoveni prin diferite contacte sociale. Făcînd parte dintr-o comunitate etno-religioasă privilegiată, minoritatea turcă își rezervase o situație distinctă atît pe pămînt, cît și pe cealaltă lume — ei își înhumau decedații pe locul, care în prezent poartă numele de „cimitir turcesc”.

Așezarea acestui cătun turcesc în apropierea unui sat, unde se opreau călătorii, probabil că aducea profituri și populației turcești locale. Călătorul turc prefera să se oprească la consîngeneii săi. Religia musulmană, profesată de turci interzicea acestora să seadă la masă, să mîncească carne de porc, să bea spirtoase, să cumpere carne de la „necredincioși”²². Aici, după cum se vede, exista cel de al doilea beci mare, menționat în anul 1818, unde se păstrau în cantități mari produse alimentare, și o cafenea pentru orientali. În cafenea „dreptcredincioși” puteau să-și potolească foamea. Aici puteau și turcii din localitate să mai facă unele cumpărături de la stăpînul cafenelei și de la chiriașii lui, să afle noutăți ori pur și simplu să stea de vorbă cu conaționalii lor la o ceașcă de cafea și să fumeze tutun din ciubucuri, care în prezent se întîlnesc adesea pe locul vechii așezări turcești. După spusele bătrînilor din localitate, spre acest cătun ducea o conductă de apă cu țevi de ceramică, fapt ce ne mărturisește că locuitorii lui aveau o situație materială mai bună. La turci, probabil, lucrau și unii locuitori ai satului Corjeuți. Unul din cei enumerați în recensămîntul din anul 1774 purta calificativul turcesc „surugiu” și probabil că deservea acest han turcesc, care se afla la dispoziția călătorilor turci, inclusiv și a celor ce se ocupau cu negoțul.

Negustorii turci, mai ales cei din rîndul ienicerilor de la Hotin, aveau o tristă faimă, ce și-a găsit reflectarea și în cartea de porunci a domnitorului Moldovei C. Mavrocordat din anul 1741, în care se menționa, că iamacii, adică militarii turci din Hotin, în drumul lor spre iarmarocul din Moghiliov, luau de la localnici vite fără

plata²³. Purtarea abuzivă a turcilor, inclusiv și a negustorilor, frâna dezvoltarea comerțului, deoarece, după cum a observat F. Enghels, în Imperiul Osman lipsea „condiția principală a activității de afaceri burgheze — securitatea personalității negustorului și a proprietății lui”²⁴. Cele menționate mai sus condiționau o dezvoltare lentă a relațiilor social-economice și culturale a localității și a ținutului.

De la această perioadă tristă puțin ce a rămas ca mărturie. Timp de aproape două secole înfățișarea satului s-a schimbat substanțial. Nu mai poate fi văzută nici clădirea fostului caravan-sarai, demolat, din păcate, cu câteva decenii în urmă. De la el a rămas numai beciul, în care se păstrau produsele alimentare. Acest fapt constituie încă o mărturie, că locuitorii satului, unde mai există multe edificii vechi, își pastrează cu mare sfîințenie trecutul lor, parte componentă a trecutului întregii republici.

Note

¹ Documente privind istoria României. Sec. XVII. A. Moldova. Buc., V. V. 1957. P. 275.

² Catalogul documentelor moldovenești. Buc., V. III. 1968. P. 40.

³ Cronicile României sau Ietopisețele Țării Moldovei și a Valahiei. Ed. II. Buc., 1874. P. 170.

⁴ Ibidem.

⁵ Димитров С. А. Турецкие документы о состоянии Хотинской округи (нахии) в первой половине XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1967. Т. II. С. 145.

⁶ Conform catagrafiei din anul 1817 pe moșia Corjeuți sa afla seliștea veche Corjeuți. (Vezi: Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Кишинев, 1907. Т. III. С. 34); Драгнев Д. М. Сельское хозяйство феодальной Молдавии. Кишинев. 1975. С. 177.

⁷ ACS R.S.S.M. F. 5. R. 2. D. 398. F. 364.

⁸ Moldova în epoca feudalismului. V. VII. Partea II. P. 176—177.

⁹ Труды Бессарабской ученой архивной комиссии. Т. III. С. 34.

¹⁰ MEF. V. II. Partea II. P. 176—177.

¹¹ Arhiva românească. Iași. Ed. II. V. II. 1962. P. 260.

¹² Catalogul documentelor turcești. Buc., V. II. 1965. P. 266.

¹³ ЦГВИА СССР. Ф. 14209. Оп. 5/165. Д. 8, 2, Л. 7.

¹⁴ ЦГАДА СССР. Ф. 293. Оп. 1. Д. 109. Л. 49.

¹⁵ ЦГАДА СССР Ф. 293. Оп. 1. Д. 116. Л. 205.

¹⁶ ЦГАДА СССР. Ф. 293. Оп. 1. Д. 109. Л. 49.

¹⁷ Catalogul documentelor turcești. V. II. P. 266.

¹⁸ Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. Т. 1. С. 140.

¹⁹ Catalogul documentelor turcești. V. II. P. 310.

²⁰ Panătescu P. P. Călători poloni în țările române. Buc., 1930. P. 236.

²¹ Мейер М. С. Некоторые черты аграрных отношений в Османской империи // Историография стран Востока (проблемы феодализма). М., 1977. С. 282, 285.

²³ Керимов Г. М. Шарият и его сущность. М., 1978. С. 125.

²⁴ Iorga N. Studii și documente cu privire la istoria românilor. Buc., V. II. 1974. P. 326, 330.

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. II. Т. 22. М., 1962. С. 33.

Резюме

В 1715 г. с. Коржеуць вместе с другими селами Хотинского цинута попало под непосредственным управлением османской администрации. Численность населения росла медленно, здесь сельчане занимались преимущественно земледелием и скотоводством. Продукты своего труда они реализовали на соседних базарах или купцам, которые часто останавливались в этом селе на ночлег. В Коржеуцах располагались два постоянных двора. От одного из них остался довольно большой погреб. В настоящее время это сооружение представляет собой один из немногих памятников истории и культуры Молдовы XVIII в. Его необходимо брать под охраной государства.

RECENZII РЕЦЕНЗИИ

С. В. Вальков

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МОЛДАВИИ XIX — НАЧАЛА XX в. КИШИНЕВ, 1989

Проблемы исторического развития Бессарабии и Левобережного Поднепровья в составе Российской империи вызывают в последнее время повышенный интерес. Они широко обсуждаются на страницах республиканской периодической печати, по ним высказываются различные точки зрения противоположного характера. «Отставание» же строго научного исследования конкретных проблем от их публицистического освещения имеет как объективное, так и субъективное объяснение. Фундаментальные исследования требуют много времени для выявления всевозможных новых документальных материалов и теоретического их осмысления, преодоления длительного пути к читателю из-за низких возможностей нашей полиграфической системы.

Среди последних научных публикаций по указанной проблеме можно назвать и рецензируемый сборник статей, подготовленный в начале второй половины 80-х гг. В него включены статьи, которые по тематике можно условно разделить на три группы: социально-экономические, общественно-политического и революционного направления и историографические.

Сборник предваряет предисловие — «Об итогах и задачах изучения истории Молдавии периода капитализма (авторы В. И. Жуков и И. И. Жаркуцкий), в котором анализируется научная литература по проблемам истории Молдовы 1812—1917 гг., опубликованная в первой половине 80-х гг. Это в существенной мере дополняет наши представления о развитии исторической мысли изучаемой проблематики. Предпринимается попытка переосмыслить некоторые важные вопросы истории края указанного периода. Среди них особое место занимает оценка акта 1812 г. По мнению авторов, «объективная оценка характера этого акта и его последствий предполагает комплексное изучение и глубокое осмысление всех сторон» этой проблемы. (с. 3). И при этом не следует «выпячивать отдельные факты и распространять полученные на основе их изучения частичные выводы на общую оценку всего исторического процесса» (с. 7). Исходя из этого, исследователи приходят к выводу, что утверждения о закономерности включения Бессарабии в состав России неубедительны (с. 7)).

Намечая задачи сборника, его авторы указывают на необходимость разработки целого ряда неисследованных тем: русско-турецкая война 1806—1812 гг.; дипломатическая борьба русского правительства по вопросу Дунайских княжеств этого периода; особенности трансформации феодализма в крае в связи с изменением его типа после включения в состав к России; многие вопросы социально-экономического развития, общественно-политического и особенно национального движения в Бессарабии; проблемы социальной психологии и др. Особенно отмечается отсутствие исторических исследований по такой большой и важной теме, как культура Молдовы 1812—1917 гг. К перечисленным аспектам этой многоплановой проблемы необходимо добавить и такой неизученный вопрос, как история церкви в Бессарабии в XIX — начале XX в.

Вряд ли можно однозначно положительно оценить до недавнего времени подход, суть которого сводится к тому, что «центральным направлением в научных исследованиях оставалось дальнейшее осмысление влияния... общероссийских факторов на социально-экономическое, политическое и культурное развитие, общественно-политическое и революционное движение в крае, выявление места Молдовы в общественно-экономической и политической системах Российского государства» (с. 4—5). Новое видение мира и исторического прошлого предопределяет и новые подходы и направления в его изучении.

Сборник начинается статьей Д. М. Драгнева «Эволюция отработанной ренты в царанской деревне в последней трети XVIII в.—30 гг. XIX в.» Это всего лишь один аспект большой темы интеграции Бессарабии в общероссийскую социально-экономическую систему, над которой работает автор.

После Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., ограничившего в определенной мере османское господство в Молдове, появились возможности для эволюции экономических отношений в княжестве от феодально-государственных к частнофеодальным. Внутрiformационный сдвиг «пересекался» с межформационной эволюцией, так как в данный период все более интенсивно зарождались элементы капиталистических форм (с. 22). Особенно ускорились эти процессы после 1812 г., когда Бессарабия

перешла из региона, где господствовали феодально-государственные отношения собственности (Турция), в зону преобладания сеньориально-вотчинных отношений (Россия).

Основательным является вывод о том, что к 30—40 гг. XIX в. наблюдается абсолютное возрастание объема отработочной ренты в целом в системе феодальной эксплуатации крестьян (с. 55). И эта тенденция соответствовала внутрiformационному сдвигу в ходе типологической интеграции края в социально-экономическую систему Российской империи. Для более полного освещения темы следовало бы проследить соответствующие процессы, протекавшие после 1812 г. в Запрутской Молдове. Это дало бы возможность сравнить развитие аналогичных социальных процессов.

Статья И. А. Анцупова «Расхождение в крепостной деревне Левобережного Поднепровья в дореформенный период» является первой в советской историографии попыткой исследования проблем разложения феодально-крепостнической системы в указанном районе. Основываясь на богатом фактологическом материале, автор показывает пути внутрiformационного накопления и формирования зажиточной прослойки. Он приходит к выводу, что крепостное крестьянство в рассматриваемой зоне не было однородной массой. Увеличивающееся различие между богатым, средним и бедным слоями, которое проявилось во всей совокупности хозяйственной деятельности крестьянства, прослеживалось уже тогда. Процессы имущественного и социального расслоения проходили неравномерно. Последнее проявилось больше как тенденция (с. 85), ибо социально-экономические возможности для капиталистического развития в крепостной деревне ограничивались существовавшим вотчинным типом хозяйства.

И. И. Жаркуцкий освещает в своей статье «Развитие виноградарства и виноделия в Левобережном Поднепровье в 60—90-е гг. XIX в.» социально-экономический аспект проблемы. Он исследует темпы расширения виноградных плантаций на данной территории; определяет степень участия крестьянского населения в этом виде хозяйственной деятельности; показывает урожайность виноградников и суммарный объем производства вина в Левобережном Поднепровье в конце XIX в.; условия и формы сбыта реализуемой продукции, ее доходность. Констатируя существенные изменения в развитии виноградарства и виноделия, автор считает, что они «были обусловлены как общим процессом социального и экономического развития, так и более широким вовлечением Левобережного Поднепровья в систему всероссийского рынка» (с. 109—110).

В статье В. Н. Томульца «Гильдейская реформа в крае и ее влияние на рост купечества и купеческого капитала (1830—1861 гг.)» предпринята попытка выявить особенности указанной реформы и ее влияние на торговлю, значение торговых льгот для формирования гильдейского купечества, определить его численность в объеме купеческого капитала торговой буржуазии Бессарабии. Указывается на противоречивый характер реформы, делается вывод о том, что к середине XIX в. здесь сформировалась значительная прослойка торговой буржуазии, а купеческие капиталы в несколько раз превышали обороты ярмарок (с. 126).

Н. В. Бабилунга, автор статьи «Опыт функциональной классификации городов Бессарабии по материалам переписи 1897 г.», впервые в советской молдавской историографии применяет некоторые методы количественного анализа для выявления скрытой информации, содержащейся в материалах переписи 1897 г. В исторической науке проблемы классификации принадлежат к числу спорных и дискутируемых. Однако умело применяя нетрадиционные для исторического исследования методы, дополняя их содержательным анализом, Н. В. Бабилунге удалось создать полноценное историческое исследование. Полученные результаты свидетельствуют о том, что города края отличались полифункциональной структурой. В работе очерчены и дальнейшие направления исследования этой темы.

Ко второй группе относятся статьи И. Ф. Иоввы «О научных изысканиях и общественной деятельности А. Хыждеу (по некоторым новым материалам)» и В. Н. Поливцева «Участие трудящихся водного транспорта Бессарабии в первой российской революции (1905—1907)». В первой приведены новые материалы о жизни и деятельности видного представителя интеллигенции края, который наряду с созданием художественных произведений занимался вопросами истории Молдовы, исследовал жизнь и учение украинского писателя и философа Г. Сковороды.

В. Н. Поливцев, основываясь на богатейшем фактологическом материале, показывает участие трудящихся водного транспорта Бессарабии в стачечном и профсоюзном движениях в годы революционного подъема, сравнивая его с событиями в революционных центрах страны, в частности в Одессе.

Статья В. И. Жукова «Советская историография о развитии капитализма в Бессарабии после 1812 г. (к постановке проблемы)» — теоретического характера и относится к третьей группе статей. Автор высказывает свои суждения о проблемной историографии, когда она в качестве внутреннего рычага исторической науки... обеспечивает ее интеграцию, благодаря усвоению наследия в процессе познания прошлого» (с. 218); делает анализ категории «исторический факт», прослеживает ее связи с другими понятиями.

Рецензируемый сборник представляет серьезное исследование различных аспектов истории Молдовы 1812—1917 гг. Проблемная разработка тем на основе новых источников расширяет наши представления о некоторых сторонах сложного, противоречивого процесса исторического развития края в рассматриваемом периоде.

VIAȚA ȘTIINȚIFICĂ НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

PROBLEME ALE ISTORIOGRAFIEI MOLDOVENEȘTI CONTEMPORANE

La 20—21 martie 1990 în orașul Chișinău a avut loc conferința științifică republicană cu tema: „Știința istorică din R.S.S. Moldova: starea actuală și de perspectivă”. La lucrările ei au participat savanți ai Institutului de istorie „I. Grosul”, ai altor instituții științifice ale A.Ș. a R.S.S.M., Institutului de cercetări social-politice al C.C. al P.C. al Moldovei, instituțiilor de învățământ superior din republică, Arhivei centrale de Stat a R.S.S.M., muzeelor Asociației republicane a istoricilor etc.

Conferința a fost deschisă prin cuvântul introductiv „Știința istorică a Moldovei în lumina cerințelor restructurării” prezentat de V. Țaranov, director al Institutului de istorie, membru-correspondent al A.Ș. a R.S.S.M. La ședințele plenare au fost discutate șase referate: „Bilanțurile și perspectivele cercetării problemelor istoriei Moldovei din perioada feudalismului”, „Unele bilanțuri și probleme ale cercetării istoriei Basarabiei în componența Imperiului Rus (1812—1917)”, „Istoriografia sovietică cu privire la lupta pentru puterea Sovietelor în Moldova”, „Problemele cercetării istoriei Basarabiei în anii 1918—1940”, „Bilanțurile principale și problemele cercetării istoriei construcției socialiste în Moldova”, „Problemele actuale ale istoriografiei istoriei P.C. al Moldovei”, dedicate nivelului de studiere al problemelor istoriei Moldovei din perioada feudalismului și până în zilele noastre. Bilanțurile despre literatura științifică acumulată au fost făcute la patru „mese rotunde”, unde și-au expus opiniile circa 50 de savanți. În timpul schimbului liber de păreri referitor la diverse probleme ale istoriei, literatura istorică a fost apreciată de pe pozițiile zilei de astăzi, au fost puse în dezbatere „petele albe” și trasate căile lor de cercetare.

Tratările noi, prezentate de către savanți, ale problemelor istorice acute și de un interes deosebit, care preocupă astăzi nu numai instituțiile științifice, ci și masele largi, exercită o puternică influență asupra situației social-politice din republică. Au fost prezentate propuneri referitor la necesitatea de a urgenta democratizarea procesului cercetărilor științifice.

D. S. Taban

PLURALISMUL ȘTIINȚIFIC — INDEMN LA ÎNALȚARE ÎN ISTORIE

Avîntul procesului de renaștere națională, caracteristic etapei actuale a dezvoltării societății noastre, a determinat creșterea intereselor maselor largi față de istorie. Oamenii resimt neceitatea de a desprinde din evenimentele trecutului lecțiile istoriei.

Responsabilitatea istoricilor constă în prezentarea acestor „lecții” la nivelul cerințelor restructurării, adică de pe pozițiile liberului cuget descătușat de presiuni externe (de care nuanță n-ar fi ele) și concepții impuse în interese politice.

Noile condiții pentru desfășurarea activității științifice, ce se crează sub influența democratizării societății, permit multor specialiști cu o cunoștință profundă față de izvoarele istorice, să întreprindă o cotitură în psihologia și caracterul cugetării lor istorice, să poată renunța la stereotipurile dogmatice a viziunii procesului istoric, ce au fost elaborate arbitrar încă de generația istoricilor perioadei staliniste și neostaliniste.

Conlucrarea specialiștilor cu practică de cercetare și a cadrelor tinere entuziasmate, în condițiile democratice a pluralismului, v-a deschide o cale nouă în elaborarea concepției cu adevărat științifice a trecutului nostru istoric. Desigur, că până la apariția cercetărilor fundamentale, întocmite de pe poziții noi, va trece un anumit timp. Articolele publicistice apărute în presă numai parțial pot recupera lipsa cercetărilor științifice. În multe publicații din presă, referitoare la trecutul îndepărtat, evenimentele istorice sînt expuse cu multe greșeli factologice, lipsește atitudinea critică față de sursele istorice.

În asemenea împrejurări Consiliul științific al Institutului de istorie al A.Ș. a R.S.S. Moldova, la ședința sa din 25 ianuarie a.c. a propus un șir de măsuri științifice organizatorice, menite să înlesnească aprofundarea cercetărilor și difuzarea cunoștințelor istorice. Printre măsurile propuse — discuția publică a tematicii institutului și cercetarea ei pe baze de concurs, anunțarea în presă a unui concurs deschis, pentru

cercetarea chiar în decursul anului curent a aspectelor contraversate, referitoare la cele mai importante evenimente din trecutul nostru.

În luna martie a.c. în presa republicană au fost anunțate următoarele teme de concurs: „Anul 1812 în destinele poporului moldovenesc“, „Istoria revoluției socialiste în Moldova, apariția și rezolvarea chestiunii basarabene“, „Formarea și dezvoltarea statalității naționale sovietice a poporului moldovenesc“, „Simbolica istorică națională“, „Problemele istoriei social-politice ale Moldovei de la începutul secolului XIX — anii '70 sec. XX“ (cercetări de pe poziții alternative).

La o nouă ședință din aprilie a.c. Consiliul științific al institutului a examinat rezultatele concursului. S-a constatat, că la el au participat și s-au încadrat în procesul de cercetare nu numai specisliști din institut, ci și lectori de la instituțiile de învățământ superior, lucrători de la alte instituții științifice, uniuni de creație. Până la sfârșitul anului s-a planificat pregătirea unei serii de lucrări, scrise de pe poziții noi, restructuriste: „Istoria Moldovei. Din cele mai vechi timpuri până în februarie 1917 (Schife)“, „Pacea de la București din 1812“ (Monografie științifico-populară), „Simbolica istorică națională a Moldovei“ (broșură științifico-populară), două culegeri de articole științifice, consacrate temelor de concurs, un șir de broșuri, planificate anul trecut. De asemenea se va încheia revederea integrală a textului lucrării de sinteză „Istoria R.S.S. Moldova“ vol. II etc.

Editarea acestor lucrări e cu atât mai mult necesară, deoarece cititorul larg, profesorii de istorie, studenții, elevii nu dispun de cercetări, ce ar descrie procesul istoric de pe poziții științifice contemporane.

Încercarea întreprinsă recent de a edita o culegere de articole, publicate ulterior în presa republicană, nu e, credem noi cea mai potrivită cale de a recupera acest neajuns și a justifica risipa de hârtie dificitară. Despre aceasta ne mărturicește și culegerea „Indemn la înălțare în istorie“, Chișinău, 1990 (Redactor alcătuitor L. Bulat).

În culegere au fost incluse un șir de materiale, publicate în presa republicană, ce se referă la discuțiile în jurul problemelor de istorie, care au avut loc în anul 1988. Au trecut, însă doi ani, multe materiale s-au învechit, deoarece articolele de gazetă nu pot supraviețui atât timp, fiindu-le viața doar de la o zi până la câteva săptămâni (făcînd, desigur, abstracție de unele materiale ce cuprind o descriere pozitivă a evenimentelor și își păstrează actualitatea). În articolele critice, unii istorici, numiți cu dispreț drept reprezentanți ai istoriografiei timpului stagnării (p. 247) astăzi se situează în primele rînduri ale istoriografiei restructuriste. Credem, că această eduție și-ar fi avut rostul, dacă ar fi inclus integral toată gama discuțiilor din 1988, adică ar fi publicat și materialele celor criticați, cum au procedat, de exemplu, alcătuitoarii unei culegeri, referitoare la limbă și alfabet. Aici s-a procedat altfel, încălcîndu-se principiul pluralismului, atât de elogiate în introducerea culegerii.

De exemplu, se publică articolul învățătorului Ion Stafii „Manualul de istorie“, dar se ignorează articolul „Dreptul la replică“, publicat tot atunci în „Literatura și arta“, unde se arată erorile și inexactitățile materialului semnat de I. Stafii (Dialogul dintre domnia sa și un autor, prezentat aici atât de odios (p. 101), a avut în realitate un sens cu totul contrar, ce e și fundamental demonstrat în „Dreptul la replică“). Numai prin ignorarea principiilor, declarate în introducerea amintitei culegeri, poate fi înțeleasă publicarea articolului „Monopol asupra istoriei“, scris de pe pozițiile metodologiei „căutării dușmanilor“. Nemaivorbind de avalanșa învinuirilor bazate pe zvonuri necontrolate și explicarea relațiilor personale, prezentate tendențios (participarea personală la tratarea unilaterală a istoriei autorul o ascunde), în varianta publicată criticul a găsit de cuviință sa excluda un pasaj (p. 130), prezent în varianta, publicată în „Nistru“. E vorba, că cei criticați au deviat de la metodologia marxist-leninistă. În 1988 era încă o învinuire gravă. Acum și-a pierdut sensul și a fost tacit omisă. În acest caz orice comentariu e de prisos!

Credem, că asemenea „senzații“ mai pot apărea atât timp, cît nu va triumfa crezul marelui Valtaire „Eu vă urăsc părerile D-stră, dar sînt gata să-mi jertfesc viața, pentru ca să aveți dreptul de a vă exprima“. De aici și necesitatea colaborării, chiar și pe baze alternative, abandonarea metodologiei vechi a „căutării dușmanului“ și conlucrarea în comun. O politică de interzicere (în orice mod ar fi ea efectuată) ar duce doar la retrogradare în dezvoltarea civilizației. Adevărata înălțare în istorie poate avea loc numai pe baza pluralismului științific. La o înălțare spre istoria adevărată vor putea să ne îndemne și lucrările de concurs anunțate de academie, dacă ele vor urma prin conținutul lor principiile nobile ale restructurării, iar autorii lor nu se vor lăsa ademeniți de scopuri conjuncturiste și interese politice.

R.I.M

IN AJUTORUL PROFESORILOR DE ISTORIE В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ИСТОРИИ

„DIN ISTORIA R.S.S. MOLDOVA“ (II)*

SITUAȚIA POLITICĂ A ȚĂRII MOLDOVEI ÎN ANII DOMNIEI ULTIMILOR MUȘATINI (PINĂ LA INSTAURAREA DOMINAȚIEI OSMANE)

§ 1. Situația Moldovei în primele decenii ale sec. XVI. Instaurarea dependenței vasale a Moldovei față de Imperiul Osman. (Autor — Ch. V. Gonța)

Situația politică internă și externă a Moldovei în primul deceniu al secolului XVI. Marea boierime a Moldovei s-a străduit să profite de moartea lui Ștefan cel Mare. Deosebit de active în acest sens erau grupările care își găsiră refugiu în Polonia și Valahia. Noul domn, fiul lui Ștefan cel Mare Bogdan al III-lea (1504—1517) (poreclit „cel Orb“, fiind într-adevăr orb de un ochi) încheie un compromis cu o mare parte din boieri, lăsându-i în sfatul domnesc pe unii reprezentanți ai opoziției, inclusiv pe căpetenia ei Luca Arbore, portarul de Suceava, care începuse să joace un rol considerabil în viața politică a țării. Opoziția boierească era susținută de regele Poloniei Alexandru I. Acesta hotărî să-i folosească pe boierii opoziționiști, fugiți în Polonia, pentru a-și su-pune Moldova.

În asemenea condiții grele interne și externe, Bogdan a mizat pe legăturile de vasalitate cu coroana maghiară, contrapunându-le politicii Cracoviei. La rugămintea domnitorului Moldova e susținută de suzerenul ei — regele Ungariei Vladislav al II-lea Jagelon, El cere fratelui său Alexandru să renunțe la acțiunile ostile împotriva Moldovei, care o puteau slăbi în fața expansiunii osmane. Regele Ungariei se temea că în condițiile create Bogdan al III-lea va apela la ajutorul turcilor și tatarilor împotriva Poloniei. Poziția fermă a Ungariei îl constringe pe regele polon să renunțe pentru un timp la planurile sale agresive împotriva Moldovei. La rândul său, Bogdan propune regelui polon să pornească împreună împotriva tătarilor din Crimeea — aliați ai osmanilor care făceau prădăciuni pe teritoriul Regatului Polon. Pentru a-și consolida relațiile cu Polonia, Bogdan al III-lea încercase încă în 1505 să stabilească legături dinastice cu regele polon. Din inițiativa lui Bogdan a fost încheiată o înțelegere preliminară cu privire la căsătoria lui cu Elizaveta, sora regelui. Totodată Bogdan a consimțit să întoarcă Pocuția Regatului Polon. Obținând Pocuția, Alexandru I, sub influența adversarilor legăturilor dinastice cu Moldova, începe să târăgăneze tratativele. Cointeresat în păstrarea relațiilor pașnice cu osmanii, guvernul polonez nu s-a hotărît să încheie un tratat de alianță cu Moldova, tributara sultanului. Ultimul putea să aprecieze acest act drept un amestec în sfera sa de influență. Iată de ce în 1506 noul rege al Poloniei Sigismund I respinge ideea acestei căsătorii, păstrând după sine Pocuția. În urma rușii relațiilor dintre Moldova și Polonia se încep operații militare pe teritoriul Pocuției. Regiunea aceasta trecea mereu dintr-o parte în alta. De faptul că Moldova era ocupată cu război împotriva Poloniei s-a folosit domnul Valahiei Radu cel Mare, care în 1507, în înțelegere cu Polonia, o atacă cu scopul de a-l pune pe tron pe favoritul său Roman Pribeagul. Prin operații militare energice Bogdan al III-lea î-l face pe Radu să semneze pacea, deși relațiile dintre Moldova și Valahia au continuat multă vreme să fie încordate.

Situația lui Bogdan din interiorul țării se stabilizase întrucâtva, dar boierii care au emigrat continuau să prezinte un pericol real. Ei înaintau diferiți pretendenți la tronul Moldovei. Boierii care fugiseră în Valahia îl susțineau pe Roman Pribeagul, iar boierii care și-au găsit adăpost în Polonia îl susțineau pe pretendentul Petru Mînja.

Temîndu-se că Bogdan, din cauza conflictului cu Regatul Polon va fi nevoit să se apropie de Imperiul Osman, regele ungur din nou își asumă rolul de mijlocitor în diferendul dintre Polonia și Moldova. În 1509 s-au început tratativele, care s-au încheiat în anul următor prin semnarea unui tratat de pace moldovo-polonez.

Una din principalele revendicări ale părții moldovenești la tratativele moldo-polone din 1509—1510 a fost extrădarea pretendentului. Deși Sigismund I se obligase, conform tratatului din 1510, să îndeplinească această revendicare, Petru Mînja continua să se afle în Polonia.

Cu toate acestea tratatul din 1510 a marcat încununarea stăruințelor de mulți ani depuse de Bogdan al III-lea de a stabili cu Polonia relații mai favorabile pentru a preveni posibila agresiune din partea Imperiului Osman. Ambele părți s-au obligat să nu intre în coaliții ostile și să facă schimb de informații referitoare la dislocarea trupe-

* Continuare. Incep. vezi: Revistă de istorie a Moldovei, 1990, N 2.

lor osmane. Bogdan al III-lea nu trebuia în nici un fel de condiții să acorde ajutor sultanului sau să treacă de partea lui. În caz de mare pericol din partea Imperiului Osman Sigismund garanta domnului adăpost și ajutor. Dar din cauza problemelor teritoriale nerezolvate multe articole ale tratatului erau îndoielnice. În ansamblu, însă tratatul a fost foarte oportun, deoarece în 1510 crește prumejdia osmană. Aceasta era legată cu lupta pentru tron, care a izbucnit în 1510—1512 în Imperiul Osman și care privea o serie de țări din Europa de Sud-Est.

Relațiile moldo-osmane. Lupte feudale interne au avut loc și în Imperiul Osman. Uneori ele luau aspectul unor lupte pentru tron. Succesiunea la tronul Imperiului Osman se complica deseori din cauza luptei dintre pretendenți, de obicei feciori ai sultanului decedat, care erau susținuți de diferite grupări. Sultanul Baiazid al II-lea hotărâse să rezerveze tronul feciorului său major Ahmed. Un alt fecior, Selim, s-a împotrivit deciziei sultanului. El se refugiase pe litoralul de sud al Crimeei, la Caffa, unde încheiase o alianță cu hanul Crimeei Mengli-Chirei și începe operații militare făcuse de a acapara tronul. Sultanul s-a văzut nevoit să mobilizeze împotriva lui toate forțele Imperiului Osman. În această luptă au devenit deosebit de importante relațiile stabilite între părțile adverse și statele vecine, pe care fiecare căuta să le atragă de partea sa.

Domnul Moldovei s-a pomenit într-o situație extrem de complicată: pe de o parte, Baiazid al II-lea, care îi cerea ca unui tribut să acorde sprijin moștenitorului Ahmed, pe de altă parte, Selim, care se stăruia să-l atragă pe Bogdan de partea sa. La insistențele Istanbulului Bogdan al III-lea hotărâse să-l sprijine pe Ahmed și Baiazid al II-lea. Drept răspuns Selim trimite în anul 1510 tătari din Crimeea împotriva Moldovei. Cu toate că tătarii au fost înfrinți de oastea moldovenească, Selim, ocupând în mai 1511 Chilia și Cetatea Albă, amenință nemijlocit țara. Atunci domnul roagă hanul de Crimeea să mijlocească împăcarea cu Selim. Mengli-Chirei respinge rugămintea lui Bogdan al III-lea și, în plus, se pregătește însuși de campanie împotriva Moldovei. Doar după ce principalele forțe ale lui Selim sînt înfrînte de sultan tătarii renunța la atacul asupra Moldovei.

După ce îl biruie pe Selim, sultanul Baiazid pretinde din nou ca Bogdan să-i jure credință și să-i îndeplinească, în afară de tribut, o serie de alte servicii. Temîndu-se ca trupele sultanului să nu atace Moldova, Bogdan se numește pentru prima oară „rob al sultanului”, comunicîndu-i în scrisoarea sa de răspuns dislocarea trupelor lui Selim și evenimentele din țările vecine. Mai mult decît atît, ostirile moldovenești încep să atace sistematic defășamentele lui Selim, răzlețite după înfrîngere. Domnul Moldovei s-a văzut constrîns ca în afară de tribut să îndeplinească și alte revendicări ale sultanului, unele cu caracter militar.

În vederea noilor servicii viitoare ale domnitorului Baiazid al II-lea a acordat părții moldovenești dreptul de a pescui la gurile Dunării și nu numai nemijlocit la hotarul Moldovei, dar și pe teritoriul Imperiului Osman. Sultanul cedează domnitorului și dreptul de a percepe desetina de la supușii imperiului din acele regiuni, unde dispuneau de terenuri agricole. Toate aceste pămînturi aparțineau pînă la 1484 Statului Moldovenesc. Acum, încă, sultanul se răsplătea cu Bogdan pentru îndeplinirea de către el a obligațiilor față de imperiu.

La răscrucea anilor 1511—1512 corelația de forțe din Imperiul Osman se schimbă în favoarea lui Selim. De partea lui trece majoritatea covârșitoare a ienicerilor. Concentrarea forțelor de bază ale lui Selim la Cetatea-Albă și Chilia, precum și tendința lui de a-și asigura securitatea împotriva unui atac din partea Moldovei prezenta o primejdie directă pentru țară. Bogdan al III-lea cere în zadar ajutor Poloniei și Ungariei. Atunci domnitorul restabilește contactele cu Selim și cu tătarii din Crimeea. El îl recunoaște pe Selim cîrmuitor suprem al Imperiului Osman, confirmînd relațiile reciproce, care se stabiliseră între Moldova și Imperiul Osman cu cîrmuitorul oficial Baiazid al II-lea. La rîndul său domnitorul primește la gurile Dunării și celelalte donații ale lui Baiazid al II-lea. Politica de manevrare a domnului între rivalii pentru scaunul sultanului din Imperiul Osman se termină în aprilie 1512, cînd Celim, avînd susținerea ienicerilor, devine stăpîn la Istanbul. La început noul padișah turc intenționa să-i vedepsească pe Bogdan pentru atacurile asupra părtașilor săi în lupta pentru putere în 1511. Însă solia domnului cu mari cadouri la Istanbul îl liniștesc pe noul sultan și în curînd relațiile cu Moldova se aplanează. În schimb tributul pe care îl plătea Moldova Imperiului Osman este mărit de la 5000 de galbeni la 8000.

Astfel, la începutul celui de al doilea deceniu al secolului XVI domnul Moldovei se vede silit să recunoască obligația, ca în afară de tributul mărit să presteze o serie de servicii sultanului: să dea ajutor cu armată, să furnizeze informații despre situația în țările vecine ș. a. Toate acestea erau semnele atragerii Moldovei în dependență de vasalitate față de Imperiul Osman.

Ordinile sultanilor Baiazid II și Selim I prezentau primele încercări de a dirija activitatea domnului Moldovei cu ajutorul anumitor dispoziții. Următorii sultani, deasebenea socotind Moldova drept o țară vasală lor, expediau tot mai des domnitorilor diverse dispoziții și cereau îndeplinirea lor sub amenințarea cu forța. Însă faptul că domnul nu era numit de Poartă, ci ales în țară, nu permitea sultanului de a se amesteca direct în afacerile interne și externe ale Moldovei. Domnitorii promovau în fond, o politică externă independentă, manevrînd între statele europene și Imperiul Osman. Scopul principal urmărit de domnitori, era slăbirea dependenței față de Poartă și păstrarea independenței Țării Moldovei.

tului Polonez. Promovînd o astfel de politică Petru Rareș a luat în considerație situația ce se formase în favoarea osmanilor: înfrîngerea în luptă pentru tronul maghiar a lui Ferdinand de Habsburg, care era împotriva sultanului, trecerea unei mari părți din Regatul Ungar în mîinile vasalului osman Ioan Zapolya, apariția trupelor osmane în preajma Vienei.

Petru Rareș l-a ajutat pe Ioan Zapolya să cucerească Transilvania, pentru care fapt primește în calitate de feudă domeniile funciare Bistrița și Rodna cu o mulțime de sate, și confirmarea dreptului de posesiune asupra Ciceului și Cetății de Baltă, pe care încă Ștefan cel Mare le primise de la Matei Corvin. Iar încercarea lui Petru Rareș de a-și extinde posesiunile prin reluarea Pocuției, pe care domnul Bogdan o dăduse Poloniei în 1505, a avut ca urmare mari complicații politice pentru Moldova.

Relațiile moldo-polone din deceniul 4 al secolului XVI. Restabilirea alianței antiagelonice. Petru Rareș a început să se pregătească de acțiuni împotriva Poloniei prin participare activă la coaliția antiagelonică, în cadrul căreia a avut loc o nouă apropiere între Moldova și Statul Rus. Începînd din 1529, între Moscova și Suceava are loc un schimb frecvent de solii cu scopul de a relua relații cu fostul membru al alianței antiagelonice — Rusia. După cum rezultă din scrisoarea lui Vasile al III-lea marele cneaz al Moscovei trimisă la începutul anului 1530 hanului Crimeei Sadat-Ghirei, coaliția antiagelonică a devenit realitate. Vasile al III-lea îl invita pe han să se încadreze și el în această alianță: «Acum noi l-am luat pe Petru al lui Ștefan voievod al voloșilor, în prietenie și îl ținem în cinste și deaceea tu, frate al nostru pe Petru al lui Ștefan voievodul să-l cinstești și să-l ocrotești, precum l-a cinstit și ocrotit pe Ștefan voievod tatăl tău împăratul Mengli-Ghirei». În urma aderării hanului Crimeei la alianța antiagelonică Moldova a fost scutită pentru un timp de incursiunile jefuitoare ale tătarilor.

Petru Rareș își începe acțiunile antiagelonice cu cererea de a i se întoarce Pocuția. Regele polonez refuză, atunci Petru Rareș face la sfîrșitul anului 1530 o incursiune în teritoriul ei. Populația ucraineană a Pocuției a întîmpinat prieteneste armata moldovenească, deoarece spera să scape cu ajutorul ei de prigonirile sleahtei poloneze și a bisericii catolice. În 1531 oastea poloneză silește trupele moldovenești să părăsească Pocuția. Diplomația poloneză de la Istanbul obținuse date că sultanul Suleiman nu ar fi susținut acțiunile întreprinse de vasalul său Petru Rareș în Pocuția. Noua încercare a lui Petru Rareș de a ocupa această regiune s-a încheiat cu înfrîngerea armatei moldovenești la Obertin 22 august 1531. Înfrîngerea a fost înlesnită de politica trădătoare a unei părți din boierii moldoveni, care se temeau de întărirea puterii domnești. Conflictul moldo-polon din cauza Pocuției a continuat cîțiva ani. Se proiecta ca în 1532 domnul Moldovei să pornească împreună cu hanul Crimeei împotriva Poloniei. Din cauza neînțelegerilor interne din Hanatul Crimeei planul a eșuat. Ca răspuns la activizarea acțiunilor Moldovei antiagelonice Polonia interzice trecerea solilor moldoveni și ruși prin pămînturile lituaniene. În continuare legăturile dintre Suceava și Moscova erau întretinute prin Crimeea.

Relațiile dintre Moldova și Rusia au continuat și după anul 1533 cînd Vasili al III-lea decedează. Grupul de boieri, care cîrmuia în Statul Rus, în frunte cu cnezii Suischi a dus mai departe lupta împotriva Iagelonilor pentru întoarcerea pămînturilor ruse. În vara anului 1534 a izbucnit un război între Rusia și Lituania. În același an în Moldova a sosit de la Moscova o solie pentru a coordona linia politică. În numele minorului Ivan al IV-lea guvernul rus a declarat solilor polonezi la începutul anului 1537: «Să știți panilor, că Ștefan — voievodul voloh — a fost cu bunelul domnitorului nostru, marele cneaz Ivan, în legături de rudenie și prietenie, și domnitorul nostru îl prețuia și îl apăra, iar pe feciorul lui, Petru voievodul, îl prețuia și îl păzea tatăl domnitorului nostru, marele țar Vasili. Iar acum domnitorului nostru, marele domn Ivan, pe Petru, voievodul voloh, îl prețuiește, iar Petru voievodul slujește domnitorului nostru».

Deosebit de valoros pentru Moldova în această perioadă a fost sprijinul Rusiei în conflictul moldo-polonez, care continua. În 1536 și la începutul anului 1537, în timpul tratativelor ruso-lituaniene, partea rusă a pretins ca Polonia și Lituania să încheie un armistițiu cu domnul Moldovei. Solul rus V. G. Morozov, care în aprilie 1537 a venit pentru a semna actele de înțelegere cu regele Poloniei și marele cneaz al Lituaniei, a primit ordinul de a-l face pe regele polonez să încheie un armistițiu cu Petru Rareș. Cîrînd însă, la cererea sultanului turc, hanatul Crimeei iese din coaliția antiagelonică. Poarta avea de gînd să folosească trupele Crimeei în război împotriva Moldovei, pentru a o supune complet Imperiului Osman.

Încordarea relațiilor moldo-turcești Campania din 1538 a oștirilor osmane în Moldova. Subordonarea Ungariei Imperiului Osman și trecerea unei părți considerabile din teritoriile Ungariei sub puterea osmanilor a activat interesele Poloniei în Europa Centrală. Pentru a împiedica amestecul Poloniei în treburile Ungariei sultanul turc stimula acțiunile ostile ale lui Petru Rareș, împotriva regelui polonez. Poarta ducea totodată un joc diplomatic dublu, deoarece nu dorea să între într-un conflict direct cu Polonia. De aceea la tratativele secrete cu solii regelui declara, că nu sprijină pretențiile Moldovei în privința Pocuției. După ce Ungaria a suferit eșec militar, Poarta se temea de o apropiere pe bază antiosmană a Poloniei cu Imperiul Habsburgilor și de blocarea Moldovei la ei. Din cauza aceasta sultanul continua să fie cointeresat în înrăutățirea relațiilor moldo-poloneze încurajă pretențiile Moldovei în privința Pocuției.

În anii 1532—1533 situația internațională a Imperiului Osman s-a agravat. Campania întreprinsă de osmani împotriva lui Ferdinand Habsburg, care primise ajutor de la

ducii germani, a eşuat. În 1532 s-a început războiul Imperiului Osman împotriva Iranului, astfel principalele forţe ale sultanului n-au mai putut să influenţeze asupra treburilor europene. În aceste condiţii sultanul a încheiat la începutul anului 1533 un tratat de pace «veşnică» cu regele polonez pentru tot timpul cât vor fi în viaţă cei doi monarhi: Suleiman şi Sigismund. Dar prelungirea războiului moldo-polon submina pacea «veşnică». Aceasta duce la noi tratative polono-osmane în 1533—1534, în urma cărora a fost întocmit un plan comun al campaniei militare împotriva Moldovei. De rînd cu Polonia şi Imperiul Osman la această campanie trebuiau să participe Ioan Zapolya, Valahia şi tătarii din Crimeea. Conform planului Moldova avea să fie cucerită. P. Rareş — detronat şi pedepsit. Dar războiul turco-iranian l-a abătut temporar pe sultan de la planurile de cucerire a Moldovei. Petru Rareş a ţinut şi el cont în politica sa de slăbirea presiunii osmane în Europa. El trimite oşti în satele şi oraşele transilvănene pentru a-i împiedica pe veneţianul Aloisio Gritti, persoană de încredere a sultanului, de a întări acolo şi în general în regiunea Dunării de jos influenţa turcească. Planurile lui Gritti de a se consolida în Transilvania au fost zădărnice de nobilii locali, sprijiniţi de oastea moldonească. În timpul ciocnirii Gritti a fost ucis. Faptul acesta l-a supărat pe sultan şi numai din cauza războiului cu Iranul nu porneşte împotriva lui Petru Rareş.

În timpul acesta domnul Moldovei caută aliaji. În aprilie 1535 Petru Rareş încheie cu Ferdinand Habsburg o înţelegere secretă de a colabora împotriva agresiilor osmanilor. Domnul îşi lua obligaţia ca în măsura puterilor să nu lase ca trupele osmane să treacă prin teritoriul Moldovei şi să nu plătească sultanului tribut mai mare decît cel existent. Ferdinand, la rîndul său, făgăduia să acorde domnitorului un subsidiu bănesc de 6 mii de ducaţi şi să-i ofere adăpost pe teritoriul său în caz de înfrîngere. Făgăduielile lui Ferdinand, însă, au rămas doar vorbe goale; soliile domnitorului trimise la Viena după ajutoare s-au întors fără nimic.

În 1536, după ce a dus la bun sfîrşit campania iraniană, sultanul Suleiman a hotărît să-l supună pe domnul Moldovei mai întîi prin mijloace diplomatice. El îi ordonă lui Petru Rareş să acorde ajutor lui Ioan Zapolya şi să trimită un detaşament de 6 mii de ostaşi ca să participe la respingerea ofensivei Habsburgilor. În schimb sultanul promite să nu-l pedepsească pe domnitor pentru participarea la omorîrea lui A. Gritti şi să rezolve în favoarea Moldovei problema Pocuţiei. Domnitorul a refuzat să îndeplinească ordinul sultanului şi stabileşte din nou tratative cu Habsburgii, confirmînd intenţiile sale antiosmane. Între timp începe incursiunea Habsburgilor în pămînturile transilvănene, la care se aştepta Petru Rareş. Sultanul în schimb a obţinut un pretext în plus pentru a porni împotriva lui Petru Rareş, vasalul său nesupus.

În primăvara anului 1538 pregătirile de război împotriva Moldovei au luat sfîrşit. În septembrie 1538, conform planurilor dintre aliaji, sultanul în fruntea unei oaste de 200 de mii năvăleşte în Moldova. Concomitent hotarele de est sînt atacate de tătarii din Crimeea iar cele de vest de către oştirile Valahiei şi Ungariei supuse. Din nord ele erau sprijinite de trupele regelui polon, care avea de gînd să-l schimbe pe Petru Rareş cu o creatură mai docilă dintre boierii moldoveni. Împrejurat de duşmani Petru Rareş hotărăşte să împiedice unirea trupelor osmane cu cele ale Hanatului din Crimeea şi Poloniei. Domnul reuşeşte să-i zdrobească pe tătarii în preajma Ştefăneştilor, iar cu polonezii, care asediau cetatea Hotinului, încheie un armistiţiu, renunţînd în schimb la pretenţiile sale asupra Pocuţiei. Împotriva oştirii osmane a aplicat tactica «pămîntului pîrjolit». Pentru bătălia decisivă Petru a ales un loc împădurit în preajma oraşului Botosani, unde conform planului său tactic, duşmanul nu putea profita de superioritatea sa numerică. Marea boierime condusă de Mihai, portar de Suceava, cu logofătul Gavril Troţuşan, în fruntea detaşamentelor de călăreţi, l-au părăsit însă pe Petru Rareş. Sultanul a intrat fără lupte în capitala Moldovei, iar domnitorul împreună cu familia sa pleacă peste Carpaţi ascunzîndu-se în domeniul său Ciceu.

Oastea osmană a ocupat temporar ţara, pe care a prădat-o. La ordinul lui Suleiman, statul boieresc, care a declarat că i se supune, a pus în tronul Moldovei pe un oarecare Ştefan, care se afla în slujbă la osmani şi care s-a declarat fecior al lui Ştefan cel Mare. Deoarece în anii lui de domnie 1538—1540 pe cîmpiile Moldovei au năpădit lăcustele, primul protejat al osmanilor în tronul Moldovei a primit supranumele de Lăcustă. Pentru a-şi întări influenţa, Poarta a lăsat pe lîngă noul domn un detaşament turcesc în calitate de suită personală. Din Moldova ruinată sultanul a cărat toată rezerva de aur şi toate obiectele de preţ din visteria domnitorului. Deosebit de odioasă pentru ţară s-a dovedit a fi anexarea de către turci a ţîrgului Tigina cu împrejurările lui şi a unei noi părţi de teritorii unite cu pămînturile moldoveneşti acaparate de turci în 1484: la sudul ţării. Toate aceste teritorii au fost încorporate în Imperiul Osman. Alături de localitatea Tighina osmanii au înălţat o fortificaţie puternică, pe care au numit-o Bender. Garnizoana noii cetăţi trebuia să vegheze ca Moldova să nu iasă din supunerea Porţii.

Pe restul teritoriului dintre Nistru şi Carpaţi sultanul a menţinut administraţia locală în Moldova. Totodată în actele sale juridice cu caracter intern şi extern Suleiman sublinia, că a cucerit Moldova prin forţa armelor. În conformitate cu islamicul «drept al spadei» această formulare dădea dreptul «juridic» la dominaţie în ţara supusă. După 1538 Statul Moldovnesc este antrenat cu forţa în sistemul dominaţiei Imperiului Osman. Treptat se definitivează şi diferitele forme de dependenţă tot mai grea a Moldovei faţă de Poartă, se instaurează dominaţia osmană.

CUPRINS

СОДЕРЖАНИЕ

Studii

Исследования

- Galben A. I.* Organele judiciare locale din Moldova feudală (sec. XVIII — începutul sec. XIX) 3
Грибинча М. И. Политика фискалэ сталинистэ ын РСС Молдова ши фоамеа дин аний 1946—1947 13

Discuții

Дискусии

- Bobîă Gh. E.* Prima cronică a Moldovei în limba țării și autorul ei (la 400 de ani de la nașterea lui Grigore Ureche) 28

Schife documentare

Документальные очерки

- Драгнев Д. М.* Военные статистические описания Молдовы и Валахии конца XVIII — начала XIX в. как исторический источник 34

Portrete istorice

Исторические портреты

- Мадиевский С. А.* Политический путь Константина Стере (II) 41

Comunicări științifice

Научные сообщения

- Иванова Л. Ю.* О деятельности «Южной социал-демократической рабочей организации» в Кишиневе 58
Rîșcă I. P. Unele contribuții la cercetarea creării bazei materiale a școlilor Moldovei (1945—1960) 60

Plai natal

Краеведение

- Chirtoagă I. G.* Mărturii despre trecutul unui sat al fostei raiale Hotin (Corjeuți) 66

Recenzii

Рецензии

- Вальков С. Н.* Вопросы истории XIX — начала XX в. Молдавии Кишинев, 1989 70

Viața științifică

Научная жизнь

- Probleme ale istoriografiei moldovenești contemporane 72
 Pluralismul științific — îndemn la înălțare în istorie 72

In ajutorul profesorilor de istorie

В помощь преподавателям истории

- Din „Istoria R.S.S. Moldova: Situația politică a Țării Moldovei în anii domniei ultimilor Mușatini (pînă la instaurarea dominației osmane) 74
 Informație despre autorii actualului număr al revistei 80

**Informație despre autorii
actualului număr al revistei**

Andrei I. Galben, candidat în științe istorice, docent la Institutul Pedagogic de Stat „Ion Greangă” din Chișinău. Specialist în istoria dreptului moldovenesc feudal. Op. princip.: „Din obiceiul pământului” al Moldovei feudale (sec. XVIII-prima jumătate a sec. XIX)”.— Chișinău, 1986; articole, referate ș. a.

Mihai I. Gribincea, colaborator științific inferior la Institutul de istorie al A.Ș. a R.S.S. Moldova. Se specializează în istoria agrară a republicii, autor de articole.

Georghe E. Bobîcă, candidat în științe filozofice, colaborator științific superior la secția de filozofie și drept a A.Ș. a R.S.S. Moldova, specialist în istoria gândirii filozofice în Moldova. Op. princip.: «Философские воззрения Антиоха Кантемира».— Кишинев, 1981. «La izvoarele gândirii (motive filozofice în creația poetică a poporului)».— Chișinău, 1988; «Гуманизм в философской и общественной мысли Молдавии в XVII—начале XVIII вв.».— Кишинев, 1989 ș. a.

Larisa I. Ivanova, candidat în științe istorice, lector superior la Institutul Politehnic de Stat „S. Lazo”. Se specializează în istoria mișcării revoluționare în Moldova la începutul sec. XX, autor de articole pe această temă.

Ion P. Rîșcă, conducătorul reuniunii metodice a învățătorilor de istorie, învățător la școala medie moldovenească N 1 din or. Bălți. Se specializează în istoria învățămîntului public din Moldova în anii '40—'60.

Samson A. Madievschi (Vezi n. 2 al revistei noastre).

Demir M. Dragnev, candidat în științe istorice, director adjunct al Institutului de istorie al A.Ș. a R.S.S.M. Specialist în istoria medievală a Moldovei. Op. princip.: «Гайдуки — народные мстители».— Кишинев, 1962; «Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII — начало XIX в.)».— Кишинев, 1975; «История народного хозяйства МССР (до 1812 г.)».— Кишинев, 1976 (coautor); «Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества».— Кишинев, 1987 (coautor și red.); «Moldova în epoca feudalismului». Documente, vol I—IV.— Chișinău, 1961—1987 (unul dintre alcătuitori); compartimente în lucrări colective de sinteză, broșuri, lucrări didactice ș. a.

Georghe V. Gonța, candidat în științe istorice, colaborator științific superior la Institutul de istorie al A.Ș. a R.S.S.M. Specialist în istoria politică a Moldovei din sec. XV—XVIII. Op. princip.: «Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV — первой трети XVI веков».— Кишинев, 1984; «Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества».— Кишинев, 1987 (în colaborare); «Lupta poporului moldovenesc împotriva expansiunii osmane».— Chișinău, 1986; articole ș. a.

DIN SUMARUL NUMERELOR URMĂTOARE

Studii

Structura socială a populației sătești din R. S. S. Moldova (anii '60—'80)

Cît a costat Țara Moldova dominația străină?

Duelul diplomatic ruso-turc în jurul încheierii păcii de la București din 1812

Seminarul teologic din Chișinău în anul 1905 (Contribuții la activitatea lui A. Mateevici)

Portrete istorice

Vasile Lupu Vodă — omul și timpul

Elena Alistar

Schife documentare

«Viața nobilului Abaza» — un manuscris necunoscut despre activitatea lui D. Cantemir și a combatanților săi în Rusia

Fondul «Sîntul Țării» din Arhiva de Stat a R. S. S. Moldova. Descriere arhivistică

În ajutorul profesorilor de istorie

Dezvoltarea artei medievale moldovenești (sec. XV—XVIII)

În fiecare număr: Piața natală — din istoria satelor, orașelor, monumentelor istorice și de artă din Moldova

Memorial — pagini din viața și activitatea jertficilor teroarei staliniste

Recenzii: Viața științifică;

CHIȘINĂU „ȘTIINȚA” 1990

REVISTA DE ISTORIE A MOLDOVEI

Redactori P. M. Andrieș, G. G. Buleico

Pictor V. M. Șisko

Redactor artistic E. B. Muhina

Redactor tehnic V. I. Meriacre, N. M. Duduciuc

Corectori: J. V. Condacova, V. I. Șenșeufcaia

Dat la cules 15.08.90. Bun de tipar 26.09.90. Formatul 70×108¹/₁₆. Coli de tipar, conv. 7,0. Impr., conv. 7,7. Coli editoriale 8,04. Hîrție pentru cărți și reviste. Tipar înalt. Caractere litere. Tirajul 5684. Comanda 341. Prețul 65 c.

Editura „Știința”, 277028, Chișinău, str. I. S. Grosul, 3

Adresa colegiului de redacție: 277612, Chișinău, str. Ștefan cel Mare, 1

tel. 26-26-84; 26-06-17

Tipografia editurii „Știința”, 277004, str. Petru Movilă, 8